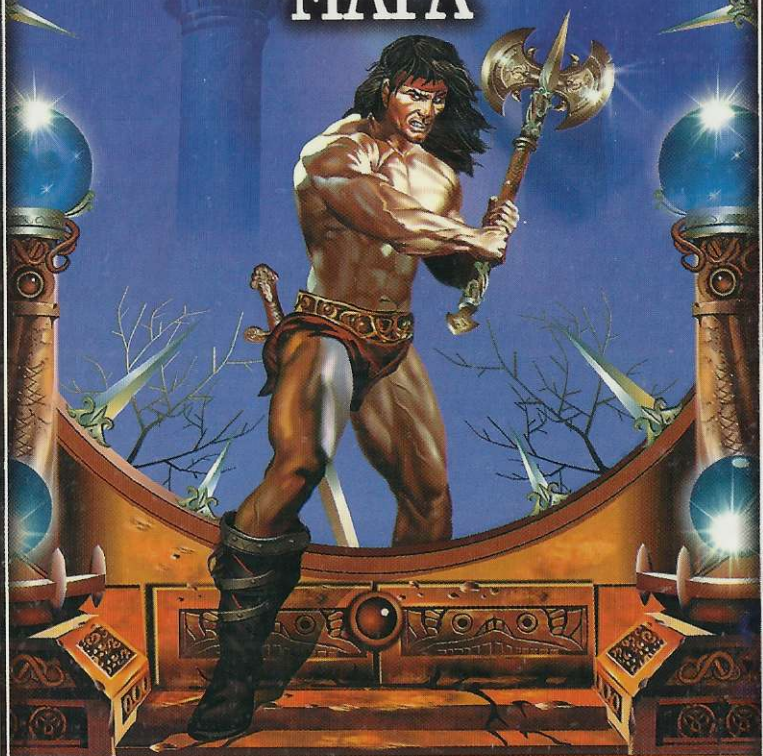

КОНАН

КОНАН
И СКИПЕТР
МАГА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОАДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8
КОНАН ПРИНИМАЕТ БОИ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИРТЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КАМНИКИ 12	КОНАН И ТРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ПРЯДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛШИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПЬЮ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16
КОНАН И ТАЛКМАН ЗАЛ (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И ВИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛАЧЕНЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24
КОНАН БАГВАР ИЗ КУЧМЕРНИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И БРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛТЫЯ ИДАЛ 32
КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАХ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕЗАМИ 35	КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И ВИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОКРИТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40
КОНАН И ВЛАДЫЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48

«Вестник»

Алан Уоттс

КОНАН И СКИПЕТР МАГА

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2003

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
У65

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.07.03.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская.
Печать высокая с ФНФ. Усл. печ. л. 21,00.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1754.

Уоттс А.

У65 Конан и Скипетр мага: Роман / А. Уоттс. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. — 389, [11] с. — (Конан).

ISBN 5-17-020177-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-149-0 («Северо-Запад Пресс»)

Непобедимый варвар никогда не мог подолгу усидеть на месте, — тяга к приключениям и надежда наконец разбогатеть раз за разом толкали его в путь. Пиратствуя близ берегов Стигии Конан, как всегда, рассчитывал на богатую добычу, но нажил себе грозных врагов среди колдунов зловещего Черного круга.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2003

Пролог

Душливый смрад затхлости и тлена, заставляющий людей морщиться и обматывать лица влажными тряпками, на человека в длинной жреческой хламиде впечатления не производил. Жрец с трудом продолжал сохранять надменно-равнодушный вид, хотя бледное, худое лицо так и светилось от еле сдерживаемой радости: наконец-то труды долгих десятилетий дали свои результаты! Долгие бдения над свитками и фолиантами, изыскания средств на раскопки в древнем городе, голод и жажда, иссушающее безжалостное солнце днем и адский холод ночью — вот лишь те немногие испытания, через которые вынужден был пройти четырнадцатый жрец Обители Спящих, маг восьмой ступени — Тот-ан-Хатеп.

Пытаясь сохранять спокойствие, жрец медленно спускался вниз по лестнице, наступая на

валявшиеся под ногами кости, рассыпающиеся в прах от самого легкого прикосновения. Семенящий рядом надсмотрщик постоянно кланялся и, раболепно заглядывая в глаза Тот-ан-Хатепу, тараторил не переставая:

— Рабы сломали стену, о великий, и там узрели тайную комнату, в которую никто не осмелился ступить без вашего высочайшего соизволения. Сейчас, сейчас... Мы уже почти на месте! Еще один поворот...

Тот-ан-Хатеп прекрасно знал дорогу и изучил наизусть все тоннели внутри пирамиды, однако не прерывал речей трясущегося толстяка. Ему льстило хоть на миг оказаться властителем чужих жизней, пускай это была всего лишь горстка ничемных рабов.

Но для них сейчас он — царь и бог! Одно слово жреца могло решить их дальнейшую судьбу. Никто в храме не обращался к Тот-ан-Хатепу с подобным почтением. Оно и понятно: там он всего лишь четырнадцатый жрец, надзирающий за библиотекой обители, не обладающий никакой реальной властью.

— Ну ничего, теперь все изменится, — зло усмехнулся Тот-ан-Хатеп. — Скоро вы все будете ползать в пыли и лизать мои сандалии!

Наконец, процессия вошла в тускло освещенный зал, и жрец сразу же увидел темный зияющий провал в стене, откуда тянулись явно ощущаемые флюиды ненависти.

— Вот оно, — неслышно прошептал жрец, впитывая в себя мрачную ауру. — Вот то, что я

искал всю свою жизнь! Теперь конец страху конец насмешкам, конец раболепию!

— Факел, — приказал он, резко протягивая руку. Один из рабов бросился вперед, спеша выполнить указание жреца.

Тот-ан-Хатеп подошел к провалу и, немного постояв, шагнул внутрь.

Тайная комната, открывшаяся взору колдуна, оказалась пуста. Лишь у дальней стены лежала грубо вытесанная каменная плита. Шагая по усыпанному скелетами полу, Тот-ан-Хатеп приблизился к ней и увидел оправленный в камень ларец. Ловким жестом он спрятал его в широком рукаве балахона и, немного постояв, дал разрешение войти служкам, которые находились в Обители Спящих в качестве переплетчиков и переписчиков.

«Даже у самых младших жрецов жизнь лучше, чем у них», — подумал Тот-ан-Хатеп, глядя на снующих туда-сюда помощников. Вслух же он сказал:

— Изучите здесь все и сделайте подробную опись. Хм, разве стоило беспокоить меня из-за такой ерунды?!

Пожалуй, последняя фраза прозвучала чересчур натянуто и неправдоподобно, но Тот-ан-Хатеп не обратил на это никакого внимания. Он слишком спешил к вернуться к себе в библиотеку, чтобы рассмотреть находку. Впрочем, его торопливость отметил один из служек, который очень хорошо знал страсть своего хозяина к древним книгам и захоронениям. Слишком уж часто

Тот-ан-Хатеп проводил бессонные ночи за изучением какого-нибудь осколка древней плиты или кувшина. А здесь целая комната, да еще и с алтарем! Нет, тут что-то не так...

Солнце опускалось за горизонт, и очень скоро ласковая вечерняя прохлада сменится ледяным холодом ночи. Однако четырнадцатый жрец Обители Спящих не мог позволить себе отдыха — Тот-ан-Хотеп старательно исследовал найденный ларец, пытаясь вскрыть крышку. Наконец, ему удалось сделать это, чудом избежав гибели от ядовитых шипов, неожиданно выскочивших из сложного орнамента рисунка. С громким щелчком позеленевшая от времени крышка отскочила, а на сухую ладонь Тот-ан-Хатепа выпали резная змейка и свернутый трубочкой пергамент, очевидно выполненный из человеческой кожи.

Остаток ночи жрец провел за расшифровкой манускрипта, а к утру Тот-ан-Хотепа было не узнать: черные глаза фанатично горели, и прежде худые щеки ввалились еще сильнее, а нос заострился будто у мертвеца.

Даже в самых смелых мечтах Тот-ан-Хатеп не мог помыслить о том, какое могущество может оказаться в его руках! Теперь для осуществления своих планов жрецу осталось сделать только одно — добиться перевода в другой храм.

«Думаю, что у меня все получится, — подумал жрец. — Ведь даже среди стигийцев отыщется слишком мало желающих изучать Птейон-проклятый!»

* * *

Массивный гигант, восседавший на жестком каменном троне, прочел тусклый пергамент, а затем отбросил его в сторону за ненужностью. Легкий белый хитон лишь подчеркивал мощь его загорелого торса, а бритая голова и отсутствие украшений говорили о принадлежности к жреческой касте. Огромный и богато украшенный зал указывали на исключительно высокое положение его хозяина.

Тот Амон еще раз мысленно повторил прочитанное и пришел к определенным выводам: наступила пора действовать. Он уже более полугода следил одним из младших жрецов по имени Тот-ан-Хатеп, который, в свое время, украл писание змеелюдей Валузии и теперь проводил собственные изыскания.

Конечно, можно было просто арестовать его, отобрав при этом манускрипт, однако Тот Амон не спешил. Долгие годы, что он возглавлял могущественный магический конклав Черного Круга, научили великого колдуна терпению. Пускай жрец сделает все своими руками, а он, Тот Амон, пожнет готовые плоды. К тому же, глава Черного Круга был уверен, что младший жрец участвует в заговоре, нацеленном против владыки конклава — слишком многие желали бы видеть Тот Амона свергнутым.

Однако Тот Амон оставался фактическим повелителем Стигии лишь потому, что всегда умел предвидеть опасность...

«Пускай жрец выведет меня на остальных заговорщиков, а уж тогда я уничтожу их всех одним ударом», — подумал он.

Правда, до сих пор Тот-ан-Хатеп не связывался ни с одним из высших владык Черного Круга, но Тот Амон не верил в заговорщика-одиночку. «Лучше всегда быть готовым к худшему» — так звучал девиз Тот Амона, и он всегда действовал в соответствии с ним.

Последнее сообщение от доверенного осведомителя вызывало у Тот Амона беспокойство — предполагаемые мятежники для чего-то наняли воров в Заморе, при этом используя связи все того же Тот-ан-Хатепа... Что это может обозначать?

Колдун протянул руку и позвонил в золотой колокольчик, выполненный в виде змейки, кусающей свой же хвост. Это изваяние было особенно любимо Тот Амоном — на среднем пальце его правой руки красовалось подобное же кольцо, которое и послужило в свое время источником его могущества.

В зал вбежал начальник стражи и пал ниц перед владыкой. Терпеливо дождавшись разрешения говорить, он произнес.

— О, повелитель. Те наемники, о которых вы говорили, доставлены во дворец и ждут ваших повелений.

Колдун, наконец, кивнул, давая тем самым разрешение подняться. Стражник бросился исполнять приказ.

* * *

Тишина и приятная прохлада царили в древнем святилище Спящего бога в Йезуде. Над тайным городом простерлось бездонное звездное небо.

Яга оторвал взгляд от обнаженного юнца, только-только принятого в послушники (но уже успевшего продвинуться по иерархической лестнице, благодаря тому, что он понравился Верховному жрецу), и, потянувшись, поднялся с ложа.

«Это невыносимо, — подумал Яга. — Проклятый юнец меня слишком изматывает...»

Ему абсолютно не хотелось ничем заниматься, однако дел накопилось слишком много и одно из них довольно сильно беспокоило жреца — он получил от служителей Затха из Арэнджуна весть о том, что некий стигийский жрец нанял там самых самых ловких воров и отбыл вместе с ними в неизвестном направлении.

«Давайте поразмыслим, — сказал сам себе Яга. — Этот жрец, понятное дело, является слугой Тот Амона. Но для чего ему понадобились воры, когда повелителю служит огромная армия? Что за игру он затеял? Собирается отыскать в заброшенных гробницах Птейона некий древний артефакт, созданный кхарийцами или магами Валузии? Ограбить сокровищницу одного из колдунов-конкурентов? Так или иначе, Тот Амон начал охоту за некоей весьма ценной вещью — иначе зачем нанимать аренджунских воров? Следовательно, подобная вещь может понадобиться и

мне, верховному жрецу Затха! Но действовать надо разумно и осторожно, иначе Тот Амон узнает, кто встал у него на пути... Сохрани меня Великий Паук от этого!»

С магами столь высокого посвящения Яга был вынужден считаться. За плечами Тот Амона был долгий опыт, бесчисленные знания и вся мощь Черного братства. А что еще хуже — Тот Амону покровительствовал сам Сет Змееног, который, в отличие от Затха, не спал вечным сном.

— Пожалуй, воспользуюсь-ка я услугами наемников, — решил Яга. — Они все равно не заморийцы. Во всяком случае, большая часть из них.

Жрец улыбнулся. Уже далеко не в первый раз Яге приходилось обращаться за помощью к этим людям. Трон Верховного жреца — вещь шаткая, а желающих воссесть на него очень много. Вот и приходится время от времени избавляться от излишне назойливых и настырных соперников с помощью верных наемничьих мечей...

* * *

Высокий загорелый атлет с огненно-рыжими волосами, заплетенными в сотню косичек, резко вскочил на ноги, оттолкнув при этом двух обнаженных девушек, и бесшумно скользнул к двери, выхватывая пару кинжалов.

В дверь аккуратно постучали, и Хадаг несколько расслабился, услышав условный сигнал. Ножи, однако, не отложил — при его образе жизни это было бы равносильно самоубийству. Ко-

мандир отряда наемников всегда помнил о возможности предательства.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалился Фивор — вооруженный до зубов кофиец огромного роста. Пожалуй, это был единственный человек, кому Хадаг мог довериться — Фивор был слишком туп, чтобы попытаться стать командиром, и слишком предан Хадагу, чтобы поддерживать другого претендента на это место. От последних Хадаг избавлялся одним способом — нож в глотку, и дело с концом.

— Капитан, — зычно рявкнул кофиец, попутно обведя взглядом голых девиц. — Можно войти?

— Ну, что тебе надо? — спросил Хадаг, вертя в ладонях рукояти кинжалов.

— Капитан, мы получили послание от жреца!

— Значит, и великие маги нуждаются в помощи простых смертных? — весело хмыкнул Хадаг.

Толстяк-кофиец захохотал над его шуткой, даже не поняв ее. Фивор отличался бычьей силой и недалеким умом, а потому его все боялись. Однако только Хадаг относился к нему уважительно и не считал глупцом — во всяком случае, никогда не говорил так. Потому кофиец и старался во всем подражать капитану. И еще он слишком хорошо помнил зубастые пасти священных храмовых крокодилов, которым стигийцы хотели его скормить из-за каких-то двадцати трупов, оставленные Фивором в одной из таверн после очередной попойки. Только благодаря вовремя вмешавшемуся Хадагу он остался жив.

— Ну, что ж, — спокойно сказал рыжий атлет.
— Похоже, придется поработать, тем более что платят жрецы очень неплохо...

Фивор был полностью согласен с этими словами — с тех пор, как он оказался в банде Хадага и стал его помощником, кофиец ни в чем не знал недостатка, будь то еда, вино или женщины. Однако связываться с колдовством кофиец не любил, о чем честно сообщил командиру.

Хадаг ответил:

— Жрецы, колдуны, цари — они все похожи на змей... Только и ждут, как бы ужалить тебя. Но мы будем осторожны. Очень осторожны. Ведь маги, как и мы не любят оставлять следов и свидетелей. Так что в любом случае будь готов сорваться с места. После этого дела мы отправимся в какое-нибудь веселое местечко, где можно прокутить деньги. А золото у нас будет, можешь мне поверить!

Глава первая

Удушливый едкий дым от факелов резал глаза, которые и без того болели от постоянного напряжения. Мрак и тишина, не нарушаемые тысячелетиями, скверно действовали на пятерых испуганных людей. Несмотря на холод подземелья, который исходил вовсе не от стен и перекрытий, а от той Тьмы, что обитала здесь, все они взмокли от ледяного пота текущего по обнаженным телам. Только страх и желание выбраться отсюда были единственными чувствами, что двигали этими некогда кичливыми и удачливыми ворами, ныне превратившимися в жалкую горстку усталых людей, более не уверенных в своих собственных силах...

Как все казалось просто в самом начале этой истории! Надо было всего лишь войти в заброшенный храм и отыскать вещицу, потребовавшуюся жалкому и постоянно трясущемуся жре-

цу с непроизносимым стигийским именем! Старл, опытнейший аренджунский вор, взялся бы за это плевое дельце и один, но стигиец настоял на том, чтобы Старл набрал еще людей.

Пришлось согласиться. Заказчик всегда прав, а кроме того, жрец уплатил за труды весьма неплохие деньги — полновесные стигийские золотые. В Хайбории никто не любил надменных стигийцев, но вот их золоту были рады, особенно в Заморе. И вот теперь незадачливые грабители расплачиваются за свою жадность...

Уговорив приняться за это дело еще шестерых воров из своей банды, Старл повел их туда, куда добровольно не совался ни один здравомыслящий человек.

Птейон Проклятый...

Тогда это название не казалось пугающим или ужасающим, а все рассказы, связанные с этим местом, были для банды Старла лишь сказкой, выдуманной для трусливых и слабых людишек. Однако сейчас они сами стали таковыми — не боящиеся ни демонов, ни богов заморийцы в одночасье поверили в первых и стали молиться вторым.

Однако в этом мрачном месте правил другой бог: темный и ужасный змееголовый Сет. Молить его о помощи не было смысла, ибо лишь муки и страдания принимал он в качестве молитв, а кровь — вместо жертвенного фимиама.

Подумав о Змееногом божестве, Старл пожегся.

— Нет, — решил он. — О нем не стоит вспоминать здесь.

Отвлекившись на миг, он пропустил момент очередной атаки. Ужасная тварь с выпученными глазами и огромным телом, похожая на огромную летучую мышь, вынырнула из бокового прохода, и тут же скрылась в другом, но вместе с ней исчез Геном, еще один товарищ Старла. Из коридора раздался ужасный хохот, похожий одновременно на уханье совы и плач ребенка, а чуть погодя донесся душераздирающий крик. Воры с трудом узнали голос своего товарища. Это была уже третья смерть, с того момента, как они проникли в эту проклятую пирамиду.

Из коридора, куда летучий монстр утащил Генома, послышался шорох. Четверо оставшихся в живых людей насторожились, ожидая нового нападения. Их пальцы побелели, до боли стискивая рукояти коротких мечей и ножей. Но вот из темноты вынырнул пропавший человек, и неудачливые грабители вздохнули с облегчением — значит, летающих тварей можно убить. Старл почти окончательно успокоился, как вдруг заметил в Геноме некую странность. Он собрался было предостеречь остальных, как вдруг Геном с диким воем бросился на горстку воров...

«У него красные глаза», — понял Старл, но больше ничего сообразить он не успел. Тренированное тело среагировало само, и он, никогда не жалеющий времени на фехтование, успел отразить бешеную атаку демона, в которого превратился человек. Пригнувшись и проскользнув под сверкающей дугой быстро вращаемого оружия, Старл ударил оборотня горящим факелом, попав

при этом ему в лицо. Демон на миг отпрянул, и эта оплошность стоила ему жизни — Старл вонзил свой широкий клинок в его живот, с силой провернув лезвие. Остальные воры тут же присоединились к своему предводителю, нанося удары кинжалами.

От мертвого тела отделилось облако густого маслянистого тумана и медленно поднялось к потолку склепа. Старл оглянулся и увидел, что еще один его товарищ навсегда остался здесь, разорванный демоном от шеи до паха.

Ризго, родом происходивший из Зингары, боязливо глянул на Старла и сказал:

— Я поворачиваю назад. И если вы не последние идиоты, то поступите точно так же.

— Мы почти дошли, — ответил ему смуглый вендиец. — А теперь ты, Ризго, предлагаешь бросить все и бежать, уподобляясь последним трусам? Это когда до бесметных сокровищ осталось всего несколько шагов!

— Да, бежать. Лучше быть живым трусом, нежели мертвым храбрецом. Трупам — сокровища ни к чему. А что до золота, то я лучше растрясу кошелек какого-нибудь жирного купца или загляну в дом богатой вдовушки.

Зингарец плотоядно облизнулся. Все в Аренджуне знали его страсть к женщинам.

— Нам и вправду лучше держаться вместе, — поддержал вендиец Старл. — Одиночка окажется более легкой добычей для местных демонов.

Ризго сплюнул под ноги.

— Один или трое, какая разница? Когда нас

было семеро, мы тоже считали себя неуязвимыми. И что теперь?

Ответить на это было нечего. Старл смолчал. Разумом он понимал, что Ризго прав, но близость невообразимых богатств притупила чувство опасности. А потому замориец покачал головой и, развернувшись, пошел дальше.

* * *

— О Великий Бел, помоги мне выбраться отсюда, и тогда я принесу тебе такую жертву, о которой все воры Заморы будут судачить целую луну!

Ризго клял себя последними словами, за то, что не решился бежать отсюда сразу. Только что гигантский паук, неведь откуда взявшийся, оторвал голову одному из его спутников...

— Ну, ничего, — пообещал себе замориец. — Впредь умнее буду. Лишь бы Бел послал мне чуточку удачи!

Но видимо в тот момент Бел был занят чем-то другим, может, он просто не решился вторгаться во владения Отца Вечной Ночи. Бросить вызов Сету мог далеко не каждый бог хайборийского пантеона. Впервые в жизни удача оставила Ризго по прозвищу Длинная Рука.

Тихий, едва различимый шелест заставил заморийца резко обернуться и застыть от изумления с открытым ртом. К нему приближались три прекраснейших женщины, да таких, что он чуть не задохнулся от восхищения. Высокие красави-

цы, с полными, колышущимися в такт их движениям грудями и длинными, стройными ногами, обтянутыми прозрачной тканью на бедрах, подплыли к нему будто по воздуху. Не успев сообразить, что же происходит, зингарец подпустил их слишком близко. В следующую секунду Риэго почувствовал, как нежные руки, легкими, едва ощутимыми прикосновениями освобождают его от одежды, а он теряет контроль над своим телом, ощущая лишь невероятное, почти невыносимое для простого человека желание.

Зингарец и сам не понял, как все произошло, но вот он уже лежит на полу, а одна из чудных нимф сидит на нем и быстрыми, яростными движениями доводит себя до полного неистовства. Две другие в это время продолжали ласкать зингарца руками и губами. Непередаваемое, божественное наслаждение сменилось дикой, чудовищной болью.

Риэго поднял голову и с ужасом увидел свои собственные внутренности, вываливающиеся из распоротого живота. Рот зингарца широко раскрылся, готовый издать последний вопль, но этого не произошло, — одна из красноглазых фурий впилась своими острыми зубами в язык Риэго и тут мгновенно откусила его. Боль захлестнула во-ра с новой силой, а кровавая пелена застила глаза. Однако сознание, удерживаемое каким-то жутким колдовством, никак не хотело покидать истерзанное тело.

...Медленно двигаясь вперед и ожидая в любой момент нападения тварей, Старл и вендиец

вскоре добрались до нужного зала. Факел больше чадил, нежели горел, но это был последний источник света. Старл оторвал кусок ткани от своей рубахи и обернул его вокруг смолистой палки. Судя по эху шагов, разносившемуся вокруг, помещение было огромным. Ну, откуда этими жалким воришкам было знать, что они вторглись в святая святых змеелюдей Валузии? Это был Тронный Зал Птейона — прекрасного храма, построенного в древнейшие времена и посвященного Отцу Ночи, Сету.

Воры достигли первой центральной колонны, сперва приняв ее за противоположную стену. Сделав более сотни шагов в сторону, они смогли, наконец, ее обойти.

— Проклятый колдун не говорил, что колонны здесь такие здоровенные, — выругался вендиец.

Старл был с ним полностью согласен, но предпочитал помалкивать. Страх, преследовавший их с самого начала, отступил, уступая место извечной человеческой алчности.

— Кажется, мы на месте, — снова раскрыл рот товарищ Старла. Тот хотел было осадить говоруна, но вновь сдержался, подумав при этом, что неплохо будет перерезать глотку не в меру болливому венедийцу на выходе.

С трудом разбираясь в вырезанном на колонне орнаменте, они, наконец, нашли то, что искали.

— Вот она, — заорал вендиец, указывая пальцем на резное изображение змеи.

«И без тебя вижу, тупая скотина, — с раздражением подумал Старл, начиная злиться на несдержанного собрата по ремеслу. — Нет, гаденыш, ты отсюда не выберешься, я теперь тебе точно кишки выпущу...»

Вендиец, выхватив из рук Старла блестящий жезл с изображением кобры, в точности похожей на ту, что была на колонне, поднес его к камню. Внезапно змейка ожила в его руке и, извиваясь, стала погружаться в камень. Оба вора в удивлении раскрыли рты.

— Вот-те на, — тихо буркнул Старл. — Носить такую дрянь в своем кошельке? Пусть Сет сожрет этого проклятущего жреца!

Неожиданно на колонне появилась ранее прикрытая каменными створками ниша, в которой находился длинный, узкий ларец, светившийся багровым огнем. Вендиец схватил его обеими руками и тут же уронил, издав при этом душераздирающий крик. Обе его ладони на глазах обуглились и, почернев, отвалились, рассыпавшись по полу угольками. Не переставая кричать, он принялся метаться по залу.

«Ну, что, доорался? — злоратно подумал замориец. — Теперь не придется пачкать о тебя сталь».

Старл, не теряя времени, выхватил ткань, данную ему магом, и, быстро обернув добычу, бросился к выходу, используя светящийся ларец в качестве факела. В спину Старла неслись крики вендийца, постепенно превратившиеся в один непрекращающийся визг...

* * *

Мир содрогнулся.

Привычная серая пелена, стоящая перед глазами, изменилась. Древний яростный огонь стал удаляться, и чем дальше уносились его язычки, тем больше воспоминаний возвращалось к нему.

Он — Идраг, что обозначает «избранный». Избранный великим повелителем Сар-Заргсом, который, в свою очередь, был избран Великим Сетом. Во имя великого бога Тьмы, он — Идраг, вместе с дюжиной лучших воинов-змееногих отказался от посмертия. Умерщвленные особым образом, они были оставлены в храме для охраны карты-ключа.

Вековой полусон был нарушен, и долг тяжелой ношей лег на плечи тринадцати воителей. Единственное предназначение, существующее для них, должно было быть выполнено!

Идраг выпрямился, и одновременно с ним то же самое сделали его воины. Он был их мозгом, их сердцем, их движущей силой. Идраг чувствовал каждого из них так, как если бы это были его собственные лапы или хвост. Его могучая воля, единственное, что осталось от души некогда легендарного полководца, направила воинов вперед, вслед за яркой удаляющийся точкой, которая стала теперь смыслом их существования. Воины покинули свои ниши в колоннах и оглядели серый зал. Теперь для них не существовало тьмы. Только серая мгла и яркий свет ключа-скипетра. По залу металось некое существо, в

котором Идраг узнал одного из бесхвостых рабов-людей.

— Низшие в тронном зале, — с негодованием провозгласил избранный.

Длинный волнистый меч мгновенно покинул ножны, и тварь лишилась руки по локоть. Клинок при этом издал неприятный дребезжащий звук, который повторился еще двенадцать раз, прежде чем змеелюди покинули зал. А в это время с разных концов помещения к корчащемуся на полу существу с отсеченными конечностями и вспоротым животом начали слетаться жуткие тени.

Воители Сета быстро миновали коридоры пирамиды и оказались у выхода, где они и увидели божественный светоч ключа-карты. Как оказалось, его уносил один из бесхвостых воров. Идраг взревел от негодования — оказывается, он был еще способен на некоторые чувства!

В этот момент Старл обернулся и в ужасе закричал, увидев своих преследователей.

Идраг пустился вдогонку за воров. Меч описал новую дугу, но сейчас Избранный был не столь удачлив, как в тронном зале, а вор прыгнул в некую странную повозку без колес, которая начала быстро удаляться прочь!

И вдруг Идраг содрогнулся от боли.

Отпрыгнув, он тут же вспомнил предупреждений Сар-Загса о том, что никто из оживленных скипетром не может пересечь проточной воды. Повозка, которая на деле оказалась не чем иным, как лодкой, уходила за запад по широкому спо-

койному потоку, и воинам Сета осталось только следовать за ней по берегу Нилуса — так эта река именовалась называлась во времена расцвета Валузии.

* * *

Едва лодка ткнулась форштевнем в берег, как Тот-ан-Хатеп бегом рванулся к ней. Как жрец Сета, он не боялся кишаших в воде змей, а потому безбоязненно вошел в Стикс по колено. Куда больше он опасался людей, нанятых им в Заморе. Но в лодке лежал лишь один из семерых нанятых им.

— Пить, — едва слышно прохрипел он.

— Что? — опешил Тот-ан-Хатеп.

Только сейчас он увидел, что у заморийца вспорот живот, и его вывалившиеся внутренности лежат на дне лодки.

Гнусная улыбка появилась на лице жреца.

— Тебе, наверное, больно? — издевательски спросил он, вырывая из ослабевших рук Старла ларец. — Конечно, больно, но ничего, потерпи немного, скоро все закончится... Может к утру, а может и позже. От ран в животе, знаешь ли, умирают долго. Очень долго, и очень мучительно.

— Ублюдок, — едва слышно просипел вор. Из угла его рта потекла струйка темной крови.

Разъярившись, Тот-ан-Хатеп выхватил узкий стилет и ударил узким лезвием в глаз заморийца. Тело вора свела судорога, он изогнулся дугой и наконец затих.

— Теперь увидел, кто здесь ублюдок? — выдохнул жрец, отскакивая назад. Его била дрожь, и Тот-ан-Хатеп с трудом смог спрятать кинжал в ножны.

Раньше жрец никогда не убивал людей, и при ближайшем рассмотрении колдун понял, что ему, пожалуй, понравилось то ощущение силы, которое он испытал в момент убийства. Равно как и чувство неизбежности, что промелькнуло в глазах мерзавца, посмеявшегося оскорбить жреца Сета!

— Пожалуй, это следует повторить, — решил для себя Тот-ан-Хатеп, тут же уточнив: — Но только аккуратно, без риска для себя. И не так быстро.

И в этот момент жрец увидел появившуюся на реке галеру, над которой было поднят парус, украшенный гербом Тот Амона.

— Только его здесь не хватало... — выдохнул перепуганный жрец. — Откуда Тот Амон узнал про скипетр?

Ужас добавил Тот-ан-Хатепу новых сил, и он стремглав бросился бежать, скрывшись в кустах прежде, чем его успели заметить.

* * *

Восходящее солнце окрасило воды Стикса в грязно-бурый цвет. Раздвигая тростниковые заросли, на береговую отмель вышли двое мужчин. Вспугивая редких пичуг и заставив взволноваться нежащихся под прохладным утренним солн-

цем крокодилов, они направились к небольшой лодке.

— Должно быть, ее прибило ночью, — произнес тот из двоих, что был повыше ростом. Впрочем, он был даже не высокого, а почти гигантского роста, с широченными плечами. Тяжеленный двуручный палаш, висевший в ножнах за спиной, говорил о немалой физической силе мужчины. Грубые черты лица, сланцево-серые волосы, светлая борода, а также варварского вида одежда указывали на северное происхождение гиганта.

Его громкий, раскатистый голос пронесся над отмелью, и лежащий поблизости аллигатор недовольно раскрыл глаза. Впрочем, великану не было дела до разбуженной от дремы рептилии, и он продолжил.

— Надо посмотреть, нет ли там чего-нибудь, чем можно поживиться? И потом, мне до смерти надоело лазить по стигийским болотам!

— Вот уж не думал, что ты способен жаловаться Хаарл, — отозвался его спутник. — Мне казалось, ты спокойно можешь пешком дойти до своей... как ее?... Гипербии.

— Гипербореи, — поправил его великан. — Дойти-то — я дойду, да зачем ноги сбивать, коли можно доплыть на яле хотя бы до устья реки?

Логика воина, несмотря на его варварское происхождение, была безупречна, так что его товарищ просто кивнул. В отличие от Хаарла, облаченного в чешуйчатый кожаный доспех, его спутник носил простые штаны и безрукавку. В меру

высокий и сухощавый он был по-волчьи поджар, да и повадки у него были волчьи. На правом виске была видна синяя татуировка, по которой любой образованный человек мог определить, что этот парень происходит родом из горных племен Афгулистана.

Двигался афгул легко и бесшумно, при этом успевая замечать все вокруг. А его длинный широкий кинжал отнюдь не был украшением, о чем говорили жилистые, иссеченные шрамами руки, привычные к боям и потасовкам в кабаках.

Северянин быстро направился к ялику, с легкостью перепрыгивая через длинные тела проснувшихся крокодилов.

Афгул меж тем пристально огляделся, и лишь только после этого направился к реке.

...Синее лицо мертвеца было сведено судорогой боли и ужаса. Один глаз вытек, а на вывалившихся из живота внутренностях устроило пиршество сонмище жирных зеленых мух. Бесперывное копошение насекомых создавало иллюзию, будто кишки живут собственной жизнью, постоянно двигаясь и извиваясь. Впрочем, не исключено, что в тело бедняги забралась парочка змей-могильниц, расплотившихся в здешних местах сверх всякой меры.

— Ему лодка больше не понадобится, верно, Джафар? — весело хмыкнул гипербореец и, ловко орудуя палашом, скинул тело в реку. В воду скользнуло несколько аллигаторов, не брезговавших падалью.

После этого товарищи занялись самой лодкой.

Все казавшееся им ненужным полетело вслед за трупом.

В этот момент из-за полуострова, образованного изгибом реки, вышло крупное весельное судно.

— Потроха Нергала, — гаркнул Хаарл, углядев галеру. — Стигийцы, чтоб их Сет разорвал! Как не вовремя!

От галеры отделилась лодка с двумя десятками солдат и парочкой жрецов в придачу.

— Уносим ноги, — решил Джафар, понимая, что силы неравны. Встреча с отборными воинами стигийского воинства в их планы не входила.

* * *

Черные злые глаза с ненавистью рассматривали валяющегося на полу капитана стражи.

— Я дал тебе еще один шанс, червь! А ты смеешь говорить мне теперь, что двое чужаков сбежали. Как? Куда?

Капитан молчал, в то время как Тот Амон продолжал неистовствовать.

— Какой от тебя, в таком случае, прок, бестолочь? Ты упустил Тот-ан-Хатепу, теперь этих двоих! Зачем ты мне нужен?

Колдун сделал несколько пассов руками, и тело бывшего капитана забилося в судорогах — его мозг превратился в расплавленный свинец.

— Убрать, — приказал Тот Амон стражникам и погрузился в размышления.

Дела обстояли далеко не самым лучшим обра-

зом. Лишь совсем недавно Тот Амон понял, за чем именно охотился мятежный жрец. Эта жуткая вещь должна была оставаться на месте, в Птейоне Проклятом. Таков был завет Великого Сета, и никто не вправе нарушать его волю!

— Впрочем, — чуть слышно пробормотал колдун, — может, оно и к лучшему? Не исключено, что я сам могу завладеть секретом

На этой фразе Тот Амон оборвал свою речь. Уж он-то знал, как опасно разговаривать вслух о своих тайнах.

Как же теперь отыскать Тот-ан-Хотепа? Вот в чем главный вопрос! Куда направится мятежник?

И тут жрец вскочил с резного трона. Теперь он знал, что делать. Ястребы — слуги Хархата помогут ему.

На зов колдуна мигом явился кормчий галеры.

— Поднять паруса. Мы отправляемся в Кеми.

...Вскоре судно начало медленно подниматься вверх по реке.

Глава вторая

Тот-ан-Хатеп скрывался в прибрежных болотах без малого две седмицы, питаясь при этом чем Сет пошлет. В ход шло все: корешки и ягоды, ящерицы и черви, но еще больше его решимость жреца поддерживал всепожирающий огонь страха.

Теперь он знал, что Владыка Черного Круга, могущественный Тот Амон, объявил розыск по всей Стигии, после чего Тот-ан-Хатеп был вынужден пробираться через непроходимые заросли, двигаясь звериными тропами и стараясь как можно быстрее миновать открытые места. Стигеец рвался прочь из Стигии, в шемский портовый город Асгалун, который он однажды видел на карте и где Тот-ан-Хатеп надеялся отыскать корабль. Он рвался туда, где Тот Амон не сможет его найти. И удача оказалась на стороне жреца — на четырнадцатый день он достиг стигийского

побережья, где можно было сесть на галеру, идущую в Шем.

* * *

...Тот-ан-Хатеп даже не понял, как он выскочил на пристань, где огонь ярких фонарей обжег его глаза, привыкшие к ночной тьме.

Жрец, с разбегу наткнулся на что-то большое и твердое — скала тут что ли?

— Смотри, куда идешь! — взревел чей-то голос. — Ослеп совсем?!

Стигиец почувствовал, как его с силой отрываю от земли и поднимают в воздух. А ведь он был довольно высок по меркам стигийцев.

— А-а-а, — жалобно заверещал Тот-ан-Хатеп, скорее от страха и растерянности, нежели от боли.

— Чего скулишь, жабье отродье? Тебя пока никто и пальцем не тронул!

Как выяснилось, жрец с разбегу налетел на речного матроса, которого он и принял за скалу. Вот только откуда у простого моряка такие пронзительные, ледяные глаза? И этот властный взгляд.

В этот момент хламида колдуна не выдержала и, затрепав, порвалась, после чего он полетел вниз, при этом больно стукнувшись о доски пирса.

— Кром-громовержец, вот ведь неудача... Последнюю одежонку тебе порвал. Ну, чего ты носишь? Эх, ну и людишки ныне пошли, плевки зло-

вонные, иначе не скажешь. Мне в жизни и не так доставалось, и ничего, жив пока. А он уже ревет, будто девица...

Уставший и измученный страхом жрец всхлипнул.

— Ладно, вот держи. — Перед Тот-ан-Хатепом упала золотая монета, но вид могучего гиганта, в потертой кожаной безрукавке, таких же штанах и алом платке, повязанном поверх гривы буйных, смоляных волос, по-прежнему вызвал у жреца страх. Сейчас его схватят, передадут в руки властей... И тогда — конец мечтаниям, конец всему.

— Ба, да ты побелел, как мертвяк, обглоданный червями.

Неожиданно, набравшись смелости, Тот-ан-Хатеп прошептал:

— Пожалуйста, помоги мне. Иначе они меня схватят...

— Кто? — Великан обернулся в поисках возможных врагов.

— Стигийцы. Тот Амон... — и Тот-ан-Хатеп рассказал сочиненную на скорую руку байку о том, что его еще в юности отдали в храм Сета. А он взял, да и сбежал.

Моряк на удивление быстро понял, что к чему, и весело усмехнувшись, согласился:

— Ладно, почему бы и не помочь убогому? Идем.

Быстро забрав назад свой золотой, он поднял Тот-ан-Хатепа на ноги и, обхватив его могучей ручищей, повел к виднеющемуся невдалеке зда-

нию. Вышедшие из-за угла стражники с сомнением оглядели странную пару, но моряк неожиданно заорал что-то нечленораздельное, и воины пошли дальше, решив не связываться с перепившимися матросами. Лишь через несколько мгновений Тот-ан-Хатеп сообразил, что этот рев должен был обозначать пение.

Гигант меж тем довел стигийца до не приметной двери и, распахнув ее ударом ноги, ввалился внутрь. Не задерживаясь в общем зале, он дотащил ошалевшего жреца до комнатки на втором этаже маленькой таверны.

— Ну, а теперь рассказывай, во что же ты меня втянул? С чего бы это самому Тот Амону заинтересоваться простым жрецом?

Моряк протянул стигийцу вместительный кувшин с вином и жестом разрешил угоститься. Более привычный к воде, нежели к вину, тот быстро захмелел.

Упав на грубо сколоченную кровать, жрец прислонился к спинке и начал плести совершенно невразумительную историю, намешав туда множество слышанных ранее баек о драгоценностях древних храмов. Собственно говоря, он и сам всего не запомнил, но моряка, похоже, заинтересовал рассказ стигийца.

— Значит, несметные сокровища валузийцев?

Тот-ан-Хатеп кивнул, не понимая, о чем это завел речь незнакомец. Да и вообще, кто он такой?

Стигиец закрыл глаза и громко захрапел, начав съезжать на пол.

— Кром Великий, что за морока с тобой!.. — воскликнул моряк, поймав жреца за плечо. — Ну, да ладно, дрыхни... Что-нибудь придумаем.

В этот момент из рукава разодранного балахона стигийца выскользнул ларец, и Конан, подняв его, с интересом стал рассматривать старинную вещь.

— Хм, а сундучок достаточно древний. Может, там и впрямь хранится что-нибудь ценное?

Любой другой с легкостью придушил бы жреца во сне, но только не киммериец. В нем, простом варваре, еще были живы древние понятия о чести, «цивилизованными» людьми давно позабытые.

— Так тому и быть, — решил киммериец. — Возьму тебя с собой, а там видно будет. Хотя видит Кром, с тобой, пожалуй, мороки не оберешься.

Конан пристально посмотрел на исхудавшего человека и покачал головой. Ему претило бросать людей в беде, особенно, когда они просили о помощи. Немного подумав, он сунул завернутый в тряпицу ларец за пояс и вышел из комнаты.

* * *

В самом темном углу комнатки зашевелился крупный волосатый паук, размером с человеческую ладонь. Спустившись по своей липкой паутине вниз, он стал с интересом изучать жреца. Паук слышал весь разговор, произошедший между жрецом и капитаном корабля, но не мог пере-

дать его содержание Верховному Жрецу Йезуда. А тот, наблюдая эту сцену глазами одного из детей Затха, посчитал, что это и есть тот самый слуга Тот Амона, а также некий наемник, призванный охранять ларец.

— Ну, вот вы и попались, змейки, — весело потер руками Яга. — Наверняка, ты ждешь здесь своего хозяина. Ну-ну... Придется тебе подождать его на Серых Равнинах!

Огромный паук вцепился стигийцу в горло отравленными жвалами. Тот-ан-Хатеп дернулся во сне, но успел-таки раздавить волосатое, многоногое тело твари.

Тот-ан-Хатеп умер, так и не отведав вкуса власти.

* * *

Яга же, довольно улыбнувшись, подошел к прохладному бассейну. Его нисколько не взволновало то, что после гибели паука будут невозможно наблюдать за происходящим в таверне. К утру в городке окажутся его наемники, неустанно идущие по следу. И вот тогда начнется самое интересное...

* * *

— Эй, кабатчик, тащи сюда свою жирную задницу! Да не просто так, а с вином и мясом. А не то, клянусь Нергалом, твою печень вырежу, да насажу на вертел! — гаркнул Конан, усаживаясь

за свободный столик у стены, поставленный так, чтобы можно было видеть входную дверь. А свободен он был потому, что киммериец занял его несколько дней назад, выбив при этом несколько зубов, да свернув парочку носов особо ретивых наглецов. Это лишний раз доказывало — пока капитан «Тигрицы» находится в городе, садиться на его место не следует, поскольку жизнь-то одна. Стоит ли рисковать ею из-за такого пустяка, как место в таверне?

«Жизнь странна и непредсказуема, — подумал киммериец. Его мысли снова вернулись к тому дню, когда он погнался за проклятым стигийским баркасом, груженным слоновой костью и редкими перьями, привезенными из Черных Королевств. Сведения, добытые в одном из портовых кабаков, оказались ложными — это была ловушка, придуманная властями Стигии, для того, чтобы отлавливать пиратов, осмеливающихся заплывать в устье Стикса. Но на этот раз в их сети попал (попал? Да ничего подобного!) Конан из Киммерии, прозванный в недалеком прошлом Амрой Львом.

Валузийское золото, добытое варваром в Херриде давно потрачено, а это значит, что Лев снова выйдет на охоту! Одна беда: в Херриде Конану не дали каперский патент. Слишком сильны еще были воспоминания зингарских чиновников о Ночном Губителе... Проклиная мерзких бумагомарак, Конан отправился на Барахас, но братство встретило его не столь радушно, как он ожидал — они просто напали на «Тигрицу». Потопив не-

сколько пиратских лоханок, варвар отправился в Асгалун, желая побыть некоторое время вольным корсаром, дожидаясь более удачных времен. Тогда можно будет вернуться в Зингару, за патентом. И пускай только попробуют отказать!

— Э-эх, — покачал головой киммериец. — Надо было начинать с Кордавы, а не с захолустного городишки, где ничего не смыслят в настоящих войнах. Вот старый Фердруго — другое дело. Он готов простить любые преступления, лишь бы корсары добывали золото для его казны! И Конан поможет ему в этом, со своей «Тигрицей»!

— «Тигрица»... — Киммериец попробовал на язык имя галеры. Это был уже третий корабль с подобным именем, ходивший под командованием Конана. Первый, на мачте которого была повешена прекрасная Белит, давно гнил где-то на побережье Куша. Вторая «Тигрица» пошла на дно возле острова сновидицы Дайомы, хитрой колдуньи, попытавшейся навечно заманить киммерийца в свои любовные сети. Нынешняя же красавица стояла на приколе у пирса.

...Судно купца, служившее приманкой, заманило их в ловушку, где ничего не ожидающих пиратов поджидало три галеры. Более маневренная «Тигрица» смогла уйти, потопив одну из посудин неприятеля, но и сама получила пробоины, потеряв к тому же часть команды.

И вот он, Амра-ужасный, некогда наводивший страх на всю Стигию, а также Шем и Куш в придачу, вынужден со своей «Тигрицей» таиться в одном из прибрежных городков Стикса.

А где-то там его ждет Кордава, со всеми ее прелестями и каперским патентом в придачу.

Понятно, что Конан и сейчас мог направиться в столицу Зингары за монаршим разрешением стать корсаром, но сделать это не позволяла Конану гордость. И вот тут-то на него свалился этот полоумный жрец со своим ларчиком.

«Может быть, удача улыбнулась мне?» — подумал киммериец, выплескивая в бездонную глотку полкувшина вина.

Дверь таверны распахнулась, и, не задерживаясь на пороге, к столу капитана подошел невысокий жилистый человек неопределенного возраста, с лицом отъявленного головореза. Кривой нос, свернутый набок в одной из многочисленных драк, неоднократно порванные и рассеченные щеки. На обнаженном торсе — замысловатый рисунок барахских татуировок — от акул и русалок с рыбьими хвостами, до чудовищного кракена, со множеством щупалец. Посреди груди было выколото штурвальное колесо, обозначающее путь, с которого моряк не должен сбиться.

Риальдо (так звали барахца), лишился корабля из-за бунта команды и едва не был выброшен за борт бывшими соратниками, но тут появился Конан со своей «Тигрицей». Галера Риальдо, конечно же, была потоплена, а сам он стал кормчим на «Тигрице». Как ни странно, киммериец мог полностью доверять прожженному пирату и убийце, поскольку тот был человеком слова и признал свой долг по отношению к варвару.

Устало плюхнувшись на длинную лавку, Ри-

альдо протянул руку к кувшину и, глотнув из него, сплюнул на пол.

— Тьфу! Как ты можешь пить эту гадость, Конан?

Угодливый кабатчик, уже зная вкусы всех моряков галеры, прислал к столику служанку с пивом для кормчего и новым кувшином вина — для Конана.

— Ты только глянь, — снова сплюнул Риальдо. — Вот ведь услужливая скотина.

И он зло посмотрел на трактирщика.

Конан, прекрасно зная, что кормчий не станет злословить понапрасну, спросил:

— Ну, чем ты теперь не доволен?

— Не чем, а кем. Людьми. У нас не хватает дюжины матросов, а в этом занюханном городишке нет ни одного стоящего человека.

Варвар внимательно посмотрел на заросшее щетиной лицо пирата и спросил:

— И сколько времени может уйти на поиски?

— Нисколько, Конан. Я же тебе говорю — здесь нам никого не найти.

Риальдо был одним из немногих, кто позволял себе так разговаривать с киммерийцем. Он не боялся ни богов, ни демонов, ни варваров.

— Мы обошли все таверны, все здешние вертепы, где кишмя кишат всякие отбросы, но все это не то... Местный народец слишком мягкотел. На Барахас их бы и выгребные ямы чистить не взяли.

Пират знал толк в своем деле, и Конан полностью доверял ему.

— Значит, торчать тут бесполезно?

— Думаю, да. Если стигийцы все еще поджигают нас в устье Стикса, то нам понадобятся воины, а не трясущиеся жабы.

— Согласен, — кивнул северянин. — Но у нас появилось еще одно дельце.

— Какое? — Риальдо знал, что золото так и липнет к рукам киммерийца.

Недолго думая, Конан выложил помощнику историю о стигийце и его ларчике.

— Глупо помогать врагу Тот Амона, когда сам находишься на стигийской территории, — глубокомысленно заключил пират.

— А если не помочь, то уподобишься крысе, такой же, как и сам Тот Амон, — возразил варвар.

Риальдо лишь вновь пожал плечами:

— Решать тебе, но уж если мы взлезем в это дельце, то хотелось бы узнать, что твой дружок говорил о сокровищах?

— Ну, так пойдем наверх и потрясем его как следует.

Парочка быстро поднялась на второй этаж,

— Эй, ты! Подъем, — рявкнул Конан, но жрец не шелохнулся. — Вставай, кому говорю... — повторил северянин, а затем перевернул стигийца на спину. Только сейчас пираты увидели его выпученные глаза и посиневшее лицо.

— Помер, гаденыш, — разочарованно сказал Риальдо. — Больше он ничего не скажет.

— Погоди, — отмахнулся киммериец, осматривая тело. Конечно, стигиец отошал за время

своего путешествия, был измучен, но не настолько, чтобы так запросто умереть!

— Вот, — воскликнул Конан, найдя маленькую ранку шее мертвеца. — Его кто-то укусил.

— Ты просто гений, — согласился Риальдо, указывая на ладонь мертвеца. Между пальцев виднелся раздавленный паук.

— Слуги Затха? — подивился киммериец. — Но они тут что делают?

Будучи в прошлом шадизарским вором, Конану доводилось сталкиваться со жрецами Затха, которые отнюдь не являлись приятными людьми. Сейчас киммериец понимал, что он вновь стал на дороге у враждующих колдунов, что было весьма опасно — эти мерзавцы ни перед чем не остановятся!

— Ладно, уходим отсюда, — решил северянин, быстро собирая свои скудные пожитки.

Стоило однако спуститься вниз, как к ним подлетел толстяк Забаб.

— Многоуважаемый капитан... — начал кабатчик, но Конан оборвал его.

— Говори короче!

— Вас тут ищут...

— Подробнее описать можешь? — Конан насторожился. Кто бы мог его искать в этом захолустье? Конечно, он много путешествовал и постоянно встречал старых друзей и подружек. Но уж больно не вовремя кто-то начал разыскивать киммерийца!

— Вот эти добрые господа.

Все, у кого были деньги, для Забаба являлись

«добрыми господами». Кабатчик указал на двоих мужчин, сидящих за столом.

Конан решил выяснить, в чем же дело.

— Позвольте представиться, — начал один из незнакомцев, поднявшись при виде киммерийца и шкипера. — Александриас Аквилонец.

Это был столичный щеголь-дворянин, который сразу же не понравился Конану. В меру высокий и атлетичный, он был неплохо сложен, что и подчеркивал броской одеждой. Алые шаровары и золотистая безрукавка были кричаще безвкусны (во всяком случае, в понимании киммерийца, привыкшего к более простой и практичной одежде).

Но вот товарищ аквилонского красавчика, безусловно, заслуживал внимания. Хорошо развитый и мускулистый воин явно был крепким орешком. Его иссеченное шрамами лицо было спокойным, а пронизательные глаза смотрели оценивающие и безмятежно. Из-за спины воина, по виду — немедийца, выглядывала потертая рукоять полуторного меча.

— Мы с Траском слышали, что вы набираете людей в команду «Тигрицы», — продолжил между тем говорливый аквилонец.

— Верно. А сами вы откуда в этих местах?

— Сопровождали караван идущий из Турана. — На этот раз заговорил Траск. Голос у него больше походил на звук, издаваемый точильным камнем.

— Ну, и чего вы стоите? — напрямик спросил пират.

— Нам доводилось бывать в переделках, — неопределенно ответил немедиец.

Глядя на него, в это можно было поверить. Но вот аквилонец... Было нем что-то неприятное, змеиное.

Траск киммерийцу понравился. Он выглядел настоящим рубакой, который к тому же имел опрятный для наемника вид. Старая и потертая кольчуга была начищена, колечки тщательно проклепаны. Почему бы не взять его в команду?

Конан кивнул.

— Хорошо. Но мы выходим с ночным приливом, опоздавших не ждем.

— Само собой, — согласился аквилонец. — А как насчет оплаты?

Конан уже раскрыл рот, собираясь объяснить условия, как вдруг дверь распахнулась и в таверну ворвались двое воинов с обнаженным оружием. Киммериец выхватил меч и описал им широкую дугу, намереваясь снести голову первому же противнику, который осмелится напасть на варвара.

Тут он ошибся. Новоприбывшие не собирались никого атаковать. Наоборот, они от кого-то спасались.

Первый — типичный афгул, скользнул вбок, выхватывая кривой зазубренный кинжал. Другой, высоченный северянин, опрокинул близстоящий стол набок, видимо желая использовать его в качестве своеобразного щита. Появившиеся в тот же миг стигийские солдаты налетели на неожиданно появившуюся преграду и, споткнув-

шись, растянулись на полу, чем не преминул тут же воспользоваться афгульский горец. Резко поднырнув под руку одного из солдат, он вонзил кинжал ему в живот и несколько раз провернул лезвие.

— Джафар, в сторону, — заорал светловолосый великан, но горец не собирался выходить из боя.

Выдернув нож, афгул быстрым движением рассек горло не вовремя приподнявшему голову солдату, и тут же ударил вновь, на этот раз вонзая клинок в глазницу. Только после этого он отскочил назад, уступая место товарищу. Но тот не спешил обнажать сталь. Вместо этого, он с легкостью оторвал от пола громоздкий стол и метнул его во врагов. Последствия броска были просто ужасающи — несколько солдат рухнули замертво, другие же оказались оглушены. Почти все они были серьезно покалечены.

Но боевой дух стигийцев на этом не иссяк. Все новые и новые воины врывались в таверну, шагая по телам своих товарищей. Худой гигант выхватил из-за спины тяжелый палаш и не раздумывая пустил его в ход. Незнакомец, обладающий невероятной силой, умудрился устроить в таверне сущее побоище: в разные стороны летели отсеченные головы и конечности, вываливались на пол кишки из разрубленных животов. Пол и стены таверны стали алого цвета, но силы все равно были не равны. Двое не могут противостоять полусотне!

Раздумывать дальше Конан был не намерен.

Воин клана Канах не мог посрамить свой народ и своего бога!

Киммериец выхватил меч и, издав боевой клич, бросился на подмогу незнакомому северянину. Ему всегда претило оставаться в стороне от хорошей драки, а нападение целого отряда на двух человек он посчитал делом нехорошим и несправедливым. Конана и самого не раз преследовали и травили своры цепных псов, выполняющие приказы ублюдков-правителей, и уж тем более это касалось стигийцев, служащих колдунам Черного круга.

Кормчему и только что принятым в команду чужестранцам ничего не оставалось делать, кроме как поддержать капитана.

«Вот и отлично, — невольно подумал Конан. — Посмотрим, на что они годны!»

Действия немедийца Конана не удивили, нечто похожее он и ожидал увидеть.

Траск не стал соревноваться с врагами в быстроте и силе, а просто-напросто опрокинул еще парочку столов и занял в узком проходе глухую оборону. Пройти мимо немедийца, минуя его меч, было невозможно. Нельзя сказать, что он виртуозно владел клинком, но все же воинская выучка была видна — удачный сплав защиты и нападения. Конан мгновенно определил немедийскую школу, причем солдатскую, а не офицерскую.

«Это и к лучшему, — решил варвар. — Ведь в бой идут солдаты, а не богатенькие сынки, чьи родители купили им теплое место в армии...»

Куда больше киммерийца удивил Александриас. Аквилонец встал чуть позади Траска и время от времени выбрасывал вперед руку с боевой цепью, разя врагов без промаха.

«Да, недооценил я тебя, красавчик. А ты оказывается опасен, как сто стигийских гадюк. С тобой надо держать ухо востро...»

— Отходим! — прокричал киммериец и указал жестом на заднюю дверь таверны. Умело лавируя меж опрокинутых лавок и столов, шестеро бойцов стали отступать. Афгул и северянин, только что ворвавшиеся в таверну, слушались приказов киммерийца так, будто привыкли делать это на протяжении многих лет.

Конан с немедийцем перекрыли выход и дали время уйти остальным.

— Риальдо, готовь «Тигрицу» к отплытию! Живо! — рявкнул капитан, отсекая руки про rvalвшемуся в проему солдату. Клинок Траска тут же оборвал его мучения, что киммериец тоже не преминул отметить. Он не любил тех, кто упивался чужой болью.

Наконец Конан ухватил нового товарища за плечо и увлек за собой, опрокинув по пути бочку с ламповым маслом, опрометчиво оставленную Забабом у входа. Находись его таверна в Шадизаре, он никогда бы так не поступил, поскольку все кабатчики Заморы знали: убегающий от стражников вор способен на все, а поджог в таком деле — лучший способ замести следы. А как же иначе? Суд Заморы быстр и безжалостен. Петля на шею, и дело с концом, а коли преступления несерьез-

ные — отрубят руки по локоть, положат их в сумку, висящую на шее, да и отпустят...

— Быстрее, — крикнул на бегу киммериец. Сам он с легкостью оторвался от преследователей, попытавшихся отрезать преступников от гавани. Однако невысокий и широкоплечий немец не мог двигаться с такой быстротой и начал отставать.

По счастью, стигийцы не сразу опомнились после такого боя — городская стража обленилась и давно не испытывала на своей шкуре подобной трепки. Впереди замаячила «Тигрица», уже готовая к отплытию, и Конан вместе с Траском прибавили хода. Вбежав на борт по деревянной доске, служившей трапом, Конан заорал во всю мощь своей глотки.

— Поднять якорь, рубить швартовые, все на весла! Быстрее, увальни, на ремни порежу!

Трап полетел вниз, оставляя преследователей с носом. Громко рассмеявшись, варвар сделал в сторону врага непристойный жест, на что в ответ прилетела стрела, воткнувшаяся в мачту.

— Ах, так, — взревел северянин. — А ну, сыны моря, покажем этим сухопутным червям, кто здесь акулы! Целься, пли!

Полсотни арбалетов, лежащие возле уключин и всегда готовые к бою, выплюнули смертоносную сталь, изрядно проредив отряд стигийской армии.

— Получили, крысы?! — продолжал неистовствовать Конан. — И так будет с каждым из вас, кто встанет на пути Амры!

Услышав это страшное имя, оставшиеся в живых стигийцы бросились наутек.

— То-то же, — уже спокойнее произнес Конан. Затем он обернулся к кормчему. — Курс на закат. Попробуем проскочить устье Стикса в темноте. Барука — к штурвалу!

Риальдо кивнул и отправился отдавать нужные распоряжения. Пират, родившийся на море во время шторма и проводивший всю свою жизнь на палубе, не знал иного дома, кроме корабля, а посему он очень бережливо относился к галере и к ее экипажу, за которых, он был готов перегрызть глотку любому недругу. Именно Риальдо уговорил Конана приобрести такое огромное количество громоздких арбалетов, потратив на них значительную часть добычи, которую киммериец хотел спустить в увеселительных портовых заведениях.

Конан рвал и метал, грозил кормчему всевозможными карами, но все-таки уступил. Впрочем, теперь варвар на Риальдо не сердился — морские пираты неплохо владели abordажными саблями и ножами, но уж точно не луками, а хороший залп в упор, из полусотни тугих аргосских арбалетов доставлял противнику изрядное количество неприятностей.

К капитану подскочил Грасс, по прозвищу «Безухий». Шутка состояла в том, что зингарца отличали огромные, прямо-таки ослиные уши, в каждом из которых он носил не менее дюжины серебряных колец, отчего они казались еще больше.

— Что тебе, безухая задница? — грубо спросил

варвар. Грасс не обиделся, понимая, что капитан до сих пор негодует на стигийцев.

— Капитан, как насчет новых матросов? К какому делу их приставить?

— Хочу тебе напомнить, шакалий помет, что не отчаля мы так быстро, ты бы уже лежал на палубе, захлебываясь собственной кровью. У стигийцев с нашим братом разговор быстрый. Ладно, зови новичков. Посмотрим, что это за птицы...

К удивлению северянина, Грасс привел незнакомых ему людей. Во всяком случае не тех, кого он нанял в таверне. Один из них был дюжим матросом, привычно ступающим по палубе вразвалочку на своих ногах-колоннах. Под простой, изношенной, но чистой рубахой бугрились огромные мускулы. Ростом он не уступал киммерийцу, да и шириной плеч, пожалуй, тоже. Впрочем, Конан этому не удивился — на море варвар встречал людей нисколько не уступающих ему в силе, а порой и превосходящих. Вот, например, Барук — точно всем гигантам гигант! Его, как и Риальдо, в свое время Конан спас от смерти. Барук был настоящим великаном, способным удерживать штурвал в любую бурю. Боцмана покрывали, даже не узлы, а широкие полосы мышц, больше похожие на обкатанные водой морские валуны.

Так что облик новичка киммерийца не поразил, куда больше его интересовало, откуда он здесь взялся? Да еще так вовремя!

Длинный крючковатый нос и густые свисающие усы выдавали в новом члене команды гир-

канца. Посмотрев на его богатырское сложение, Конан понял, почему гирканец покинул степи и ушел в море. Да ни один конь, не выдержит такого всадника!

Напарник гирканца был похож на него, как две капли воды, но только намного легче и меньше ростом.

«Гибкий и опасный, как рысь», — определил для себя варвар.

— Меня зовут Базал, — рыкнул великан.

— А я, Заураб из Агапура, — продолжил его спутник. — Мы хотели наняться на корабль, но вы так быстро отплыли, что мы и не знаем, как теперь быть. Вдруг вы теперь не нуждаетесь в матросах?

— Хитрый, каналья, — усмехнулся варвар. — Теперь мне придется или взять вас в команду, или выкинуть за борт с перерезанной глоткой.

Однако матросов действительно не хватало, и Конан остановился на первом варианте.

— Ладно, — махнул он рукой. — Ступайте к первому помощнику. Он распределит вас по вахтам. Запомните главное: мое слово на галере — закон. С нарушителями и бунтовщиками разговор один. — Конан многозначительно провел рукой по горлу. — Еда и вода бесплатные. Ешьте, пейте — вдоволь. От общей добычи, четверть моя. Остальное — делится по-братски между членами экипажа.

Базал довольно хмыкнул:

— Мне доводилось плавать на галерах, где четверть шла экипажу, а остальное — капитану.

Конан кивнул. Он знал, что так поступают многие зингарские капитаны с патентами королевских корсаров

— Порядки у нас строгие, но терпимые, коли не станете отлынивать от работы. Да, и еще одно... Если на горизонте нет чужого корабля, то из оружия разрешается носить только кинжал. Выйдет ссора — будете решать спор на кинжалах. Но предупреждаю сразу: бой устраивается на палубе, при всех. Убьете в спину — отправитесь на рею. Это и к вам относится, — он обернулся к подошедшим аквилонцу и немедийцу.

Теперь следовало поговорить с людьми, на которых в таверне напали стигийцы.

— Хаарл из Халогии благодарит тебя, воин, — сдержанно, но цветисто произнес худой светловолосый великан.

Он без сомнения узнал в Конане киммерийца, своего исконного врага. Да и сам Конан на миг опешил — он слишком хорошо помнил гладиаторские ямы Халогии, где из него сделали настоящего воина.

Но какой ценой!

Даже годы, проведенные в цивилизованных землях, не смыли той ненависти, что он питал к гиперборейцам. Наконец, варвар переборол себя и пожал протянутую руку.

— Не стоит благодарности. Конан из Киммерии никогда не бежал с поля боя как трус.

— Верно, в вашем краю живут гордые люди, — ответил Хаарл. — Я рад знакомству с тобой, Конан.

Точно такая же церемония повторилась и с афгулом, которого звали Джафар.

После знакомства Конан перешел к делу:

— Раз уж вы здесь, то не желаете ли оплатить проезд? Или стать членами команды?

— Ну-у... — лукаво протянул Хаарл. — А мы, дурни, посчитали, что ты пригласил нас в гости...

Конан понял, что гипербореец собирается продать свой меч и умение задорного. Напрасно многие люди полагают, что северяне тупы и не умеют торговаться. Наоборот, в полуночных землях торг считается лучшим времяпрепровождением.

— Так-то оно так, — согласился киммериец. — Но ведь не станете же вы отрицать, что я вам помог?

Крыть было нечем, и Хаарл согласно кивнул.

— Может, я даже спас кому-то жизнь? — хитро прищурившись, предположил Конан.

— Вполне возможно, — согласился Джафар.

— В таких случаях у нас на севере принято дарить спасителю подарки...

Хаарл понял, в какую ловушку они попали. Не признать свой долг — покрыть себя бесчестьем. Так что, хочешь — не хочешь, а раскошелиться придется.

Конан придирчиво осмотрел кинжал, найденный странной парочкой в лодке, и вынужден был признать его пригодным для подарка. Ножны были украшены двумя аметистами, сходными с тем, что торчал на рукояти. За него можно было выручить неплохие деньги.

— Что ж, а теперь мне бы хотелось выяснить, отчего стая стигийских псов так рьяно преследовала вас?

Хаарл вкратце поведал историю о нападении на реке и честно признался, что не знает, отчего на них охотятся.

— Ну, ладно. Утро вечера мудрее, — произнес киммериец и отправил неожиданных гостей отдыхать в соседнюю каюту. Киммериец хотел остаться один и немного подумать. Жрец, теперь отчитывающийся за свои грехи Сету-владыке, упомянул что-то о ворах из Заморы. Теперь рассказ этих двоих о лодке... На них напали, жрец мертв, в руках Конана оказался некий ларец... Уж не в нем ли все дело?

«Странная история, — сказал сам себе варвар. — Может быть, все эти события связаны? Разберемся!»

Глава третья

Рак и всегда, заклинание сработало безотказно. Хадаг увидел красное, неприятное лицо верховного жреца.
— Ну, и что там у тебя? — раздраженно спросил Яга, оторвавшись от трапезы.

«Чтоб ты подавился, жирная свинья», — подумал Хадаг, но ответил вежливо:

— Как вы и сказали, беглого жреца приютил у себя некий моряк, который, очевидно, жреца и пристукнул, похитив сверток. Но самое интересное случилось потом. Видимо, кроме нас, за беглецом охотились стигийцы. Так вот, моряк, оказавшийся капитаном галеры «Тигрица», устроил в таверне небольшую бойню, а чтобы замести следы, сжег здание и уплыл...

— Что? — брызгая слюной, завизжал Яга. — Ты, идиот проклятый, упустил талисман жреца? Выродок, сын выродка и шлюхи! Да я тебя!.. —

жрец Затха чуть не захлебнулся, а потому не смог закончить фразу.

Хадагу с трудом удалось справиться с терзавшим его гневом.

— Не все так плохо, вместе с этим капитаном уплыли и мои ребята! Я заранее побеспокоился об этом.

— Ты уверен? — немного успокоился жрец.

— Да, но в любом случае, мне придется снарядить корабль, чтобы догнать «Тигрицу».

— Делай что хочешь, но достань мне *эту вещь*! Если уж Черный Круг так засуетился, то значит, они ценят сверток очень высоко!

— Все верно, но у меня ушла куча денег на подкуп стигийца, знающего имя капитана. А теперь еще и корабль...

Яга раздраженно махнул рукой:

— Деньги меня сейчас не волнуют. Пришли своего человека в условленное место, и там он получит пять тысяч золотых. Главное не упустить «Тигрицу» и сокровище!

Хадаг согнулся в легком поклоне, в котором было больше презрения, нежели почтения. Портал, связывавший его со жрецом, исчез.

— Ха-ха, — раскатисто захохотал замориец. — Жирная свинья мнит себя умнее всех? Дурак! И дурак богатый, которого однажды более умные люди оберут до нитки. А эта вещичка... Хм, ну если она такая дорогая, то мы сами продадим ее! Хадаг работает только на себя!

Теперь наемники славно погуляют на деньги жреца! А остальное — не наша забота!

* * *

Жрец безостановочно смеялся, потрясая своими жирными телесами. Этот тупой наемник возомнил себя умнее Верховного Жреца Йезуда! Глупец! Он еще не подозревает, какой сюрприз приготовил ему Яга.

И какую смерть...

* * *

Тот Амон, только что более всего смахивавший на каменное изваяние, нежели на живого человека, шевельнулся. Все находящиеся в зале жрецы, воины и рабы поспешно опустили к полу глаза, не рискуя встретиться взглядом с разгневанным повелителем.

Медитировавший более суток колдун сделал едва заметный жест пальцами, и тут же к нему подбежал немой кушит с охлажденным кувшином воды. Едва пригубив, Тот Амон снова погрузился в раздумья.

«Мятежный Тот-ан-Хатеп мертв. В городке, по ту сторону Нилуса — паника, якобы там видели Амру...»

Колдун гневно свел брови, и все находящиеся в зале упали на колени, уткнувшись лбами в пол. Тот Амон, не обратив на это внимания, продолжил размышлять.

«Неужто Конан-варвар снова пересек мой путь? Или это ложь, в попытке оправдать собственное бессилие? Хотя... Капитан гарнизона ут-

верждал, что сам видел его. Такие пытки невозможно выдержать. Значит, не врал. Что же мне тогда делать? Как отыскать украденное в Птейоне Проклятом?»

К глубокому сожалению владыки Черного Круга, он не мог обратиться к слугам Харахта, ранее, чем через полную луну. А это значит, что ему придется разыскивать киммерийца самому. Была еще надежда на наемников, которые, судя по всему, успели пробраться на галеру проклятого варвара.

И тут голову Тот Амона пронзила гениальная мысль, иначе назвать ее было невозможно.

«Пускай сам киммериец и найдет то, что сокрыто древними. Ведь он славится тем, что выбирается из всех передряг живым и невредимым! А я буду ждать и наблюдать. Это самое простое и верное решение...»

Прямо сейчас Тот Амону требовалось заняться другим делом: маг должен был выяснить, что за ужас появился возле Кеми?

* * *

Мир имел лишь три цвета: серый и алый, со множеством оттенков, перетекающих один в другой. И на их фоне ярко пылал девственно-белый огонь, чистый, манящий и зовущий, но одновременно лежащий тяжелой ношей на плечи Идрага.

Избранник Сета в последний раз взглянул на одного из своих воинов и на преследователей. Жалкие черви, копошащиеся в грязи и трясу-

щиеся от страха, на этот раз решились дать отпор! Невероятно!

Долг должен быть выполнен, а потому Идраг уводил часть своих воинов прочь от города, бросая оставшихся на растерзание врагам. Избранный видел, как его воины уничтожают бесхвостых десятками, пока один из них не стал использовать колдовской отонь, способный уничтожить солдат Идрага...

— Выходит, рабы вынюхали магические секреты, — негодованию Избранного не было предела, но остановится он не мог. Свет звал его за собой.

Сейчас царит ночь и они будут бежать вперед без усталы, пока на небе не появится око Ра, которое бесхвостые почему-то называли оком Митры. Подспудно Идраг понимал, что в мире очень многое переменилось, но осмыслить этого он не мог. Кроме исполнения Предназначения, возврата карты-ключа, его терзал только один вопрос: куда подевались остальные змеелюди, обитатели великого Валузийского царства?

На рассвете, пока туман еще прятал змееногоих от губительного света, Избранный отыскал укромную бухточку, где они стали зарываться в песок, чтобы не погибнуть на жаре.

Со смертью каждого из воинов, Идраг терял и свои силы. А потому, он должен был спешить.

* * *

Конан внимательно разглядывал ларец, вертя его в ладонях. Весь ящичек был покрыт изящной

резьбой и выглядел довольно древним. Пожалуй, даже слишком древним, о чем говорили стесанные углы и стертый орнамент.

Будучи в молодости вором, киммериец с легкостью научился оценивать подобные вещи. Где-нибудь в Шадизаре, в одной из лавок ценителей древности, он мог бы выручить за подобный ларец не менее пары сотен золотых монет. Ах, как славно они с приятелями гульнули бы на эти денежки в Пустыньке, воровском квартале Шадизара!

Сейчас находка почему-то не очень радовала киммерийца. А все потому что с этим были связаны колдуны. Уж кто-кто, а Тот Амон не станет суетиться по пустякам.

— Ну, да ладно, — решил Конан, отбрасывая сомнения. — Выкинуть эту дрянь в море никогда не поздно!

Он попытался открыть крышку, но та не поддавалась.

— Да что такое? — недовольно захрипел варвар, налегая сильнее. Затем в ход пошел острый кинжал. В Заморе он освоил искусство отпирание дверей и потайных замков, но сейчас старые знания не помогли.

— Может, секрет скрыт в рисунке? — озадачился Конан. Он встречал шкатулки, где секрет заключался в определенной комбинации нажатий на нужные изображения.

Приглядевшись получше, киммериец насчитал не менее сотни скелетов и мумий, кланяющихся какому-то чудовищу с жезлом в руке.

Он жал на них так и эдак, но ничего не происходило.

— А, Сет тебя задери, — не выдержал Конан, огласив каюту громким рыком, и швырнул ларец в стену. — Нергалово отродье! Чтоб Хануман пожрал всех колдунов и их секреты!

Раздался громкий щелчок, и крышка отскочила.

— Пасть Сета! — вновь выругался киммериец. Такого поворота он не ожидал.

Подойдя к ларцу, он наклонился и посмотрел, что из него выпало. Внутри шкатулки лежал маленький жезл, длинной в ладонь, весь испещренный полосами и значками. Изучить находку как следует варвар не успел. В дверной проем просунулась голова Риальдо, и он тихо зашипел:

— Вышли в устье Стикса, вокруг шныряют стигийские галеры, но нас пока еще скрывает туман.

— Наверняка они предупреждены, — ответил Конан. — Мы попытаемся их обмануть. Пусть, на всякий случай, все будут готовы к бою. Соблюдать тишину! Да, и приставь по матросу к новеньким, так, для надежности.

Киммериец захлопнул шкатулку и, убрав ее в сундук, вышел.

Все уключины были обмотаны тряпками, а моряки споро работали, зажав в зубах кинжалы и готовые пустить их в ход в любой момент. Неподалеку лежали обнаженные сабли и заряженные арбалеты. Быстро достигнув штурвала, Конан взял на себя управление галерой. Так как

устье Стикса было шириной не менее пяти лиг, то стигийцы, безусловно, не могли перекрыть его целиком, но они патрулировали ту его часть, что вела к Аргосу и Зингаре.

Конан повернул на юг. Кто же подумает, что он осмелится проплыть вдоль всей Стигии, достигнув Куша? На этот счет у хитроумного варвара тоже был план. Он отлично знал кушитов и, используя их, намеревался сколотить великолепную команду, с которой в любом порту будет не стыдно показаться. Заодно, отыщется время разобратся с находкой.

Все получилось очень удачно. Когда молочно-белый туман рассеялся, воды огромной реки продолжали кишеть стигийскими галерами, поджидающими добычу. Но «Тигрица» давно ускользнула от охотников.

А потом на ее борту разразилась буря.

Из каюты капитана пропал ларец. К тому же, одного из моряков нашли со сломанной шеей. Начав методично проверять «Тигрицу», Конан обнаружил исчезновение шлюпа, а вместе с ним и двоих новеньких: Базала и Заураба. Отношение экипажа к остальным новичкам тут же переменилось. Само собой, не в лучшую сторону.

— Ну и что будем делать? — в очередной раз спросил Риальдо.

— Идти прежним курсом. Охоту на нас еще никто не отменил, так что повернуть сейчас мы не можем. К тому же нам опять не хватает людей!

Риальдо только выругался себе под нос. В про-

изошедшем он винил себя. Ведь это именно он разрешил чужакам подняться на палубу, а капитану ничего не оставалось делать, кроме как принять их!

— Сядь, — приказал Конан.

— Но теперь ларец у этих шелудивых псов! А с ним и наш клад!

— Может, да, а может, и нет, — хитро сощурившись, ухмыльнулся Конан.

— Как это так? — не понял Риальдо. — Ларец же они украли?

— Ларец украли. А содержимое... — киммериец, жестом базарного фокусника, извлек из поясного ремня со множеством карманчиков небольшой жезл.

— ...А содержимое осталось у нас. Теперь, по крайней мере, мы знаем, что на борту больше нет слуг Тот Амона. Только учти — никому ни слова! Пускай все думают, что мы все так же уходим от погони.

— Ты сомневаешься в надежности остальных новеньких? Так может лучше отправить их кормить рыб?

— Нет, — отрезал киммериец. Он не мог так поступить, пока у него не было никаких доказательств. Ведь он принял дар от гиперборейца с афгулом, а Александриаса и Траска нанял. Следовательно, Конан был теперь за них в ответе. Убить их сейчас, из пустого подозрения, было невозможно. А для воина нет ничего хуже, чем жить с грузом предательства на сердце. И потом, разве будут его уважать в чертогах Крома за та-

кой поступок? Киммериец никогда не пойдет на подлость!

* * *

Облачившись в легкий, не мешающий движениям халат, Яга растянулся на просторном диване и попивал охлажденное вино. Жрец ликовал. Те двое, на которых так рассчитывал Хадаг, были сегодня им перекуплены.

Эти болваны не смогли даже правильно воспользоваться нужным заклинанием, а потому вместо своего командира связались с Ягой. Что, впрочем, было жрецу только на руку. Пообещав наймитам баснословный куш, Яга уговорил их направиться в торговый город Эрук, где их встретят верные люди. Само собой, что изменников ждет только дыба, слишком уж много они знают... Хотя, может, он и не станет убивать их сразу, а выяснит все возможное о Хадаге.

Вспомнив о наглom заморийце, Яга решил приподать ему хороший урок.

По его жесту, миловидные мальчишки-рабы подкатили к дивану глаз Затха, огромный шар располагающийся на треноге с колесиками. Око Затха налилось багровым светом, и Яга увидел рыжеволосого воина в объятиях сразу трех дев. Жрец поморщился, внимательно рассматривая этих коров с огромными грудями. Сам он предпочитал молоденьких и стройных мальчиков, так и брызжащих страстью.

— Хадаг, — повелительно позвал он.

Атлест мигом вскочил, обнажая при этом меч. Гас он находился все это время, Яга не знал...

— Это ты, Яга? — красивое лицо заморийца пересекла нагловатая ухмылка.

— Так ты исполняешь мои приказы? — на миг жрец даже опешил. Еще никогда и никто не смел называть его по имени. — Ах, ты грязный, шелудивый пес! — взорвался Верховный Жрец Йезуда. — Гас ты сейчас находишься?

Хадаг продолжал снисходительно улыбаться.

— Мы идем на всех парусах в Асталу. По моим сведениям, варвар отплыл именно туда.

— Недоумок! Помесь гиены со скунсом! Даже мне известно, что Конан сейчас на юге!

— Да что ты говоришь? — сделал изумленный вид Хадаг. — А мы-то и не знали...

— С каких это пор слуги разговаривают с господами на «ты»? — брызгая слюной, завизжал Яга. — Больше я не нуждаюсь в твоих услугах! Появишься в Заморе — умрешь!

— Ой, боюсь, боюсь, боюсь, — передразнил его замориец. — А ручонки-то жирные дотянутся?

Пробормотав заклинание, жрец закрыл портал, поклявшись, что доберется до этого мерзавца. Велев слугам позвать писца, Яга мысленно стал составлять послание начальнику стражи Асгалуна, которое он пошлет ему вместе с мешочком золота. Другой такой же он передаст, когда Хадаг вновь окажется в городе. Под надежной стражей.

Еще немного поразмыслив, Яга снова повернулся к оку Затха. Шар высветил огромный,

мрачный зал, со столь же огромным и мрачным хозяином. Тот Амон прожег Ягу ледяным и неприязненным взглядом, так что последний невольно поежился.

— Что ты желаешь узнать, жрец Паука? — громовой, чуть шипящий голос отдался эхом в ушах.

Собрав все силы, Яга произнес:

— Ты ищешь воров, великий. Тот Амон? Я знаю, где они.

И он дал приметы Хадага, а также его корабля.

— Я понял тебя, жрец Паука.

И портал захлопнулся. Но на этот раз не по желанию Яги.

«Ничего, — подумал тот. — Скоро вы все не так запоете, поняв, кто вас обманул, и у кого теперь находится ларец! И тогда я смогу заломить за него тройную цену, включая в качестве уплаты и голову Хадага!.. Если, конечно, его поймает Тот Амон...»

* * *

...А великий и могучий Тот Амон в этот момент сидел на своем каменном троне в Кеми, мрачно сдвинув брови. Его люди подтвердили, что ларец пропал. Но проклятый киммериец продолжал упорно плыть на юг. Зачем? Просто чтобы скрыться? Вряд ли, варвар не привык отступать. Значит, происходит нечто непонятное.

«А для чего, спрашивается, Яга-паучок предал

своего человека? Связавшись сегодня со мной, он выдал себя. Ловушка? Может быть. А может, двое сбежавших с корабля Конана везут (или уже привезли?) ему наследие Древних?.. Но, в таком случае, куда продолжает плыть Конан? Он не такой дурак, как о нем думают очень многие. За долгие годы противостояния мы с киммерийцем научились уважать друг друга, и я понимаю, что Конана нельзя недооценивать!»

— Ну, что ж. Я сыграю в твою игру, паучий жрец, — решил колдун. — И посмотрим, кто выиграет партию!.. А пока что я буду присматривать и за тобой, и за киммерийцем. Рано или поздно один из вас совершит непоправимую ошибку...

* * *

Хадаг рыдал от хохота. Яга, привыкший сидеть в своем храме, решил обыграть его, человека, выросшего в самых грязных трущобах Аренджуна и Шадизара! Замориец никогда и никому не доверял, а потому перестраховался, понимая, что жрец продаст его стигийцам. Ни на каком корабле наемники не плыли, а сидели на одном из постоянных дворов в Шеме и пропивали деньги жреца.

Прекрасно понимая, что Яга попытается подкупить посланных им на «Тигрицу» людей, Хадаг перекрыл все возможные караванные пути в Замок. Все получилось именно так, как и предполагал замориец. Прельщенные возможностью

сказочно обогатиться, Заураб и Базал предали отряд, однако ни жрец, ни они сами, не учли одной вещи: никто не знал людей Хадага так, как он сам. Воин понял, где следует искать наемников, едва они ступят на твердую землю...

Гарнизонным солдатам прибрежных портов не было никакого дела до Верховного Жреца Йезуда, зато они были не прочь заработать. Так что посланная Хадагом весть о крупной награде за поимку этих людей быстро разнеслась по побережью Стикса.

Все вышло как нельзя лучше. Изрядно подвыпивших наемников взяли прямо в кроватях, где они мирно отдыхали после праведных трудов. Само собой разумеется, что все их вещи, включая ларец, пропали. Но это недоразумение быстро разрешилось — хватило одной взятки начальнику гарнизона. Но траты того стоили. Теперь беглецы оказались в руках Хадага, равно как и ларец.

Конечно же, кара за предательство была одна — смерть. Но замориец не спешил. У него родился план, как вытянуть из карманов Яги еще немного золота прежде, чем Хадаг покинет эти земли.

— Фивор, — позвал Хадаг своего помощника. — Тащи сюда Забула!

Спустя мгновение в комнату вошел огромный мускулистый воин с темной кожей.

— Слушаю, капитан, — произнес зембабвиец, с нескрываемым интересом разглядывая голых девиц, развалившихся на кровати. Хадаг приказал

девушкам одеться и выйти, подождал, пока они не покинут комнату, а затем сказал:

— Забул, постоянно хвастаешь, будто являешься потомком колдунов своего клана?

— Да, конечно. Мой дед был величайшим... Ну, просто очень хорошим колдуном, — посмотрев на сузившиеся глаза заморийца, Забул осекся. Он знал, как бывает опасен их командир в гневе.

Гигант-кофиец осторожно приоткрыл дверь, спрашивая разрешения войти.

— Фивор, посмотри, не подслушивает ли кто, и заходи внутрь.

— Вот, возьми, — Хадаг сунул в руки чернокожего ларец. — Если ты колдун, значит, сможешь открыть магическую шкатулку.

Забул на какой-то миг растерялся, а когда Фивор поднес к его лицу кулак размером с пивную бочку, темная кожа зембабвийца посерела.

— Попробуй только не открыть!

Забулу не оставалось ничего другого, кроме как взяться за дело. Он принялся трясти и вертеть ларец, при этом пританцовывая и напевая что-то под нос.

Видимо, примитивная магия шаманов Зембабве на шкатулку не действовала, и Забул принялся ругаться и поминать всех богов и демонов более чем на двух дюжинах языков. Наконец, он в сердцах саданул ларцом о стену, замочек не выдержал и сломался. Крышка шкатулки раскрылась.

— Надо же, — подивился Хадаг. — У тебя и

впрямь есть кое-какие способности. Дай мне ларец!

Забул расплылся в довольной улыбке. И не столько от похвалы, сколько от того, что он останется жив сегодня. Хадаг очень не любил, когда его водили за нос, а колдун из Забула был, скажем прямо, никудышный.

— Капитан, — встревожился Фивор. — В шкатулке пусто!

Хадаг спокойно заглянул внутрь и равнодушно пожал плечами.

— Ну и что? Это решительно ничего не меняет!

— Но ведь нам нечего теперь продать Яге, — расстроено сказал тугодум-кофиец.

— Главное, мой друг, — начал терпеливо объяснять Хадаг, — не сама вещь, а сведения о ней. Ведь никто кроме нас, не знает, что ларец пуст. Правильно?

— И что дальше?

— Всем остальным, особенно скупердяю-Яге, мы скажем, что в ларце лежат... Допустим, лежат некие древние сокровища. Когда ларец будет вскрыт, то все подумают, что это мы забрали содержимое, и у нас появится новая возможность заработать — Яга будут вынужден вновь платить выкуп.

Фивор и Забул были восхищены хитростью заморийца.

— Главное, чтобы никто не знал об этом. Даже наши наемники! А то сболтнут лишнего, и торг не удастся...

Хадаг многозначительно прсмотрел на зембабвийца.

— Я буду нем, как рыба, — заверил капитана Забул.

— Верное решение, — согласился с ним Фивор. — Иначе, ты и вправду онемеешь.

— Теперь мы подождем, когда появится Яга, — довольно улыбнулся Хадаг. — Поскольку он и будет нашим первым покупателем. Уверен, что вслед за ним появятся и другие.

— Кто? — в один голос спросили заговорщики.

— Стигийцы, — Хадагу нравилось удивлять этих олухов. — Им мы тоже попробуем кое-что продать.

— Ларец? — с пониманием спросил Забул.

— Сомневаюсь... Тот Амон вовсе не такой идиот, как Яга. Мы сделаем лучше. Начнем религиозную войну в Стигии. Заставим жрецов Сета передрааться между собой!

— Это невозможно! Черный Круг нас попросту раздавит, — ужаснулся зембабвиец, который слишком хорошо знал о силе и влиянии Стигии. — Отряд наемников, даже самый лучший, не сможет противостоять конклаву черных магов!

— Коли действовать с умом, то можно будет совершить самое невероятное, — рассудительно сказал Хадаг. — Обратим гнев высших жрецов против Тот Амона. Слишком многие колдуны жаждут занять его трон. Мы пустим слухок, будто Тот Амон разграбил гробницы в Птейоне Проклятом, а украденные из некрополя вещи потерял. Потом за хорошее вознаграждение мы рас-

скажем заинтересованным жрецам Сета, что похитил Тот Амон, и где эта вещь сейчас находится...

— А откуда мы узнаем, что было внутри ларца? — Фивор доселе не понимал, о чем идет речь.

— Нам это не нужно, — Хадаг отрицательно покачал головой. — Сейчас необходимо сообщить жрецам лишь подробное описание ларца. Этого будет достаточно. А где находится содержимое? — замориец предвосхитил следующий вопрос Фивора. — Разумеется, на юге. Плывет на галере «Тигрица», чьим капитаном является некий варвар по имени Конан Канах. Убиваем нескольких львов одной стрелой!

Зембабвиец довольно засмеялся.

— Хитро, ай как хитро.

— Стигийцы, безусловно, попытаются захватить нас и поговорить по душам в пыточной — это будет гораздо дешевле, чем платить выкуп. Однако мы просто-напросто укажем десяток разных мест для встречи, причем встречаться со жрецами мы будем только в Шеме, где стигийцев не жалуют. Жрецы не смогут привести с собой солдат, а мы нагрянем на место встречи всем отрядом!

— И перебьем проклятых магов? — кровожадно ухмыльнулся Фивор.

— Ни в коем случае! Просто заберем деньги, а затем выложим нужные им сведения, особо указав на вероломство Тот Амона, посягнувшего на священные гробницы Птейона. Чем больше шумихи поднимется вокруг этого дела, тем лучше.

Пускай стигийцы грызутся между собой. Сперва расскажем о ларце, затем, взвинтив цену — о том, где он находится.

— ...А еще позже, о том, где сейчас галера варвара, — восхищенно воскликнул Забул, наконец-то уяснив план командира.

— Точно. Меж тем объявится Яга, и мы продадим ему пустой ларец.

— А потом и его содержимое, — заухал Фивор. Теперь и он стал кое-что улавливать. — Только как это сделать?

— Ничего сложного. Назначим Яге место встречи, и перебьем всех прибывших туда, — сообразил Забул.

— Ну, что ж, пора действовать, — решил Хадаг. — Разбейте отряд на группы по пять человек и отправьте их по окрестным городкам распускать сплетни. Прежде всего ищите храмы Сета, и говорите жрецам о негодяе Тот Амоне, который покусился на священный город. Подробно описывайте жрецам шкатулку — запомнили, как она выглядит? Думаю, они поймут, что это за вещь... Через десять дней весь отряд должен будет собраться возле этого рыбацкого поселка на побережье Шема!

Замориец подчеркнул на подробной карте шемской береговой линии название безвестной деревни...

Глава четвертая

Солнце медленно поднималось над горизонтом, окрашивая морскую воду в лазурный цвет. На поверхности водной глади время от времени мелькали гибкие тела дельфинов, посланников морских богов, которые не раз спасали жизнь моряков, терпящих кораблекрушение. Конан поневоле залюбовался игрой «морских лошадок» — так называли дельфинов в Зингаре.

«Добрый знак», — подумал киммериец. Он, как и все моряки, был немного суеверен, а потому улыбался, видя дельфинов. Куда хуже, если бы следом плыли акулы — эти стервятники моря на любом расстоянии чувствовали кровь. Даже ту, которой еще только суждено была пролиться.

Редкое спокойствие и умиротворение окутывало мятежную душу Конана, более привычную к боям и кровопролитиям. Нельзя сказать, что

киммериец был черствым человеком, скорее наоборот — только он, исходивший вдоль и поперек всю Хайборию, мог оценить красоты природы. Конан ощущал остроту жизни, лишь когда находился в опасности. Борьба, вот что привлекало киммерийца. И неважно, с кем предстоял поединок — со стихией или человеком. Лишь побеждая новых врагов или преодолевая препятствия, он оставался самим собой, а жажда новых ощущений постоянно гнала варвара вперед.

Прекрасное настроение киммерийца немедля улетучилось, стоило ему вспомнить последний разговор с Риальдо.

В один из вечеров, разглядывая найденный в ларце скипетр, они долго обсуждали, что же за странные узоры его украшают.

— Может, тут изображены морские течения? — предположил пират, но тут же отверг эту идею. — Впрочем нет, не похоже.

Риальдо знал направления всех течений, начиная от берегов Пиктских пустошей, и до самых Черных Королевств.

— Горы?

На этот раз покачал головой Конан.

— Не думаю...

И тут шкипер громко хлопнул себя по лбу ладонью.

— Конечно же! Это река! Река, притоки и дельта!

Конан присмотрелся к узору и кивнул.

— Ты прав, старый пес. Это река. Вот только какая?

— Может быть, Стикс? — предположил Риальдо, не слишком хорошо знакомый с реками на материке. Старый пират предпочитал бескрайние морские просторы.

— Боюсь, ты ошибаешься, — Конан вспомнил свое путешествие по Стиксу в поисках серебряного лотоса. — У Стикса более широкое устье и нет стольких притоков.

— Громовая? Хорот? — наобум произнес пират, но ответить киммерийцу не дал, сразу же спросив: — Интересно, а почему реку на скипетре изобразили черными линиями? Было бы разумнее нарисовать ее синей или голубой краской...

Брови Конана сурово сошлись.

— Черные линии? Послушай, Риальдо, ты просто суший гений! В Хайбории есть только две реки, которые называют Черными!

— Ты имеешь в виду реку, протекающую по землям пиктов?

Киммериец замолчал, лишь его кулаки сжались так, что захрустели суставы. Наконец, он выдал:

— Это Зархеба, теперь я узнал карту... Воды Зархебы ядовиты и черны, как ночь.

В памяти всплыли картины прошлого. Конан снова был на «Тигрице». На самой первой «Тигрице». На настоящей «Тигрице». Где с ним, с Амрой-львом, была его Тигрица — Белит, прекрасная шемитка, погибшая на мертвой реке...

— Что за знак стоит первым? — спросил Конан.

— Какой-то треугольник с двумя красными кругами над ним.

— Треугольник? Да, это должно быть пирамида. На берегу Зархебы есть древняя пирамида. А круги — глаза? У той твари были алые глаза.

— Какие глаза? У какой твари? — не понял Риальдо и с недоумением взглянул на Конана — слишком уж взволнованный вид был у капитана.

Сам не зная почему, Конан вкратце рассказал пирату историю гибели Белит.

Немного помолчав, Риальдо покачал головой и ответил:

— У меня есть хорошее предложение, Конан. Давай поворачивать назад. Пора возвращаться домой.

— Домой? — невесело усмехнулся киммериец. — А где он, наш дом? Впрочем, у меня найдется предложение получше — мы отправляемся на Реку Смерти! Пошли на палубу...

Конан и сам не знал, почему он отдает этот приказ. Возможно, киммериец хотел еще раз узреть темные воды Зархебы.

* * *

Две седмицы дул попутный ветер, чужие корабли на горизонте не показывались, море было пустынно. Варвар стоял на мостике, облокотившись о планшир, и смотрел на дельфинов.

— Капитан, — громко закричал впередсмотрящий, свесившийся из вороньего гнезда. — Корабли!

— Кажется, начались неприятности, — понял

северянин и прикрикнул на матроса: — Где корабли, сколько, в каком идут направлении?

Наблюдатель должен был сразу сообщить, откуда исходит опасность.

— Сзади!

Конан поморщился и мысленно пообещал поганцу, что тот выучит правильные морские термины, еще до того, как наступит вечер.

Быстро перейдя на корму, киммериец осмотрел горизонт и обомлел. «Тигрицу» настигала целая армада. Должно быть, за ними шел весь стигийский флот. Конан насчитал около трех дюжин тяжелых галер.

— Боги всеблагие, что делается на белом свете... — только и смог выдавить пораженный киммериец. К счастью, впередсмотрящий заметил корабли вовремя, и галеры пока едва виднелись на горизонте. Так что у команды «Тигрицы» еще было время уйти. Хотя галеры стигийцев куда более быстроходны...

— Поднять паруса, все на весла, — зычно гаркнул северянин. Главное — выиграть время, а уж там посмотрим, чья возьмет! Сидящий на корме барабанщик начал отбивать быстрый ритм, которому подчинялись гребцы.

— Конан, что будем делать? — взволнованно воскликнул Риальдо. — В море мы от них не уйдем.

— Сам знаю, разорви их три сотни кракенов! На берег высаживаться тоже нельзя — змеепоклонники сразу захватят или сожгут «Тигрицу». Дай подумать...

Впервые за долгие годы Конан почувствовал себя мышонком, попавшим в лапы огромной голодной кошки. Силой стигийцев не одолеть, их слишком много. Остается понадеяться на собственную хитрость и смекалку.

Воспоминания прошлого охватили киммерийца. Вновь он на «Тигрице», и вновь ветер раздувает паруса. Вот только Белит, с ним больше нет. Зато есть черная река и неведомое сокровище, которое может принести гибель...

Сейчас надо было спасать корабль, и варвару ничего не оставалось делать, кроме как отдать приказ команде:

— Идем прежним курсом. Не паниковать! Может быть, флот охотится вовсе не за нами! В конце концов, кто мы такие, чтобы удостоиться столь пристального внимания Черного Круга?

«Дело дрянь, — мысленно выругался Конан. — Неужели змеепоклонники охотятся за содержимым ларца? Вот только как они нас отыскали? На борту шпионов нет. Или все-таки есть?»

Конан подозрительно оглядел новобранцев, принятых в команду в Шеме. У киммерийца уже сложилось о каждом них определенное мнение. Аквилонец оказался неплохим моряком и балагуром, постоянно веселящим команду историями о своих любовных похождениях, однако Конану он не нравился. Аквилонец явно что-то скрывал. Немедиец, как Конан и предположил ранее, был опытным воякой. Оставив службу в армии, Траск подался в наемники, где и встретил Александриаса.

Двое других новеньких интересовали варвара куда сильнее. Хаарл, высоченный гипербореец, был настоящей загадкой.

Несмотря на удобу, силой он превосходил Конана и даже могучего боцмана «Тигрицы» Барука. Его знания и речь могли поставить в тупик любого книжника. Конану нравилось беседовать с Хаарлом — тот был знатоком военного дела, и они часто вспоминали события былых войн за кувшином доброго аргосского. Киммериец не понимал одного — почему этот человек, варвар по происхождению и облику, так хорошо образован? Странно...

К Джафару, подходило лишь одно определение — волк. И повадки, и манера поведения, и постоянная готовность к бою — все в Джафаре напоминало этого опасного, хищного зверя. Афгул ни с кем не разговаривал, да и команда его избегала. Он часто стоял у борта и смотрел вдаль, будто что-то гнало Джафара вперед, к неведомой цели.

«Так кто же из них? — в очередной раз подумал Конан. — Кто может быть прислужником Тот Амона? Александриас и Траск вроде бы пришли из Турана, но они могли и солгать. Хаарл с афгулом нашли лодку жреца, и на них самих напали стигийцы. Ничего не понимаю...»

Несмотря на легкость и быстроходность «Тигрицы», к полудню большая часть тяжеловесных стигийских галер подошла на расстояние двух лиг, и Конану стало ясно, что здесь не обошлось без магии.

Впередсмотрящий снова огласил палубу громовым выкриком:

— Справа по борту новая эскадра, капитан.

— Они что, в своей поганой Стигии с ума все посходили? — на этот раз Конан начал ругаться вслух, чем несказанно удивил моряков. Они давно привыкли, что их грозный капитан умеет держать себя в руках. — Охотиться на несчастную пиратскую галеру так, будто мы везем все сокровища мира? Что мы им такого сделали, Сет вас зажри?

Но в еще большее изумление Конана поверг очередной возглас, донесшийся из вороньего гнезда:

— Это флот Барахас! Вымпелы берегового братства!

Впередсмотрящий ошибиться не мог. Он сам был пиратом с Барахских островов и опознал бы эти корабли даже в безлунную ночь.

Зрелище и впрямь было небывалым. Очень редко капитаны-одиночки сбивались в небольшие флотилии для набегов на прибрежные города. Но чтобы объединенный флот Братства появился здесь, в этих всеми богами забытых водах? Необъяснимо!

— Что происходит? — звучали вопросы на палубе.

Моряки с надеждой смотрели на капитана, однако Конан не мог дать четкий и вразумительный ответ. Неужели причиной всех этих невероятных событий является найденный в ларце жезл?

Конан задрал голову и позвал впередсмотрящего:

— Смотри внимательно, когда появится устье реки. Да не пропусти его, иначе вышвырну за борт, как новорожденного котенка!

Угроза была лишней. Все понимали, что произойдет, если один из флотов настигнет «Тигрицу».

Чтобы хоть как-то подбодрить пиратов, Конан обратился к команде:

— Что приуныли, морские волки? Может, вы уже сдались на милость победителя, наделав при этом в штаны? Ну-ка, все дружно налегли на весла! Мы войдем в устье реки, а две своры бешеных псов сцепятся между собой. Если кто струсил — пускай прыгает в воду и плывет навстречу стигийцам!

Большинство пиратов не мечтают дожить до глубокой старости. Смерть в бою, от abordажной сабли или арбалетного болта, кажется им куда более заманчивой, однако и напрашиваться на нее понапрасну никто не станет. Моряки дружно налегли на весла

— Рияльдо, — позвал кормчего Конан. — Следи за курсом. Как войдем в Зархебу, сменишь Барука за штурвалом.

На море началась схватка: корабли Берегового Братства устремились наперерез стигийцам, не желая упускать столь жирную добычу, однако стоило стигийскому флоту выстроиться боевым клином, как пираты отошли в сторону от тяжелых галер, предпочитая забрасывать их из ката-

пульт горшками с горючей смесью. Вспыхивали короткие стычки, которые мгновенно становились роковыми для пиратов Братства — атаковать боевую галеру, с обученной и вымуштрованной командой было практически невозможно. Однако, и стигийцам был нанесен существенный урон — несколько кораблей оказались объаты пламенем.

Конан, ради такого грандиозного зрелища, с удовольствием задержался бы в открытом море и понаблюдал, чем кончится бой, но излишнее любопытство в данном случае могло оказаться губительным.

«Тигрица», легко скользя по водной глади, быстро шла к устью Зархебы навстречу прошлому и будущему.

* * *

Конан вертел в руках жезл, рассматривая странные значки и руны на его поверхности. Треугольники, очевидно, обозначали пирамиды, но что именно символизировали круги и квадраты, варвар не знал. Раз уж судьба, посмеявшись над киммерийцем, загнала его на Зархебу, надо выбирать дорогу...

Один из значков выглядел как треугольник со змеей в центре. Раз уж карта принадлежала стигийцам, поклоняющимся Сету, то вполне вероятно, что именно этим знаком они обозначили нечто важное.

Решено!

— Плыдем на восток, к устью одного из притоков реки, — вслух сказал киммериец, но мысли его вновь и вновь возвращались в прошлое.

Барвар и сам не верил, что может так легко, за одно мгновение, вспомнить давно прошедшие события. Конан продолжал изводить себя ненужными переживаниями, постоянно спрашивая, мог ли он спасти возлюбленную? Ответ был один. Да!

«Мог, мог, мог, — стучало молотом в голове. — Нельзя было оставлять Белит одну!»

От бессилия и безделья Конан готов был крушить все вокруг. Чтобы хоть как-то забыться, он отправился к морьякам и, сев вместе с ними на весла, предался тяжелой и изматывающей работе.

Широкая река будто темный червь вгрызалась в берег и уходила вглубь континента, рассекая джунгли черной лентой. Могучие стволы деревьев клонились к воде, создавая некое подобие природной арки. От этих необитаемых земель веяло древней злобой и ненавистью к человеку.

Обернувшись, киммериец увидел, что вся команда собралась на палубе, ожидая его решения.

И таковое решение было принято. Круг должен замкнуться.

«Тигрица» вновь вошла в темные, мертвые воды.

На палубу опустилась липкая тьма, заглушающая все звуки. Где-то позади остался шум морских волн и редкие крики чаек. Впереди ждала неизвестность.

— Все, как в ту ночь, — пробормотал Конан,

припоминая первое путешествие. — Где-то неподалеку отсюда вынырнула огромная змея, проглотившая Юму. А чуть дальше закричала крылатая тварь, принятая Белит за обезьяну... Все это случилось будто вчера!

Однако на этот раз ночь прошла на удивление спокойно, а после рассвета команда «Тигрицы» увидела заброшенный гроб.

* * *

Скупая улыбка озарила мрачное лицо Тот Амона. Впервые за долгое время он получил приятные известия. Галеры, посланные вдогонку за «Тигрицей» его соперниками из числа жрецов Черного Круга, были потоплены. Впрочем, Береговому Братству тоже досталось, что не может не радовать. Для опытного в интригах колдуна не составило большого труда внушить пиратам с Барахас, что «Тигрица» везет очень ценный груз, стоимость которого неисчислима, а стигийские галеры являются не более чем легкой помехой. Результат: флот Барахас изрядно потрепан и вернулся на острова, а большинство кораблей мятежников-стигийцев лежит на дне. Теперь Тот Амон был единственным человеком, чьи суда находились на юге и продолжали наблюдать за устьем Зархебы.

Блестящая авантюра!

Почему? Да очень просто...

Во-первых, выступив перед конклавом жреческого круга Тот Амон теперь мог потребовать

всеобщей мобилизации флота, что мгновенно путало карты его противников — они должны были отвечать за бездарно потерянные суда, которые формально принадлежали Стигии, а не самим колдунам. Во-вторых, победу над огромным количеством барахаских пиратов колдун вполне мог приписать себе, что добавляло ему авторитета как разумному политику и полководцу.

Впрочем, сейчас у главы Черного Круга были другие дела. Следовало узнать, куда же направился проклятый варвар, вечно путающий все карты.

— Мы едем в Хаджар, — приказал Тот Амон своему личному слуге. Зембабвиец молча поклонился — воля господина была для него непреложным законом.

Остаться здесь, в Кеми, колдун не хотел. Слишком уж много врагов и завистников окружало его в столице Стигии. И только в своем дворце-склепе, на ядовитой почве оазиса Хаджар, чью землю за столетия жертвоприношений кровь пропитала до самой Нижней Сферы, Тот Амон чувствовал себя в полной безопасности.

Поднявшись с каменного трона, жрец направился на крышу башни, где он обычно изучал расположение звезд. Но на этот раз Тот Амона ждало иное занятие.

Поднявшись наверх, где его уже ожидал слуга со всем необходимым, колдун застыл в ожидании. Наконец, он начал читать заклинание. Подул ветер, принесший с собой холод ночи, и неожиданно из темноты выскочил Руркх, древняя

и страшная тварь, считавшаяся вымершей многие тысячелетия назад. Тот Амон повезло отыскать одного такого монстра, странствуя по Черным Королевствам.

Огромная летучая мышь с кроваво-красными глазами приземлилась на крыше и застыла в ожидании. Колдун знал, что прежде чем оседлать этого необычного скакуна, он должен накормить его. Руркхи были прожорливыми существами, и этот не составлял исключения. Пришлось отдать Руркху слугу-зембабвийца — он мигом был разорван в клочья. Этот болван думал, что полетит с хозяином... Какая невыносимая глупость! Неужто Тот Амон воссядет вместе с низкорослым рабом?

Запрыгнув, наконец, в седло, жрец заклинанием повелел Руркху взлетать. Летучая мышь доставит его в Хаджар к рассвету, хотя караваны от Кеми идут туда более трех дней.

Едва солнце показалось на горизонте, тварь приземлилась на крышу единственного здания находящегося в центре оазиса. Дворец, сложенный из красного песчаника, уходил глубоко под землю.

Именно здесь и располагалась истинная столица Тот Амона, откуда он правил Стигией и прилегающими к ней государствами.

Тяжелый люк с массивным медным кольцом поднялся в воздух, открывая проход, ведущий вниз. Первому же встреченному слуге Тот Амон повелел укрыть Руркха, не переносящего дневного света, в каземате. Теперь летучая мышь до-

вольно долго проспит, позавтракав перед этим очередным рабом.

Спустившись вниз, в самое глубокое подземелье, которое служило одновременно тронным залом и местом жертвоприношений, Тот Амон уселся на черный гранитный трон. Тут же появился новый управляющий. Данная должность была столь же выгодна, столь и опасна — слишком многие закончили свою жизнь на плахе за нерадивое отношение к делу. Надо отдать должное и самому Тот Амону, несколько не ценивший чужие жизни, он довольно снисходительно (до определенного предела) относился к своим управляющим — трудно найти умных и преданных людей. Нынешний был на этом посту уже более пяти лет.

Узнав о приезде хозяина, управляющий вбежал в зал и, упав на колени, уткнулся лбом в пол. Дождавшись разрешения встать, он начал доклад о проделанных в отсутствие господина работах.

Стигиец стал зачитывать вслух свитки: о новых рудниках с полезными ископаемыми, о закупке провизии и захвате рабов в Дарфаре. Затем последовал перечень пойманных редких животных, многие из которых пополняют зверинец повелителя, а другие пойдут на продажу.

Только глупцы полагали, что достаточно быть могущественным магом, дабы стать главой Черного Круга. Чепуха! Для этого в первую очередь нужно золото, а оно не течет в руки глупых и ленивых. И уж кто-кто, а Тот Амон не относился

ни к первым, ни ко вторым. Жрец ежедневно оттачивал свое магическое искусство, изнурял могучие тело физическими упражнениями и постами, так же постоянно отыскивал новые возможности обогащения, будь то торговля (естественно через подставных лиц) или же освоение неизвестных в Стигии ремесел.

Молча выслушав доклад и оставшись довольным положением дел, Тот Амон отпустил управляющего.

В зал внесли большой громоздкий шар и установили на медную треногу. Запылала жаровня, в которую были положены сушеные травы, а также кости умерщвленных людей и животных. Тот Амон и прежде не брезговал пользоваться знаниями шаманов распространенного в Черных Королевствах культа Дамбаллаха.

Прошептав несколько заклятий, колдун увидел море и тяжеловесную галеру. Тот Амон смог разглядеть суетящихся на палубе солдат и матросов. Затем появился главнокомандующий.

— Адмирал Менкара? Что там у вас происходит?

Главнокомандующий встал на одно и слегка склонил голову. Это был один из немногих уважающих себя людей — проявляя почтение к господину, адмирал никогда не раболепствовал.

— Мы не смогли обнаружить их, мой господин. Корабли, посланные дальше на юг, вернулись ни с чем. Очевидно, они и впрямь свернули на Зархебу.

Тот Амон кивнул:

— Я выясню это. Будьте готовы, возможно, вам придется продолжить преследование.

Даже если весть и не понравилась адмиралу, он смог сдержать себя и ответил:

— Господин, я осмелился отправить одну из галер назад. На нее были погружены все ценности, снятые с тонущих кораблей. Причем, большинство кораблей принадлежали Барахас.

Тот Амон внешне остался равнодушен, хотя в душе был доволен действиями адмирала. Его казну пополнил один золотой ручеек.

После подробной беседы с Менкарой, колдун устало откинулся на жесткую спинку каменного трона. Бессонные и беспокойные дни, проведенные в Кемии, давали о себе знать. Даже великий маг иногда нуждался в отдыхе.

* * *

Исследовав поутру развалины, Конан пришел к выводу, что город мертв. Видимо, даже после смерти крылатой твари здесь никто не стал селиться.

О прежнем величии города говорили лишь огромные глыбы гранита и мрамора, что валялись вокруг бесформенными кучами. Джунгли наконец-то поглотили последнее пристанище древней расы, последним представителем которой был злобный выродок, забравший жизнь возлюбленной Конана.

Пройдет еще лет десять, и эти жалкие остатки навсегда исчезнут под бурно разросшейся зеле-

нью. А с ними исчезнет и память. Память о выродившейся цивилизации древних, о красноглазом чудище, о Белит...

— Нет! — вырвался рык из груди киммерийца. — Никогда! О тебе будут слагать песни, моя любовь.

Конан вернулся на корабль.

— Отправимся дальше? — сказал он, обратившись к Риальдо. — В глубине этой страны я прежде не бывал.

— Вот и побываем, — спокойно парировал пират. Он уже пообвыкся на Черной реке и сумел обуздать свой страх.

— А что указано на карте? — поинтересовался шкипер, когда они с Конаном вошли в капитанскую каюту.

— Посмотри, что могут означать эти символы? — и киммериец ткнул пальцем в два белых кружка. — Какие-нибудь идеи?

Риальдо лишь покачал головой.

— Что бы это ни значило, думаю, скоро мы все узнаем.

Следующие дни проходили крайне однообразно. Ничего не нарушало спокойствия команды, за исключением загадочных шорохов и леденящих душу стонов неведомых тварей, скрывавшихся в джунглях. На всякий случай Конан держал «Тигрицу» посередине реки, хотя именно Зархеба и представляла главную опасность, поскольку ее воды были ядовиты. Но отчего вода Зархебы стала отравленной — не знал никто. Над этим вопросом можно было ломать голову сколь-

ко угодно, но все предположения были бы далеки от истины — тут была замешана магия.

На третий день плавания люди увидели маленький ручеек, впадающий в Зархебу, а так как запасы пресной воды подходили к концу, то киммериец решил попытаться здесь счастья.

— Поднимемся пешком вверх по течению, — приказал он. — Возможно, ручей и не ядовит.

Риальдо решил пойти с капитаном.

— Ну уж нет, — отрезал варвар. — Приглядывайте за «Тигрицей». Вы с Баруком сможете избежать любой опасности и без меня!

Взяв с собой троих надежных людей, северянин отплыл на яле. Галеру решено было не подводить к берегу.

Едва они ступили на сушу, как оказались в чужеродном мире, наполненном духотой и незнакомыми запахами. Пройдя более трех миль и постоянно осматривая глинистый берег, киммериец никак не мог найти то, что так старательно искал. Пираты с уважением поглядывали на капитана, легко ориентировавшегося в буйных зарослях. Сами бы они не прошли и шага, свернув в сторону от ручья. Конан же постоянно исчезал из виду и столь же неожиданно появлялся, заставляя пиратов хвататься за сабли.

— Капитан, — не выдержал наконец один из корсаров. Звали его Мардо. — А что же мы ищем?

— Не твоего ума дело, — буркнул другой, прозванный Добряком. Это прозвище он подхватил за то, что отправил на Серые Равнины не меньше

врагов, чем сам Конан. — Сказано идти вперед — значит, иди и помалкивай!

Добряк с надеждой посмотрел на капитана. Похоже, джунгли ему совсем не нравились. Пират не снимал руки с длинного зазубренного кинжала, которым владел в совершенстве. Его излюбленным приемом было мгновенно выпустить кишки противнику, который не успевал даже выхватить свой нож.

— Я ищу следы хоть каких-нибудь животных, — пояснил варвар. — Джунгли не могут быть мертвыми, здесь живут ящерицы, змеи или грызуны. Животным нужна вода. Понимаете?

— Значит, ручей отравлен? — предположил Мардо.

— Скорее всего.

Тщательно выбирая дорогу, они пошли дальше. Неожиданно Мардо споткнулся о корягу и полетел на землю, больно при этом ударившись. Тут же вскочив, он с силой пнул корневище ногой.

— Проклятый Нергалом лес! Здесь и ходить-то невозможно!

— Ты ошибаешься, — заверил его Конан. — Настоящие джунгли начинаются дальше. Вот там действительно будет сложно идти.

— Это значит, нам придется прорубаться?

— Только в самых не заросших местах. Куда как легче забраться наверх и идти по кронам.

Пираты переглянулись. Им стало казаться, что капитан просто издевается.

— Как обезьяны, что ли? — буркнул Мардо.

— Почти... Вы привыкли, что лес — это корни, ствол и крона, но на деле все намного сложнее. Джунгли — мир со своими собственными законами и своим порядком. К примеру, сейчас мы идем по земле, а дальше такой возможности может и не быть. В лесу, как и в человеческом мире, побеждает сильный. Большие деревья растут вверх, а более слабые занимают подлесок. Через такие заросли прорубиться просто невозможно. Сколько их ни руби, всех не перерубишь. Кроме того, во впадинах собирается вода и со временем образуются болота. Попадешь в топь — уже не выберешься. Так что лучше двигаться вперед по кронам деревьев.

— Вот это да! — по-детски бесхитростно воскликнул Мардо.

Неожиданно для всех Конан остановился и прислушался.

— Странно, — буркнул варвар. — И без того мертвый лес стал еще мертвее.

— Капитан, смотрите, — Мардо показывал на ручей, чья поверхность внезапно окрасилась во все цвета радуги. — Что это такое?

— Чтобы это ни было, оно находится впереди, — воскликнул неугомонный пират и, раздвинув заросли бурого папоротника, шагнул вперед.

...И совершенно неожиданно для себя Мардо рухнул на землю.

— Што случилось? — прошепелявил пират и сплюнул кровь, текущую из разбитых губ.

— Ничего. Просто капитан дал тебе в зубы, — весело хмыкнул Рудо.

— Што? — Мардо попытался встать, но у него закружилась голова, и он снова упал.

— Да утихни ты, балда, — встрял Добряк. — Капитан спас твою шкуру.

— Ничего себе — спас, — пират коснулся разбитой губы и стал пересчитывать зубы языком. Вроде бы, все были на месте.

— А ты вот на это взгляни. — Добряк схватил Мардо за шкирку и поднял на ноги.

В центре соседней поляны, переливаясь всеми цветами радуги, раскинулась гигантская паутина, натянутая меж двух деревьев.

— Это радужный лишай, — пояснил Конан. — Я уже встречал нечто похожее. Своим цветом и запахом эта гадость подманивают жертв как можно ближе, а затем пожирает. Причем еще живых.

— Надо обойти поляну, — с умным видом произнес Мардо, все еще потирая челюсть.

— Надо, — согласился киммериец. — Запомните, на радужный лишай нельзя смотреть — лишись рассудка...

— Будь прокляты эти джунгли! Так что же нам делать?

— Возвращаться назад. Эта вода негодна для питья. Пускай ее пьет Сет со своими прихвостнями. Будем искать другой ручей.

В этот момент один из зубов пирата, не выдержавший прикосновения кулака Конана, выпал.

— Тьфу, пропасть! — сплюнул Мардо. — Нельзя было полегче стукнуть?

— Извини, не рассчитал. На вот попей. — И Конан протянул Мардо флягу с вином. — Не расстраивайся. Вернешься, золотой себе вставишь. Или изумрудный.

— Так все-таки мы ищем клад, капитан? — При мысли о богатстве пират мгновенно забыл о боли.

— Ищем, ищем, — подтвердил киммериец, исчезая в зарослях.

— Вот видишь. Что я тебе говорил, — зашептал Мардо Добряку. — Они с Белит кое-что припрятали. Вот теперь мы и плывем за золотишком. Найдем и проживем на славу!

— Если Конан с тобой поделится, — встрял Рудо.

— Заткнитесь, — зло зашипел Добряк, кладя свою волосатую лапу на рукоять ножа. — Наш капитан — человек слова. Он своих не обделит.

— Забудь, это я так, к слову, — заволновался Рудо, понимая, что тягаться с Добряком в бою на ножах невозможно. — Я пошутил.

— Вот и оставь свои грязные шуточки при себе. Держи язык за зубами. А не можешь — так я его тебе мигом укорочу.

Слышавший эту перепалку Конан понял, что кроме Риальдо на «Тигрице» есть еще один надежный человек.

Следующий ручеек, питающий Зархебу, они встретили менее чем через сутки. Киммерийцу пришлось устроить новую вылазку, и к его удивлению в добровольцы вызвался Мардо. Слух о несметных сокровищах, спрятанных Конаном и

Белит, распространилась по кораблю с небывалой быстротой. Видимо, жадность заставила пирата забыть о потерянном зубе и таящихся на берегу опасностях.

Неожиданно свою помощь в поисках воды предложил Хаарл.

— Конан, мне уже доводилось бывать в подобных местах, так что обузой я вам не буду.

В последнем киммериец не сомневался. Гиперборец был опытным воякой, попадавшим во многие неприятные переделки.

— Хорошо, пойдешь с нами, — согласился киммериец.

— Один варвар хорошо, а два — лучше, — пошутил Хаарл, но Конан задумался, а для кого это лучше?

Когда они садились в лодку, Риальдо шепнула капитану:

— Будь поосторожней. Хаарл интересовался кладом, и мне это не нравится.

Конану казалось, что здесь его уже ничто не сможет удивить, но Зархеба умудрилась преподнести очередной сюрприз.

Едва люди вошли в джунгли, как деревья неожиданно расступились, уступив место огромному черному озеру. Дав глазам привыкнуть к яркому солнечному свету, киммериец присвистнул от удивления. Вся поверхность озера была усеяна черным лотосом.

Тем самым, за шепотку которого любой колдун заплатит огромные деньги!

— Если продать весь этот лотос, денег хватит,

чтобы всю Хайборию купить, — покачал головой киммериец.

— Всю — не всю, но на покупку какого-нибудь королевства хватит, — спокойно произнес Хаарл. Похоже, это зрелище его совсем не тронуло.

— А что здесь такого? — спросил Мардо. — Озеро как озеро.

— Только вот на нем растет черный лотос. Слыхал о таком?

Какой же пират не слышал об этом растении! Иные купцы, перевозя контрабандой несколько небольших шкатулочек этого порошка, получали двухсоткратную прибыль!

— Будь все оно проклято! — в сердцах выругался Конан. — Мы тут скорее Нергала найдем, чем воду! Пошли, чего стоите?

— Нергала?.. Может быть, и найдем, — таинственно отозвался Хаарл, хотя киммериец не понял смысла его слов.

* * *

— Адмирал Менкара? — раздался голос главы Черного Круга.

— Да, мой господин, — стигиец повторил привычное приветствие, встав на одно колено.

— Мне стало известно, что варвар и впрямь на Зархебе. Они плывут куда-то вглубь Черных Земель, но команда не знает, куда точно. Так что вам придется отправиться за ними. Держитесь на расстоянии. Пускай варвар сперва найдет то, что ищет.

— Да, мой господин, — лаконично ответил адмирал, и хрустальный шар на его столе погас.

Оставшись один, адмирал взял в руки флягу с вином, но так и не раскрыв, убрал назад.

Больше всего Менкаре хотелось бы уплыть отсюда прочь, но он не имел ни возможности, ни выбора. В отличие от других, он служил Тот Амо-ну не из страха. Адмирал был человеком чести и всегда в точности исполнял приказы, даже если они ему не нравились. Конечно же, адмирал считал делом чести поймать варвара по имени Конан, более известного, как Амра Лев. Поймать того самого Амру, который столько лет разбойничал в прибрежных водах Стигии. Того Амру, который вместе со своей неистовой подругой потопил десятки стигийских кораблей. Однако идти на Зархебу адмирал считал излишним риском. Варвар не вернется оттуда. Впрочем, приказ отдан, и Менкара должен его исполнить.

Адмирал был уже не молод и не боялся смерти, но ему было жаль своих людей, впрочем, как и их семьи. У многих в Стигии остались жены и дети.

Менкара встал и посмотрел на свое отражение в серебряном зеркале. Несмотря на полные пятьдесят три года, он все еще оставался строен и подтянут. Его бронзовое тело бугрилось могучими мышцами, а глаза оставались ясными и спокойными, как в двадцать лет.

Это был один из тех редких людей, кого не стигают невзгоды и обходит стороной время. Но теперь, похоже, удача отвернулась от Менкары.

Собравшись с силами, адмирал вышел на палубу и отдал первому помощнику необходимый приказ.

Выстроившись цепочкой, галеры медленно вошли в устье реки.

Впереди был долгий день.

Глава пятая

Блепая бессильная злоба снедала Ягу. Он не сумел совладать с прошельгой-Хадагом и вынужден был купить у этого наглеца за огромные деньги ларец, найденный в Птейоне. Но самое печальное было в другом: шкатулка не желала открываться! Магических сил Верховного Жреца было для этого недостаточно, а ведь Яга планировал вернуть золото, потраченное на ларец, да еще и с немалой прибылью.

План жреца был до гениальности прост. Он хотел вскрыть ларец, забрать его содержимое, а затем продать все это Тот Амону — сперва ларец, затем содержимое. Только Яга и не предполагал, что точно такую же шутку уже сыграли с ним самим.

— Пошел вон, — взвизгнул жрец, наотмашь ударив стройного послушника, лежащего на кровати. Ярость, клокотавшая в жирном теле, не по-

зволяла Яге насладиться прелестями юноши. Оттого Яга начинал яриться пуще прежнего.

Женоподобный послушник вскочил, держась рукой за покрасневшую щеку, и неловко задев столик, опрокинул его.

— Чтоб тебя разорвали Затх, Сет и Нергал, — в сердцах вскрикнул Яга, испугавшись за сохранность ларца, который лежал на столике.

— Ах ты, маленький уб... — жрец осекся. Ларец лежал на полу раскрытым.

— Выходит, один удар об пол решил все проблемы, — пробормотал Яга. Однако, вспомнив о находящимся в помещении мальчишке, он понял, что еще не все проблемы решены до конца. Нельзя позволить увидеть ему содержимое шкапулки.

— Нис, мой мальчик, ты не ушибся? Подойди ко мне.

Послушник, уже привыкший к резким перепадам настроения хозяина, жеманно надул губки и, сделав обиженный вид, ответил.

— Я ухожу. И на этот раз навсегда.

— Не надо. Иди сюда, я тебя утешу.

Подувшись еще какое-то время, послушник прыгнул на постель.

— Тебе больно? Ну, ничего, сейчас пройдет. Дай я тебя поглажу.

Мягкие, жирные ладони жреца стали ласкать его щеку, затем спустились чуть ниже и... И неожиданно сомкнулись ни тонкой шейке Ниса. Юноша попытался вырваться, но тяжелое тело жреца придавило его к кровати. Послушник про-

должал хрипеть и дергаться, и Яга уже подумал, что он никогда не задушит капризного гаденыша, но вот, наконец, тот дернулся в последний раз и затих. На этот раз уже навсегда.

Верховный Жрец тут же вскочил на ноги и бросился к ларцу.

Тот, разумеется, оказался пуст.

— Не может быть! — Взвыл Яга. Упав на колени, он принялся шарить под кроватью, но страшное подозрение уже закралось в его сердце. Ларец открывали до него. Покраснев от натуги и с трудом поднявшись, Яга сплюнул:

— Ублюдок! Свинья и отродье свиньи! Тварь! — все эти словеса, конечно же, относились к Хадагу. Только он один мог вскрыть и выпотрошить ларец. То-то он так улыбался, получая за него десять тысяч золотых!

Надо немедленно что-то предпринимать! Какое унижение — снова обращаться за помощью к этому мерзавцу Хадагу! Впрочем, ничего другого не остается...

Накинув на себя простыню, Верховный Жрец Йезуда бросился к оку Затха.

* * *

...Фивор в очередной раз расхохотался и от души хлопнул зембабвийца по спине. Не будь Забул так крепок и мускулист, могучий кофеец просто сломал бы ему хребет.

— Признавайся, Забул, — продолжил свою речь высокий рыжеволосый атлет. — Колдовал

ты, или нет? В конце концов, тебе удалось справиться с этим ящиком за жалкий квадранс, а Яга до сих пор с ним возится! Две седмицы открыты не может!

Зембабвиец плутовато улыбнулся.

— Поверили теперь, что я не врал? Мой дед был великим шаманом племени Ндар-Дарн. А я унаследовал его способности.

И Забул угостил наемников очередной байкой о своем легендарном деде. Все эти истории вызывали новые приступы смеха у кофийца. Зембабвиец не обижался — теперь он стал третьим человеком в отряде, чем очень гордился. Втайне от остальных он стал скупать магические фолианты и учиться на рынках у шаманов и фокусников, прекрасно понимая, что теперь Забул — волшебник, от которого все ждали чудес. К огромному счастью Забула, он научился некоторым простеньким заклятьям — дед Забула и впрямь был шаманом, только очень посредственным.

— Ладно, я очень надеюсь, что жрец откроет ларец раньше, чем мы постареем, — произнес Хадаг.

— Думаю, что золотишко нам и в старости не помешает, — ответил Забул, и новый взрыв хохота сотряс помещение общего зала таверны, которую шайка наемников сняла только для себя, выгнав остальных постояльцев. Хозяин был не против — люди заморийца не скупилась. Большую часть заработанных денег, полученных от стигийцев, наемники давно уже прокутили, и вот тогда объявился Яга, предложив выкупить шка-

тулку. Однако и это золото постепенно иссякало...

Много позже, уже за полночь, Хадаг заметил, что хрустальный шар, стоящий на столе, ярко светится. Сев на измятой постели, Хадаг потянулся и зевнул. Видимо Яга наконец-то вскрыл ларец. Хадаг решил отложить разговор на утро.

— Пускай помучается, — решил он.

Шар не гас всю ночь, и только утром Хадаг соизволил ответить жрецу. Прекрасно зная, как неприятен Яге вид обнаженных женщин, он поставил шар так, чтобы тому была видна постель, и лишь после этого произнес ответное заклинание.

— О! — воскликнул замориец. — Кто это к нам пожаловал? Сам Яга Ужасный и Грозный, собственной персоной. А мы, простые смертные, и не ждали такой чести!

Услышав такое обращение, жрец поморщился, но быстро взял себя в руки.

— Привет, Хадаг. Как поживаешь?

— Великолепно! — воскликнул замориец и хлопнул одну из девиц по голому заду. — Вот, развлекаюсь на твои денежки. Хотя нет, совсем забыл, теперь эти деньги мои...

— Вот и замечательно, — с готовностью кивнул Яга. — Развлекайся на здоровье. Однако не мог бы ты мне помочь в одном деле?

— Не мог бы. Теперь пусть тебе Заураб помогает, — отрезал Хадаг и оборвал связь, прочтя еще одно заклинание. Замориец, безусловно, знал, что туранца уже нет в живых, но ему хотелось помучить жирного жреца и отыгаться за

все прежние оскорбления. Пусть Яга сидит и читает свои заклинания, вызывая его вновь и вновь.

Лишь через три дня командир наемников все же соизволил выслушать Верховного Жреца.

— Ну, что тебе еще надо? — нарочито грубо спросил Хадаг.

— Это снова я, — выдавил из себя Яга.

— Вижу, жирный червь. Чего хочешь?

— Хадаг, может, ты вернешься назад, а то Заураб совсем не справляется с делами?

— Ну-ка, зови его сюда. Спросим вместе — почему?

Жрец замаялся. Туранца давно посадили на кол...

— Он сейчас в отъезде, вот я и решил обратиться к тебе...

— Да, так ты присылай Заураба ко мне, за советом.

— Серьезно? — с надеждой спросил Яга. — А где ты сейчас находишься?

Но замориец не был глупцом. Он прекрасно знал, что жрец сможет прислать к нему парочку ядовитых пауков и отомстить.

— Плыву в Асгалун. Или может быть, меня должны были перехватить стигийцы?

Жрец сделал невинный вид и пожал плечами:

— Стигийцы? Какие стигийцы?

— Те, которых ты на меня натравил. Я ведь разговаривал с самим Тот Амоном...

«Не может быть, — подумал жрец Затха. — Впрочем, этот проходимец мог пойти на любую

подлость! Если содержимое шкатулки попало в руки Тот Амона, я пропал!»

— Послушай Хадаг, — заволновался Яга. — Ты же не собираешься связываться с южанами? Все они хитры и лживы, как змеи.

— Неужели? — в изумлении воскликнул воин.

— Кому же тогда я могу верить?

— Мне, — воскликнул Яга, не понимая, что над ним издеваются.

— Хвала Митре, хоть один честный человек в мире нашелся!

— Ну, так как насчет моего предложения? — переспросил жрец.

— Какого именно?

— Хочешь вернуться ко мне на службу?

— Можешь засунуть такое предложение в свой жирный зад!

Верховный Жрец опешил. Он-то думал, что дело вот-вот уладится, и он сумеет обмануть Хадага. Но только сейчас Яга понял, что замориец все это время смеялся над ним.

— Мерзавец! Да как ты смеешь? Да я тебя...

— Что — «ты меня»? — плотоядно улыбнувшись, уточнил Хадаг. — Накажешь? Ой, как страшно! Сейчас пойду штаны менять, а то обмочился от ужаса!

— Чего ты хочешь? — не выдержав, спросил Яга.

— Я? — сделал изумленное лицо Хадаг. — Разве это я тебя разыскиваю? Нет, дорогой мой. Это ты от меня чего-то хочешь. Вот из этого постулата теперь и будем исходить. Итак, рассказывай.

Понимая, что другого выхода нет, жрец сказал:

— Я открыл ларец...

— Неужели? — всплеснул руками воин, прерывая Ягу. — Удивительное чудо! Наверное, много сил приложил?

Вытерпев и это оскорбление, жрец продолжил.

— Ларец оказался пуст.

— Я удивлен, Яга... Ты отдал мне столько золота за пустую коробку? Чудеса, да и только. Хочешь, я тебе еще несколько шкатулок продам, раз ты такой ценитель старины?

— Меня обманули, — не выдержав, завизжал жрец.

— Кто? Кто осмелился оскорбить Верховного Жреца? Кто покусился на повелителя Хайбории? Подать его сюда, немедленно! Я лично с ним разберусь!

Хадаг, совсем потерявший меру, разошелся не на шутку.

— Неужто Заураб? Казнить наглеца. Это же надо, так пошутить над величайшим...

— Отдай мне это, — закричал Яга. — Отдай, я тебе заплачу.

— Конечно, заплатишь. Кто бы сомневался. Вопрос ведь не в этом.

— А в чем?

— С кем мне иметь дело? С тобой, или Тот Амоном? Я обдумую этот вопрос на досуге, но помни — у стигийцев много золота. Очень много!

И шар погас.

* * *

— Значит, мы остались без пресной воды? — протянул Риальдо. — Может, нам все-таки повезет в поисках?

Киммериец, знавший по своему опыту, что на везение не стоит рассчитывать, лишь покачал головой, ответив:

— Надеяться на удачу — копать себе могилу. Тут нужен трезвый расчет. Воды у нас в обрез. Так что поднимаемся по реке еще два дня, а потом поворачиваем.

— Ну, а как же сокровища? Неужто мы их бросим?

— Отыщем другие. Мало ли по океану ходит купеческих посудин? А вот помирать раньше времени не хотелось бы.

Словно решив посмеяться над словами киммерийца, судьба преподнесла ему подарок. Ровно через два дня, когда Конан собрался уже было отдать приказ на возвращение к морю, Хаарл заметил крохотный ручеек, вытекающий из расщелины в скале.

— Капитан, а откуда здесь скалы? — поинтересовался Мардо.

— В Черных Королевствах и не такое встретишь, — пояснил киммериец. — Бывает так, что идешь сквозь джунгли, и неожиданно видишь перед собой пустыню. И нет ей ни конца, ни края. Так-то.

Вдаваться в подробности он не стал. Сейчас Конана больше волновало, сможет ли он распо-

знать в воде яд, или нет? Зачерпнув полную пригоршню, он прополоскал рот, а затем выплюнул все без остатка, прислушавшись к своим ощущениям. Странно, но ручей был не отравлен. Скорее даже — наоборот. На вкус вода была чистой и сладковатой.

— Хм, любопытно, — буркнул варвар. — Откуда здесь взялся ручей? Впрочем, какая разница? Пейте!..

— Просто чудо, что гипербореец заметил этот ручеек, — воскликнул Мардо.

«Только слишком странное чудо, случившееся как нельзя вовремя», — подумал северянин. Эту тоненькую струйку живительной влаги с палубы корабля мог заметить лишь тот, кто знал, куда нужно смотреть. Что-то во всем этом плаваньи было неправильно. Вот только Конан, никак не мог понять, что же именно.

Утро следующего дня началось с происшествия. В каюту капитана ворвался Барук и отчеканил:

— Капитан, на реке появилось обратное течение.

Это было что-то новое. До сих пор они шли против течения, хоть и не быстрого, но теперь корабль несло вперед.

— Может водопад? — предположил Риальдо, едва Конан появился на палубе.

— Не думаю, тогда бы мы его услышали.

Матрос, стоящий в вороньем гнезде, закричал.

— Поворот, прямо по курсу.

— Лучше не рисковать, — подумал киммери-

ец и отдал команду. — Править к берегу, олухи. Спустить якорь!

Когда «Тигрица» пристала к правому берегу, киммериец перебросил через борт доску, служившую трапом, и соскочил на землю.

За ним последовали: Риальдо с Добряком, а также аквилонец. Его смелость несказанно удивила варвара, так как Александриас прежде не проявлял интереса к вылазкам на берег.

Сейчас все внимание Конана было приковано к Зархебе. Река, сильно сузившись, делала резкий поворот вправо, где снова расширялась. Но отнюдь не это заставило пиратов раскрыть рты от изумления.

В самой середине реки бешено вращался огромный водоворот. При этом он поглощал черную воду, а спустя некоторое время появлялся фонтан, который почему-то выбрасывал воду бурозеленого цвета.

— Ведомо ли такое чудо! — изумился Риальдо. — А я и не знал, что на реках встречаются водовороты.

— Эта река колдовская, Кром ее иссуши. Вот и полно на ней всякой дряни!

— Что делать будем? — спросил аквилонец.

— Придется обойти воронку вплотную к берегу. На веслах, — последовал ответ.

Весть о странном явлении, обнаруженном дальше по курсу, мигом облетела галеру.

— Зато теперь мы знаем, что находимся на правильном пути, — заявил Риальдо, рассматривая скипетр.

— Это ты о чем?

— Да вот, на карте знак похожий.

Теперь все стало на свои места, и Конан отбросил последние сомнения.

— Ответ на все вопросы — в карте!

Пират непонимающе уставился на капитана.

— Помнишь, я рассказывал тебе о городе, где погибла Белит? Так вот, треугольник обозначал пирамиду, два круга — глаза. Правильно?

— Ну и что из этого? К чему ты ведешь?

— Один круг мы видели. Это воронка... а где же второй?

— Очевидно, под водой, — предположил пират.

— На карте все указано! Только мы сразу этого не поняли.

— Да что такого тут указано? — никак не мог понять Риальдо.

— Цвет! Живые твари изображены красными рисунками.

— Хочешь сказать, что в воронке кто-то может жить? Да ни за что не поверю!

— Петля Небеки!

— Чушь, обычная морская сказка.

— Я лично однажды видел эту сказку. Гнуснейшая тварь...

— И что же мы будем делать? — пират верил капитану, а потому заволновался.

— Расскажем парням, дабы они были готовы. А потом будем прорываться.

Команда встретила новость абсолютно спокойно. Встречать опасность, стоя на качающейся морской палубе, им было не впервой.

— Надо плыть дальше, — неслись отовсюду голоса. Пираты дружно сошлись на том, что если капитан знает обо всех опасностях отравленной реки, то он уже бывал здесь. А значит, они и впрямь плывут за сокровищами! Переубедить своих матросов Конан не мог, да и не пытался. Если все их мысли будут о золоте, то в сердцах корсаров не останется места для страха.

К Конану внезапно подошел гипербореец.

— А куда нам, собственно спешить? — спросил Хаарл.

— То есть? Что ты имеешь в виду?

— Останемся здесь жить? — встрял Мардо, и команда захохотала, оценив шутку товарища.

— Я просто считаю, — спокойно продолжил Хаарл, — что не стоит рисковать людьми, надеясь проскочить водоворот на корабле. А вдруг там и вправду живет некое чудовище? Может быть, сначала нам следует убить монстра?

— Арбалеты здесь не помогут. Тварь наверняка очень большая.

— Верно, но разве я упомянул арбалеты? Очевидно ты, Конан, забыл, откуда я родом?

— Нет не забыл, — ответил киммериец.

Хаарл продолжил:

— Моя родина — это суровый и беспощадный край. Давным-давно гипебрейцы отказались от кочевого образа жизни и стали возводить каменные постройки, отличавшиеся огромной высотой и мощью. Могучие цитадели, разбросанные по ледяным пустошам, не единожды прошли проверку на прочность. Они выдержали напор гир-

канской конницы, которая не имеет себе равных. Точно так же наши крепости не смогли взять объединенные рати Нордхейма вкупе с ордами киммерийцев.

Видя, что Конан сурово свел брови при упоминании о своих родичах, потерпевших когда-то поражение, Хаарл перешел к делу:

— Знаете, почему гиперборейские крепости невозможно взять? Их нельзя долго осаждать!

— А почему? — встрял вездесущий Мардо.

— Из-за нехватки провианта, — пояснил северянин. — Но суть в другом. Мы разрушаем крепости наших врагов с помощью баллист и катапульт.

— Ты хочешь построить баллисту? — заинтересовался Конан, видевший эти грозные орудия, действительно наносившие страшный урон противнику.

— Почти... На постройку настоящих боевых баллист или катапульт у нас просто не хватит сил и времени, а вот некое их подобие создать можно.

— Согласен, — тут же решил Конан. — Команда — на берег!

Остаток дня ушел на строительство. Хаарл довольно быстро разъяснил морякам принцип изготовления оружия, и те, не понаслышке знакомые с плотницким делом, взялись за работу.

Пираты сгибали тонкие стволы деревьев, а затем, закрепив их толстыми лианами, клали на ветви массивный камень, который и служил метательным снарядом. С баллистами оказалось не-

сколько сложнее. Для них требовались деревья, с растущими на одном уровне боковыми ветвями, меж которыми, крепились поперечные балки, на которые набрасывались крепкие тугие лианы, служившие тетивой. В качестве стрел использовали длинные заостренные колья.

— Кажется, мы подготовились к сражению, — вздохнул уставший гипербореец. — Этого более чем достаточно...

Хаарл был прав. Четыре тугих баллисты и семь катапульт смогут уничтожить любое существо из плоти и крови.

— Всем спать, — распорядился киммериец, выставив вахтенных. — С рассветом выступаем.

— Капитан, а кто завтра отправится на берег? — раздался вопрос.

— Само собой, Хаарл. Он-то и отберет себе помощников.

— Стоило бы, конечно, пристрелять орудия, — задумчиво протянул гипербореец. — Но вдруг мы разбудим обитающую в реке тварь?

— Если конечно она вообще существует, — ответил ему Конан.

— Существует, уж поверь, — убежденно сказал Хаарл и пошел спать. К задумавшемуся Конану подошел Риальдо.

— Что тебя мучает, друг мой? — тихонько, так чтобы никто не услышал, спросил кормчий.

— Никак не возьму в толк, про какие такие войны нам говорил Хаарл. В Гиперборее уже более пятисот лет не разрушали ни одной крепости. Я очень внимательно слушал легенды и ис-

тории северного края, находясь в гиперборейском плену.

— Тебе тоже показалось, будто он не рассказывал эти истории, а вспоминал их? — удивился шкипер. — Я было уж подумал, что это очередная солдатская брехня, но Хаарл очень не похож на человека, который станет врать.

Киммериец был полностью согласен со старым пиратом. Хаарл не из тех, кто станет без толку трепать языком, слишком многое он повидал в своей жизни. А вот это и смущало Конана в первую очередь.

Едва лучи солнца пробились сквозь густые кроны деревьев, все матросы уже были на своих местах. Хаарл отобрал двенадцать человек, которые должны были выстрелить в нужный момент, по его команде. А если потребуется, то и перезарядить импровизированные катапульты.

Широко расставив ноги, у штурвала стоял Барук. Случись что, он сможет в одиночку удерживать штурвальное колесо, пока остальные будут стрелять в возможного противника из арбалетов. Конан, держа меч в одной руке и легкую морскую секиру в другой, стоял на мостике. Легкой добычей «Тигрица» не будет.

Возле самого изгиба реки корабль подхватило течение и понесло вперед.

— Да поможет нам Митра, — тихонько прошептал Риальдо, в тяжелый момент вспомнивший о светлом боге. Киммериец сжал рукоять доброго меча, не раз выручавшего его в самых безнадежных ситуациях.

Стоило «Тигрице» проскочить поворот, как галеру тут же стало сносить течением, грозя затянуть в воронку. Гребцы налегли на весла, удерживая корабль как можно ближе к берегу, а Конан громогласно приказал Баруку:

— Правее, правее! Разорви тебя Сет!

Но Барука понукать не стоило. Он и так налег всем телом на колесо и, краснея от натуги, смог выровнять «Тигрицу», удержав ее на расстоянии от губительного водоворота.

Стоило пиратам успокоиться, подумав, что самое худшее позади, как вода забулжила, и из воронки появилось *Нечто*.

Над водой поднялась голова левиафана, на которой выделялась непропорционально огромная пасть и маленький глаз песчаного цвета. Вслед за головой появилось длинное туловище. Пасть чудовища, способная заглотить всю галеру целиком, раскрылась, и в этот же миг в нее влетел огромный камень, выпущенный из катапульты. Левиафан попытался отплыть в сторону, однако общий залп с берега обрушил на чудовище град камней и стрел.

Одно из толстых копий пронзило небо и навеки застряло во рту монстра, а несколько крупных камней ударили в голову. Спустя мгновение, кол воткнулся в единственное око левиафана и ослепил его.

Дико заревев от боли, чудовище скрылось под водой. Большая волна подхватила галеру и понесла вперед...

* * *

Тот Амон наслаждался, рассматривая паутину натянутую между деревьев. Связавшийся с ним этим утром Менкара, сообщил, что шлюп с дюжиной солдат бесследно исчез, равно как и второй, посланный на его поиски. Тогда за дело взялся сам адмирал, который и обнаружил поляну с паутиной.

Конечно, Тот Амон знал, что никакая это не паутина, а живое существо... Впрочем, это было не важно. Главное, что подобные создания стали теперь редкостью, и никто из ныне живущих магов Черного Круга не мог похвастаться таким приобретением.

Терять столь ценный экспонат было бы глупо, но и упускать варвара магу не хотелось.

— Адмирал, — позвал своего слугу колдун. — Продолжайте преследование, но если найдете нечто необычное, то обязательно свяжитесь со мной.

— Да, мой господин.

Тот Амон, откинувшись на спинку трона, погружился в раздумья.

Пожалуй, вся эта затея со слежкой за киммерийцем, уже оправдала себя. Потоплен флот стигийских мятежников, а также подрезаны крылышки барахским корсарам. Добыча, присланная Менкарой на одной из галер, уже окупала все расходы на экспедицию. Теперь удалось добыть живую Сеть... Дела идут — лучше некуда!

На следующий день настроение жреца стало

еще лучше. Стоило ему увидеть озеро Черного Лотоса, найденное адмиралом, как планы стигийца переменились.

— Адмирал, вы превзошли самого себя! Отрядите две... нет, три галеры на сборы лотоса!

— Как прикажете, повелитель. Однако... — стигиец на мгновение замялся.

— Продолжайте, адмирал.

— Я просто подумал, что опасно оставлять такое количество лотоса без надежного присмотра. Деньги могут толкнуть людей на предательство.

Тот Амон задумался. Содержимого галер вполне хватит на то, чтобы купить целое королевство. Риск был слишком велик, и колдун решил перестраховаться.

— Адмирал, пожалуй, я возложу эту миссию на вас. Подберите себе замену, а сами отправляйтесь за лотосом.

Когда магический шар погас, Тот Амон остался доволен. Колдун, считая Менкару надежным человеком, знал, что тот доставит эти несметные сокровища в условленное место.

А адмирал посчитал, что его служба у Тот Амона закончена.

Даже самые надежные люди имеют свою цену. Тем более, если они всю жизнь живут под страхом смерти.

* * *

Стапх — молодой офицер, только недавно получивший под свое командование галеру, не был

так умен, как адмирал Менкара. А потому он искренне радовался своему новому назначению. Теперь он был главой эскадры, а это значит, что скоро именно его будут встречать в Кеми как героя, поймавшего проклятого пирата по прозвищу Амра.

Старый, вечно перестраховывающийся адмирал утомлял офицера постоянными остановками и разведками. Едва Менкара отправился за лотосом, как Стапх поднял якоря и устремился в погоню.

Именно эта поспешность и привела к трагедии. Не удосужившись выяснить, что же находится за неожиданно появившимся изгибом реки, он продолжал вести эскадру по руслу Зархебы. Первая же галера, выскочившая из-за поворота, угодила в водоворот, где ее быстро затянуло под воду. Вдобавок, из глубины водоворота появился некий невообразимый монстр, который тут же разметал корабль в щепки. Речной гигант начал охотиться на тонувших стигийцев.

Возможно, оплошность Стапха могла бы обойтись ему намного дороже, но в этот момент, крупный обломок мачты вонзился в червеобразное тело монстра. Чудище, почувствовав боль, развернулось и вцепилось клыками в мачту. Стрела из баллисты, лишившая тварь зрения, сыграла с ней злую шутку. Огромная пасть, схватившая обломок мачты, вцепилась в тело левиафана, мгновением позже перекусив его. Зеленая кровь струей взметнулась в воздух, и монстр навсегда скрылся под черными водами Зархебы.

Самое удивительное было в том, что вместе с чудовищем пропала и воронка.

* * *

— Тупица, — холодно произнес Тот Амон. — Ты должен был предусмотреть все. Понимаешь ты это, или нет?

Стапху было нечего ответить, а потому он благоразумно молчал.

— За следующий корабль — ответишь головой, — по-змеиному зашипел жрец и погасил магический шар.

Конечно же, этот человек был не виновен. Где уж ему тягаться с Древними, оставившими на реке свои ловушки! Но все же Тот Амон был крайне недоволен неожиданной неудачей, а потому должен был выместить на ком-то свою злобу.

Хотя трезвый расчет говорил о том, что экспедицию уже можно считать удачной. Еще никто (а таких попыток было немало), не забирался так далеко вверх по течению Зархебы. Несколько десятилетий назад посланная Тот Амоном галера была найдена в устье реки брошенной. Что случилось тогда с экипажем, не знал никто. Теперь, Зархеба приоткрывала завесу над своими тайнами.

— Интересно, — подумал колдун. — А миновал ли эту тварь, Конан? Будет прекрасно, если река станет для варвара могилой... Просто великолепно!

Глава шестая

Несколько спокойных дней пути... и вот уже экипаж «Тигрицы» ожидала новая неожиданность. Зархеба разлилась столь широко, что стала походить на озеро. Яркое солнце, стоящее в зените, слепило глаза, отражаясь от черной, как оникс, поверхности воды. На волнах плавали пурпурные лилии невиданных размеров. Столь мирный и красивый пейзаж очаровал всех находящихся на судне.

— Капитан, — произнес Мардо. — Что бы это могло быть?

Конан смачно сплюнул за борт:

— Небось, очередная дрянь, которую стоило бы выжечь благословенным огнем Митры!

Уже в который раз киммериец пожалел, что утратил божественный дар повелевать молниями. Вся эта река, а также ее окрестности, стоили того, чтобы уничтожить их — раз и навсегда.

— Конан, в чем дело? — удивленно спросил Риальдо. — Место тихое, не опасное.

— Слишком тихое, — неохотно буркнул варвар. — Да и кувшинки эти странные... Мне уже доводилось встречать в своих странствиях одурманивающие цветы.

— А мне кажется...

— Хватит болтать, — прикрикнул на него варвар. — Все на весла. Ну, взялись.

Заскрипели уключины, заиграли могучие мускулы на загорелых торсах гребцов. И «Тигрица», стремительно набирая скорость, помчалась вперед.

* * *

...Ледяной ветер с силой бил Конану в лицо, но он, проваливаясь в снег по пояс, продолжал бежать к становищу. Неожиданно, его нога провалилась в яму, из которой, варвар никак не мог выбраться. Разгрести снег не имело смысла, так что Конан, просто бросился вперед, надеясь вырваться из ловушки. Дикая боль пронзила все тело, но освободиться ему так и не удалось. Киммериец поднял глаза и увидел, как ливень стрел скашивает жалкую горстку защитников деревни, противостоящих многочисленным врагам. Родные киммерийца падали замертво, а рыжебородые ваниры продолжали хохотать, не рискуя, однако сойтись в рукопашной. Конан не оставлял попыток выдернуть ногу из ледяного плена, однако все они были тщетными. Стопа не сдвинулась ни на йоту. А невдалеке, глумливо усмехаясь, стоял высоченный воин в меховой

накидке из горностая. Это именно он привел ваниров, желая унижить и уничтожить непокорных киммерийцев, мешающих его планам. Конан узнал его. Это был Атли...

Полыхают молнии, покрыв сияющей сетью вмиг почерневшие небеса. Накренившаяся «Тигрица» пытается уйти от флотилии кораблей с резными драконами на носах. Шансов уже нет... Конан, продолжая удерживать штурвал, обнял, одной рукой Белит. Злой ветер лишь разносил огонь по галере киммерийца. Очередная молния, ярко сверкнувшая в небе, осветила нос первого дракара, на котором, широко расставив ноги, стоял Атли. Могучий ванир, продолжал все так же глумливо усмехаться. То, что исход сражения предрешен, не вызывало сомнений. От чувства бессилия Конан закричал зубами. Неожиданно лицо Атли искажает гримаса ненависти, и он превратился в злобную тварь с алыми глазами...

Солнце начало заходить, небо прорезали темные тени коршун, наблюдающих за добычей. Наконец один из них решился и спикировал вниз, разорвав при этом щеку киммерийца. Тот лишь зло рыкнул и вцепился зубами птице в горло. Коршун отчаянно забил крыльями, но вырваться не смог. Вскоре клекот перешел в хрип, и птица замертво рухнула вниз, к подножью креста, возле которого стояли две женщины — проклятая ведьма Саломея и коленопреклонная Тарамис, законная наследница Хаурана. Конан, попытался разглядеть надменного шемита Констанциуса. Но вместо него вновь увидел Атли. А за его спиной, вместо бесконечных песков, кружилась вьюга, которая вскоре должна была объять весь мир. Припорошенные

снегом брови ванира были сурово сведены, однако он продолжал улыбаться. Но в этой улыбке, не было ни капли тепла...

Приморская крепость пылала, а на ее стенах шел бой. Сотни ванирских дракаров, вперемешку с туранскими кораблями, наконец-то атаковали оплот Красного братства, возглавленный Конаном. Тысячи воинов высаживались на берег, грозь мгновенно смять обессиленных защитников. Конан рубил направо и налево, но его просто задавили числом. Гора мертвых и живых тел не позволила больше действовать мечом. На ногах и руках киммерийца защелкнулись стальные браслеты. Когда Конан поднял заплывшие глаза, то увидел Атли. Восседающего на его троне...

* * *

Видения и образы замелькали одно быстрее другого, и у киммерийца от их обилия закружилась голова.

Бескрайние пустыни сменяли отвесные горные пики; южные джунгли и северные чащобы, — морские просторы. Но везде, где бы он ни оказался, Конан терпел поражение от одного и того же человека. Атли, Атли, Атли. Везде и всюду вздымалась его огромная секира...

Рыжая борода куда-то исчезла, а вместо нее виднелась седина. Голову ванира украшала массивная золотая корона, инкрустированная алмазами, а сам он, по-хозяйски окинув взглядом покои, на которых лежала печать варварской роскоши, поудобней устроился на троне. Но это был уже не трон Красного братства. Это был трон всей Хайбории.

— Ну что, киммерийский щенок, — гигант наконец-то заговорил, посмотрев в глаза Конана. — Теперь убедился, что это я Властелин Мира? Я, а не ты.

Конан, осознал себя дряхлым стариком, валяющимся в цепях у ног господина.

Когда он был готов завывать от отчаянья, в его голове раздался громогласный голос, от которого содрогались горы.

— Встань, сын мой, встань и прими смерть так, как подобает воину!

Не в силах противиться приказу Крома, старец стал медленно подниматься с колен. И вот, с каждым движением, новые силы вливались в дряхлое тело. Нет... Уже не дряхлое. Перед троном стоял стройный, пятнадцатилетний волчонок. И теперь уже Атли оказался древним стариком. Тяжелая секира, выпав из обессилевшей руки, полетела на пол, но Конан, с легкостью поймал ее.

— Не бывает этому! Никогда!

Тело наполнялось огненной силой...

* * *

...Конан раскрыл глаза.

Никакого Атли не было, и быть не могло. А как же иначе? Ведь кости его давным-давно развеяны с пеплом Венаурима, а на могилах пришельцев играют киммерийские дети.

Расслабившись, варвар огляделся.

Слегка покачиваясь, галера шла по центру озера. Но вот за бортом творилось нечто невообразимое. Гигантские пурпурные кувшинки окру-

жили «Тигрицу» и что-то яростно пожирали. А пожирали они матросов «Тигрицы», которые по собственной воле прыгали за борт.

— Кром! Да что же это такое? — в изумлении буркнул варвар. А затем закричал что есть мочи:

— А ну-ка, псы морей, быстро на весла!

Многие тут же раскрыли глаза и стали трясти головами, сбрасывая с себя оцепенение. Все стало понятно: моряки и впрямь попали под воздействие колдовских цветов, но магией обладал не их запах, а заунывный протяжный звук, исходящий от кувшинок. Пение было почти неслышным, но оно было. Вот почему никто не обратил на него никакого внимания.

Мгновенно сообразив, что надо делать, Конан запел залихватскую морскую песню, изобилующую непристойностями.

— А ну, подхватывай, акуля сыть!

Но приказ был уже не нужен. Дружно налегая на весла, пираты, кто как мог, вторили капитану. Дружный хор полностью заглушил «песнь» цветов. Вскоре «Тигрица» вышла из поля кувшинок и заскользила по волнам.

Конан осведомился о потерях.

— Не хватает одиннадцати матросов, — отчетливо кивнул Риальдо, устроивший переключку.

— Будь проклята эта мерзкая река, — выругался Конан, хмуро глядя за борт. Но делать было нечего, и он отдал приказ плыть дальше.

Конан задумался. Почему сегодня, спустя столько лет, он вспомнил Атли? Может, потому что это был его первый настоящий враг? Или

проявилась застарелая ненависть к Венариуму, вызванная присутствием аквилонца, на борту «Тигрицы»?

Как бы то ни было, прошлое уже давно поросло мхом, так стоит ли ломать над ним голову? Конечно же, нет, решил Конан и махнул рукой.

— Забудем, — тихо пробормотал варвар. — Атли был настоящим воином, и теперь наверняка пирует в чертогах Имира. Когда-нибудь мы обязательно встретимся в бою.

Кром! Это должно быть забавно, мертвые киммерийцы против мертвых рыжебородых. То-то славное посмертие будет! Вечные пиры, и вечная вражда.

Размышления киммерийца прервал крик одного из матросов, который скакал на одной ноге, держась за другую.

— Что теперь случилось, Хануман вас раздери? — раздраженно спросил Конан. Странно, но мысли об Атли и своей собственной смерти вызвали у варвара прилив хорошего настроения.

— Капитан, его укусила змея, — ответил за товарища Мардо. — Вот эта, — и он ткнул саблей в перерубленную пополам гадину.

— Сетово отродье, — пробурчал Конан. Киммериец мгновенно распознал, что тварь ядовита.

— Карус, — киммериец позвал кока, одновременно исполнявшего обязанности корабельного лекаря. — Осмотри его.

Но не успел варвар договорить, как «Тигрицу» атаковали полчища гадов. Сотни гибких извивающихся змей вползли на палубу, а пираты ста-

ли рубить и топтать гадин, на что те ответили укусами.

Справа по борту вода вспенилась, и над галерой нависло тело гигантской анаконды, толщиной с туловище человека. Конан попытался было дотянуться до змеи мечом, но та, ловко увернувшись, атаковала человека. В этот момент Хаарл оттолкнуть варвара. Чудище, способное проглотить человека целиком, промахнулось, однако случилось непредвиденное — анаконда успела откусить Хаарлу кисть руки. Хаарл не издав ни звука, подхватил палаш левой рукой, и с силой погрузил его в сверкающий глаз рептилии. Змея забилась в конвульсиях, ломая при этом весла и калеча гребцов.

— Кром, — не выдержав порыва ярости, зарычал Конан и, вложив в удар всю свою силу и злость, единым взмахом рассек туловище змеи. Анаконда рухнула в воду, подняв при этом фонтан брызг, окативший галеру.

— Вперед шакалы! Ну-ка, налегли на весла! — гаркнул киммериец, понимая, что если корабль сейчас не вырвется из западни, то экипаж «Тигрицы» ожидает гибель. Неожиданно отличился Александриас Аквилонец, пустивший в ход свою боевую цепь, острое навершие которой отсекало рептилиям головы.

Безостановочно ругаясь и пуская в ход мечи, пираты пытались подражать аквилонцу, но у них мало что получалось. Иной раз они даже попадали сгоряча, по своим товарищам. Положение спас Риальдо, который громко закричал:

— Хватайте палубные щетки и выметайте змей с палубы!

Благодаря разумному решению кормчего, все рептилии вскоре отправились в Зархебу. Не пострадавшие от укусов матросы сели на весла, остальными занялся Карус.

Укушенных оказалось семнадцать человек. Лечили их одинаково: дали выпить по кружке рома, а затем глубоко надрезали раны. Вместе с кровью должен был вытечь яд. После этого Карус прижег раны каленым железом.

— Лежите и не двигайтесь, — велел больным лекарь. — Может быть, тогда яд и не разойдется по телу.

Теперь Карусу предстояло заняться гипербореєм. Удивительно, но Хаарл сумел в одиночку, без посторонней помощи, добраться до каюты, где и наложил сам себе жгут, остановив кровотечение.

Ничуть не сомневаясь в силе худого великана, Карус обратился за помощью к могучему Баруку. Дождавшись, когда северянин осушил залпом кувшин вина, Барук просто опустил на его голову пудовый кулак. Теперь Хаарл пролежит без сознания до утра, а то и дольше. Это скорее был акт милосердия, нежели жестокости. Ведь лечение в данной ситуации было только одно — залить культю кипящей смолой. В противном случае Хаарл умрет от потери крови, или подхватит какую-нибудь заразу, отчего сгниет заживо.

Карусу уже доводилось видеть, как жилистые и выносливые моряки с Барахасских островов

продолжали бой, лишившись конечности. В горячке схватки боль притупляется. Но вот потом...

Медик разжег огонь и вылил смолу, предназначенную для шпаклевки днища, в железную чашу и вылил на обрубок кисти... Хаарл даже не застонал.

* * *

Холодные глаза мага с сомнением всматривались в черный ониксовый шар.

— Нет, я не знаю, что это такое, — наконец выдавил Тот Амон, не желавший сознаваться в своем неведении. Незнание ставило его на одну доску с остальными смертными. Великие колдуны должны знать все и обо всем. Но Верховный жрец Стигии не знал всего, хотя и стремился к этому.

На этот раз, Стапх поступил намного разумнее — едва галеры достигли озера алых кувшинок, он сразу же связался со своим господином...

— Так что мне делать, повелитель? — почти тельно спросил Стапх.

— Плыть дальше. Только осторожно...

Колдун был уверен, что от цветов может исходить опасность. Растения, выросшие в ядовитой воде Зархебы, вызывали у Тот Амона, огромный интерес.

Магический шар поддерживал постоянную связь с кораблями Стапха. Долгое время ничего

не происходило, однако вскоре Тот Амон, увидел нечто интересное. Глаза моряков стали стекленеть, затем они поочередно, а то и группами направились к борту. Конец был вполне предсказуем — цветы начали пожирать спрыгнувших в воду.

— Может быть, на них действует запах, наподобие аромата лотоса? — спросил сам себя колдун, но тут его осенило: людей завораживал звук, исходящий от кувшинок. Даже могучий разум Тот Амона, сразу не распознал странных звуков, вызванных колыханием гигантских лепестков. Для колдуна это была музыка. Для моряков — смерть!

Тот Амон понял: надо спасать эскадру!

— Используйте трубы Сета, — повелел маг нынешнему капитану эскадры. Тот отдал нужный приказ, и на палубе тут же появились громоздкие, изогнутые трубы, выполненные в виде змей. Протяжный рев заставил воду вспениться, отчего большая часть кувшинок полопалась.

— Достаточно, — недовольно рявкнул Тот Амон, у которого на эти растения уже появились свои виды. Магу не хотелось, чтобы все кувшинки погибли.

— Можете плыть дальше, — разрешил глава Черного Круга и, расслабившись, вернулся в свое тело, в оазисе Хаджар.

Благополучно миновав озеро, корабли эскадры выстроились в цепочку и вошли в сужившуюся реку. Ночью Зархеба преподнесла еще один неприятный сюрприз — корабли были атакованы

сотнями ядовитых гадов. Не будь на галерах жрецов Сета, стигийцам пришлось бы нелегко. По счастью, знак Змея Вечной Ночи отпугнул тварей, и те убрались восвояси. Уверовав в свою неуязвимость, моряки расслабились — эскадру защищал сам Сет и его наместник в мире смертных, величайший и мудрейший Тот Амон!

* * *

Как Карус ни старался, но ночь пережили только четверо укушенных змеями матросов. Спасти остальных не удалось. Влажный и душливый воздух оказался смертельным для тех, у кого оказались сломаны ребра (ночью у них пошла горлом кровь), да и кровопускание не спасло от укусов. Зато гипербореец, как ни странно, смог подняться и выйти на палубу. Еще через день Карус выгнал из лазарета и остальных. Кое-кто, конечно же, попытался отлежаться, но стоило появиться Баруку, как они тут же вернулись на палубу.

Утром впередсмотрящий заметил появившуюся на горизонте скалу, о чем и не замедлил доложить капитану.

— Что изображено на карте? — спросил Ригальдо киммерийца.

Конан указал на треугольник, расположенный по центру реки.

— Я думал, что этот значок обозначает пирамиду, — задумчиво процедил варвар. — Оказывается, я ошибся.

Кормчий на всякий случай отдал приказ готовиться к бою. Были заряжены арбалеты, смазаны маслом сабли и наточены секиры. Однако «Тигрица» приблизилась к титанической скале лишь через два дня, и только тогда стало ясно, что дальнейший путь лежит через расщелину.

— Кром, только этого не хватало, — в сердцах воскликнул киммериец. — Голову даю на отсечение, там нас ждет очередная пакость!

— Возвращаться назад бессмысленно, — покачал головой кормчий. — Мы прошли долгий путь, отступать будет позорно!

— Вперед! — согласился варвар. Делать все равно было нечего, а сидеть сложа руки Конан не привык.

— Вперед, — еще раз повторил он, но его уже никто не слышал. Пираты были заняты, каждый своим делом. Кто-то работал на веслах, кто-то держал наготове взведенные арбалеты.

«Тигрица» вошла в тень скалы, и тут же были зажжены десятки факелов. Сам киммериец встал на мостике с обнаженным мечом. К нему присоединился Барук, со своей чудовищной секирой, а чуть погодя и Хаарл. Несмотря на потерю руки, гипербореец все еще оставался крайне опасным человеком.

Густо чадающие факела разгоняли мрак вокруг судна... Лишь сейчас варвар смог оценить размеры скалы и трещину в ней. Река здесь была шириной в четверть мили, а свода туннеля увидеть не смог никто.

Конан, наверное, уже в сотый раз пожалел об

утраченном даре Митры. Праведный огонь светлого бога оказался бы сейчас отличной подмогой. Небесная Секира, Рана Риорда тоже пригодилась бы...

Раздался короткий вскрик одного из моряков — Конану показалось, что его подхватила некая летучая тень.

— Что случилось? Что произошло? — неся отовсюду нестройный хор голосов.

— Налегли на весла, — рывкнул стоящий у штурвала Риальдо.

Полностью положившись на свой врожденный инстинкт, варвар ждал следующей атаки неизвестной твари. Лишь в последний момент он успел отпрыгнуть в сторону и нанести удар. Меч вонзился в толстую, длинную шею странной гадины, которая тут же попыталась отпрянуть, но одновременный удар Хаарла и Барука, сразил неведомого монстра. Но это было лишь начало — летучие чудовища продолжали нападать, унося моряков.

— Бросайте в них факелы! — крикнул появившейся на палубе немедиец. Вовремя увернувшись от очередной уродливой морды, Траск метнул вверх зажженную палку. Та исчезла в ненасытной глотке, тварь упала в реку, но остальные чудовища ничему не научились на опыте своего собрата — атака не прекращалась. Лишь когда «Тигрица» покинула туннель, монстры отступили, собрав обильный кровавый урожай...

Варвар обернулся. Позади него, опершись о планшир, стоял Траск. Похоже, немедийца здоро-

во задело во время боя, но он все еще держался. Весело подмигнув киммерийцу, Траск улыбнулся и упал замертво. Только сейчас Конан заметил страшную рану у него в спине.

— Карус, Нергал тебя заberi! Ты где?! — варвар не без труда удерживал тяжелое тело немедийца.

— Здесь, здесь, — подбежал лекарь.

— Займись им, а потом осмотри остальных!

— Боюсь, — ответил кок, — что особо и некем заниматься.

Впервые с тех пор, как они выбрались из расщелины, Конан смог оглядеться. Палуба галеры была сплошь залита кровью и усеяна человеческими телами. Конан машинально отступил на шаг назад и внезапно споткнулся о тело ранее не замеченного им Риальдо. Конан нагнулся над другом, но тут же отпрянул. Пират лежал лицом вниз, а из его спины торчал кинжал. Его, Конана, кинжал...

— Кр-р-ром, — утробно зарычал варвар. Не переносивший подлости киммериец готов был собственными руками разорвать убийцу. Но, к сожалению, тот воспользовался для своего черного дела суматохой боя...

— Надо бы убрать тело с палубы, — произнес Карус. — Лучше, чтобы парни этого не видели.

Конан удивленно посмотрел на лекаря, и тот пояснил.

— В противном случае они перебьют тех, кого заподозрят в убийстве. А именно — новобранцев.

Киммериец взглянул на окровавленного Тра-

ска. Конечно же, новенькие — вот кого во всем обвинят. Оглядев палубу, он заметил Александриаса. Тот сидел на скамье для гребцов, и весь вид щеголя говорил о его усталости от непривычно тяжелой работы — светлые волосы всклокочены, одежда взмокла. На скамье аквилонец сидел в одиночестве. Похоже, что его напарника сожрали во время боя. Или же нет? Может, красавчик избавился от ненужного свидетеля?

Джафара Конан увидел там, где и предполагал. Само собой, афгул не сидел на веслах, а участвовал в побоище. Он тоже вполне мог убить Риальдо.

Вот только почему убийца воспользовался ножом Конана? Желая отвести от себя подозрение? А может, он хотел натравить на Конана часть пиратов, являвшихся выходцами с Барахас? Таких на судне было много, и некоторые считали, что именно Риальдо должен был стать капитаном.

Как бы там ни было, теперь варвар знал, что на «Тигрице» у него есть враги.

К Конану подошел Барук и с угрюмым видом сообщил, что не хватает двадцати семи человек.

— Ядра Ханумана, — от неожиданности киммериец присвистнул. Из сотни, набранной в Зингаре, а затем и на Барахаских островах, в живых осталось менее четверти. Если и дальше так пойдет, то вскоре он растеряет всех своих людей. За самого себя варвар не волновался, ему доводилось выбираться из переделок и похлеще — чего, к примеру, стоило плавание за окончательность Ванайеяма, или путь по Черным Королевствам, где

он, Конан, оказался, втянут в интригу между двумя братьями, борющимися за власть в древнем городе...

Нет, за себя киммериец не боялся, но вот людей варвару бросать не хотелось. Это его люди, за которых Конан в ответе. Люди, которым он обещал богатство и власть, а дал лишь мучительную смерть и полную неопределенность в будущем...

— Ну что ж, — спокойно произнес Конан, обращаясь к Баруку. — Отныне тебе придется стать моим помощником. Боцманом же станет Добряк...

* * *

— Всех новичков — выкинуть за борт! Тогда и голову ломать не придется, кто же из них предатель, — в сотый раз предложил Добряк. Он не понимал, почему Конан не позволяет убить наемников из Шема. От этих проходимцев можно ждать чего угодно!

— Не «предатель», а «лазутчик», — поправил Добряка киммериец. — Только я не думаю, что его просто будет убить.

— Разрядить десяток арбалетов, и дело с концом! И нечего раздумывать! Никто из наших не пырнул бы кормчего ножом: Тем более в спину!

Конечно, Добряк был прав, но идти на такой решительный шаг Конан не желал.

— Нет, — еще раз возразил он. — У нас нет никаких доказательств.

— Вот они — доказательства, — Добряк ткнул

пальцем в труп Риальдо. — Что еще нужно? Рассказать ребятам, и дело с концом. Они сами перевернут изменников!

— А я вот думаю, — встрял Мардо, — что убил аквилонец. Хитрющий, как змей. Точно, это он!

— А я думаю, что если кто-то снова перебьет капитана, то он сейчас же получит в зубы, — ответил ему Добряк.

Конан позвал в свою каюту тех, кому он мог довериться полностью, и рассказал им о карте и об убитом в Шеме жреце. Добряк и Барук по-прежнему настаивали на том, что новобранцев надо убить или, в лучшем случае, высадить на берег. А дальше они сами о себе позаботятся, не маленькие.

— Довольно, — раздраженно рявкнул киммериец. — Я сказал — нет, значит, нет.

Спорить с капитаном никто не стал. Уж от кого можно было получить в зубы, так это от Конана.

— Я вот только не понимаю, — громыхнул Барук. — Зачем понадобилось убивать кормчего?

— Да вот зачем, — Мардо повертел в руках жезл. — Для того чтобы спокойно покопаться в карманах Риальдо. Или, может, ты предполагаешь, что этот стручок Александриас смог бы обыскать капитана?

От такой мысли всем стало смешно.

Мардо продолжил:

— Послушайте меня. Некто... — он многозначительно помолчал, давая понять, кого он имеет

в виду. — Некто пробрался в каюту. Поискал жезл, но так ничего и не нашел. Зато прихватил кинжал. То ли сразу недоброе задумал, то ли со зла. И тут-то, он увидел спину Риальдо.

Дальнейшее, было понятно без слов.

— Согласен, такое вполне могло случиться, — наконец заговорил Карус. — Только для чего тогда новички спасали капитану жизнь? Один теперь при смерти, другой без руки.

В дверь постучали, и разговор мгновенно стих.

— Кто там? — нарочито громко спросил Конан.

Дверь отворилась, и внутрь заглянул Грасс-Безухий.

— Капитан. Река делится на две протоки. Какую нам выбрать?

— Я сейчас поднимусь. — Дождавшись, когда дверь за пиратом закроется, варвар вынул жезл, который был скрыт от постороннего взгляда в его кулаке.

— Гляди-ка, эта Сетова лужа и впрямь делится. Аккурат пополам расходится. Похоже, нам надо поворачивать в южную протоку.

— Почему в южную? — тут же спросил Мардо.

— С северной стороны нет никаких значков.

— Ну-у... — глубокомысленно протянул пират. — Ясно.

Внезапно Мардо осенила очередная идея:

— Капитан, я вот что подумал. За некоторыми членами экипажа стоит приглядывать, а для этого нужны люди.

— И что ты предлагаешь?

— Может, стоит посвятить кое-кого из наших в секрет жезла и рассказать им о наших подозрениях?

— Кого, например?

— Допустим, Безухого.

— Какой от него толк?

— Будет толк, уж поверь. Из вороньего гнезда многое видно. Особенно, если смотреть вниз, а не вперед.

Идея была неплоха, а потому киммериец согласился. Действительно, сверху видно значительно больше, чем с палубы.

Глава седьмая

Тот Амон смотрел в магический шар. Воистину, Зархеба таила в себе целый кладезь невероятных чудес, которые Тот Амон собирался использовать в дальнейшем в своих целях. Но сейчас он заворожено следил за тем, как его воины один за другим погибают в скальной расселине, про которую он некогда читал в книге Скелосо. Там обитали Сциллы — древние, почти вымершие монстры.

Но вот наконец, последняя, шестая галера миновала горную расщелину, и Сциллы остались позади. Да, Древние обладали поистине неограниченными возможностями, раз смогли поставить на пути незваных гостей столь страшных охранников...

Впрочем, древние монстры колдуна интересовали мало. Тот Амон не знал, куда делся проклятый варвар. Наемники, пробравшиеся на его суд-

но, молчали. То ли не могли уединиться, чтобы прочесть заклинания, то ли были мертвы.

Когда река разделилась на две протоки, Тот Амон приказал капитану отправить по три судна в каждую из них — гадать, куда поплыл киммериец, времени не было.

* * *

Яга со вздохом вытер пот со лба и жестом отпустил слугу. Дрожащими руками он распечатал донесение, хотя и так знал, что там написано. Его люди, посланные к Хадагу с десятью тысячами туранских золотых, пропали бесследно. Конечно, Яга ожидал подвоха от своего бывшего наемника, но это было слишком большой наглостью даже для Хадага. Верховный жрец Йезуда надеялся подстроить заморийцу ловушку, однако угодил в нее сам. Яга хотел выследить, а затем уничтожить отряд Хадага, однако тот не появился в назначенном месте. А после, когда караван с деньгами возвращался назад, на него неожиданно напали...

— Мерзавец, — прохрипел Яга, но делать было нечего, и жрец направился к оку Затха.

— Ого! — жизнерадостно воскликнул Хадаг. — Чем так недоволен наш любитель мальчиков?

— Что ты вытворяешь? — не выдержав, рявкнул Яга.

— Ну, ну, друг мой, спокойнее. Я всего-навсего перестраховался. Теперь половина денег у меня, половина — у тебя. Так нам будет легче вести торг.

— В чем ты меня смеешь подозревать? — возмущенно воскликнул жрец.

— Только в том, в чем и ты меня подозреваешь — что один из нас обманет другого. Или ты отдашь мне вторую половину денег? А уж после этого я передам тебе... *сокровище!* — Хадаг сделал жест, по его мнению явно обозначающий нечто таинственное.

— Ну, уж нет. Не дождешься!

— Вот и я о том же... Полагаешь, будто поверив тебе, я явлюсь на встречу, на которой вместо золота нас встретят полтысячи воинов? Нет, милый мой, я не такой дурак.

— Когда состоится сделка? — краснея от нетерпения, спросил Яга.

— Скоро, скоро, — успокоил его воин. — Когда ты соберешь остальные деньги?

— А где гарантии, что ты меня не надуешь и на этот раз?

— Тебе нужны гарантии? Изволь. Теперь ты возьмешь с собой остальные пятьдесят тысяч золотых, а вместе с ними тысячу воинов.

— Но у меня нет столько людей, — возмутился жрец.

— Вот и хорошо. Возьми храмовую стражу. Будь уверен, на целую тысячу твоих охранников я не нападу.

— И все равно, я не уверен в тебе, — Яга попытался изобразить недовольство, хотя в душе ликовал.

Теперь Хадаг был в его руках!

Замориец весело хмыкнул:

— Ты считаешь, что я исчезну, не взяв пятьдесят тысяч золотом?

Верховный жрец, зная жадность Хадага, так не думал.

— Коли ты меня обманешь...

Рыжеволосый атлет нагло усмехнулся:

— Оставь... Мы ж с тобой старые друзья.

Шар погас.

* * *

— Капитан, а вдруг это ловушка? — спросил Забул, слышавший весь разговор от начала и до конца.

— А это и есть ловушка, — спокойно ответил Хадаг. — Жирный слизняк, наверняка приведет с собой целую армию. Только нам до этого не будет никакого дела. Или вы и вправду подумали, что из-за каких-то паршивых пятидесяти тысяч я суну свою голову в петлю?

— Но зачем же тогда весь этот спектакль? — заинтересовался Фивор.

— Мы должны отомстить Яге. Вот и отправим к нему на встречу тех, кого он никак не ожидает там увидеть...

— Кого? — в один голос спросили наемники. Ответ их явно ошарашил.

— Стигийцев! Причем во главе с Тот Амоном и его жрецами.

— Но как они узнают об этой встрече?

— Так же, как и раньше. Мы начнем распространять слухи.

— Может, слуг Затха тоже заинтересовать? — предложил Забул. — Многие из них спят и видят себя на месте Верховного жреца.

Хадаг недолго раздумывал. Идея прилась ему по вкусу.

— Верно. Мы стравим шакалов между собой, а сами в это время исчезнем.

Ровно два дня спустя, когда все дела были улажены, сотня Хадага, оставив за спиной пылающую таверну, выехала в сторону Турана. Этому событию предшествовал небольшой грабеж все той же таверны. Дав парням вволю порезвиться, Хадаг построил их шеренгой, и, выехав вперед на великолепном чалом жеребце, заговорил:

— Ну что, соколы мои... Теперь мы богаты. Но надолго ли это? Конечно же, нет. Разве уподобимся мы тем, кого же сами и обобрали? Разве станем мы, волки стений, сидеть на богатстве, как пауки?

— Не-ет! — раздался дружный хор.

— Правильно, — поддержал их капитан. — Надо прокутить эти деньги. Пустить их на ветер! А уж после, снова за работу.

Наемники веселым криком выразили командиру полное согласие, и тот снова заговорил.

— Несогласных нет? Значит, так мы и поступим. Но сперва следует убраться отсюда подальше!

Сотня скакунов сорвалась с места, а следом за ними потянулись две дюжины верблюдов груженных сундуками с золотом.

* * *

— Что же, все-таки, это может обозначать? — уже наверное в десятый раз спросил Мардо, разглядывая россыпь черных точек.

Конан не знал что ответить, а потому просто промолчал. Зато Добряк никогда не лез в карман за ответом:

— Доплывем — узнаем. А пока дай мне скипетр, посмотрю, что на нем нарисовано... Во всяком случае, плыть нам осталось недолго.

Добряк был прав. На скипетре оставалось всего четыре знака. Вслед за точками шли две продольные полосы. За ними — два треугольника, нарисованные по краям русла Зархебы, а потом снова полоса, на этот раз пересекающая реку. Больше на скипетре не было никаких изображений.

Долго гадать, что же представляют собой черные точки, не пришлось. Утром следующего дня пираты увидели торчащие из воды столбы. Те были черны как ночь и мрачно поблескивали в утреннем свете, нависая над «Тигрицей».

Конан смачно выругался. Он прекрасно помнил свое путешествие в Кхитай, где проклятый князек Фенг заманил его в ловушку. Тогда Конан отправился с Фенгом разыскивать якобы зарытые сокровища, и князь велел варвару надеть стальную кольчугу, которая в итоге намертво прилипла к черному монолиту. Конечно же, Конан сумел выбраться из западни, а на ужин к чудовищу, живущему на столбе, отправился сам Фенг.

— Эй, Мардо. Тащи сюда арбалет, — приказал киммериец, желая увериться в своей догадке.

Натянув тетиву, варвар положил стрелу на арбалетное ложе и нажал на крючок спуска. Стальной болт намертво прилип к колонне.

— Ясненько, знакомый фокус, — цокнул языком киммериец.

— Колдовство, — донесся робкий шепот матросов.

— Капитан, — благоговейно произнес Мардо. — Что это?

— Неважно. Долго объяснять. Запомните, эти столбы притягивают железо. Приказываю снять весь такелаж, отнести в трюм и уложить его точно посреди корабля. Все ясно?

Матросы не поняли ни слова, но дружно закивали головами.

— А скобы? Они тоже стальные, — поинтересовался Карус.

— Тут уж ничего не поделать. Пойдем точно между столбов, дабы уравновесить притяжение.

Когда все было готово, киммериец сам встал к штурвалу.

— Начали, — рывкнул он, и весла, дружно опустились в воду.

Во рту пересохло. Пот лил ручьем, застилал глаза, но Конан упрямо вел «Тигрицу» вперед. Корабль в любое мгновение мог разбиться об одну из колонн, шесть пар из которых галера же миновала.

Конечно же, не обошлось без происшествий. Стоящий в вороньем гнезде пират не внял пре-

достережениям капитана и не стал снимать оружия. В итоге, его выдернуло из вороньего гнезда и притянуло к черному столбу. Конан слышал, как треснул череп, а моряк так и остался висеть на колонне, притянутый к ней широким поясом с массивной металлической пряжкой.

Наконец столбы остались позади.

— Боги милостивые, неужели все закончилось? — Конан дрожащими от усталости руками вытер пот со лба.

Киммериец ошибся. К капитану подбежал Добряк и позвал за собой. В трюме, в самом темном углу, лежал Мардо. Из его спины торчал арбалетный болт.

— Проклятье! — зарычал варвар.

— Видимо, Мардо кого-то заметил и пошел следом...

— Только выстрелили ему в спину!

Конан погрузился. Мардо был хорошим товарищем. Может быть, чересчур болтливым и любознательным, но до наивности добрым. Даже во время абордажей Мардо старался не убивать без нужды — только в случае, если ему приходилось защищать свою жизнь.

Да и боец из него был аховый. Рано или поздно его должны были убить...

Новое потрясение ждало их чуточку позже, когда Барук, отправившийся справить нужду, нашел в галюне Грасса. У того было перерезано горло.

В прежние времена Конан собственноручно отправил бы всех попавших под подозрение на

Серые Равнины. Но сейчас он знал цену чужой жизни, а потому боялся убить невинных.

— Будем ждать, когда они выдадут себя, — хрипло произнес киммериец.

— Конечно, выдадут, — недовольно буркнул Добряк. — Перережут еще кому-нибудь глотку, тогда и выдадут!

Конан не ответил.

* * *

Спустя пять дней, на рассвете, с обоих берегов Зархебы в небо взметнулись стаи птиц. Вернее, пиратам только сперва показалось, что это птицы. Приглядевшись получше, Конан понял, что это крылатые обезьяны, как две капли воды, похожие на ту, что погубила Белит.

— Оружие к бою, — приказал киммериец, но это было излишним. Уже долгое время никто из пиратов не расставался с клинками и самострелами ни днем, ни ночью.

После арбалетного залпа стая крылатых тварей изрядно поредела, но не утратила своего боевого пыла. На «Тигрицу» обрушились множество крыланов, норовящих вцепиться в глаза или в горло. Матрос Шург, схватившись за окровавленное лицо, полетел за борт. Сорвался из вороньего гнезда Аркин. Твари, будто почувствовав, кто их главный противник, дружно набросились на варвара. Широко расставив ноги, Конан разил двуручным клинком, стараясь не подпустить к себе обезьян.

— Капитан, появились чужие корабли! — перекрывая общий шум, заорал Барук. Этому гиганту были не страшны маленькие крылатые твари, которых он давил голыми руками. Однако судьба решила погубить могучего пирата именно здесь. Одна из обезьян успела вонзить в голову Барука длинный острый коготь, великан пошатнулся и упал замертво. В этот миг Конан увидел стигийские галеры, которые, без сомнения догоняли «Тигрицу».

— Все на весла, — заорал варвар, устремляясь к штурвальному колесу. По счастью, обезьяны отступили: заметив новую добычу, они полетели к стигийским кораблям.

* * *

— Что бы это могло быть? — удивленно спросил Стапх, рассматривая упирающиеся в небеса черные колонны. Желая посмотреть на чудо поближе, он направил галеру к одному из монолитов.

— Капитан, — крикнул кряжистый боцман. — Корабль стал плыть быстрее! Нас несет прямо на камень.

Корабельный жрец принялся шептать защитные заклинания, и поднявшийся встречный ветер спас галеру от столкновения. Несколько стигийских солдат, облаченных в полную амуницию, колдовством подняло с палубы в воздух и мгновенно притянуло к столбу. Те, кому повезло, умерли сразу...

Тот Амон, наблюдавший за происходящим, пришел в неистовство.

— Идиоты! Слизни! Твари! Да это же обыкновенный магнит.

Выслушав наставления колдуна, Стапх разружил команду и с превеликими осторожностями повел галеры вперед. Стигийцы заметили на одном из столбов мертвого человека.

— Труп еще не успел разложиться, а значит киммериец где-то недалеко, — радостно воскликнул Владыка Черного Круга, рассматривая окрестности с помощью шара. Колдун убедился в находчивости и уме варвара. Вскоре погоня закончится...

Галеры, набрав скорость, понеслись вперед. Вскоре впередсмотрящий подал долгожданный сигнал.

— Это корабль киммерийца! — воскликнул Стапх. — Поднять все паруса. Оружие к бою!

Стапх, облачившись в позолоченные доспехи, решил сам вести команду на abordаж пиратского судна.

* * *

Конан понимал, что положение сложилось отчаянное. От экипажа осталось всего семнадцать человек. Сзади наседали стигийцы, а корабль подхватило стремительное течение, которое теперь несло «Тигрицу» неведь куда.

— Капитан, надо править к левому берегу, — захрипел налегающий на весло Добряк.

— Тогда мы окажемся под ударом кораблей Тот Амона. Наша единственная возможность уйти от стигийцев — плыть по течению. «Тигрица» значительно легче их галер.

Добряк сильнее налег на тяжелое весло. Во время боя с крылатыми обезьянами пират лишился уха и глаза, но при этом он работал наравне со всеми.

Как видно, крыланы не представляли для стигийцев особой опасности. Отогнав обезьян заклинаниями, преследователи бросились догонять корабль варвара. Они шли вперед бок о бок, но одна из галер вышла со стремнины и стала отставать. Внезапно стигийский корабль разрезало пополам, точно ножом.

— Капитан, что это? — воскликнул пораженный Добряк, но Конан только смог пожать плечами.

— Не знаю. Вспомни полосы на карте!

Киммериец получше присмотрелся к реке и обомлел. Здесь было несколько противоположных течений. Центральное несло вперед «Тигрицу», а боковые уносились в обратном направлении. Желая проверить свою догадку, варвар поднял оброненный кем-то меч и метнул его плашмя в воду. Крепкую закаленную сталь разрезало, будто масло.

— Кром, — пробормотал киммериец. — Теперь мы точно в ловушке...

Но нет худа без добра — стигийцы потеряли все галеры, кроме одной, хотя и с ней Конан предпочел бы не встречаться. Решив принять до-

полнительные меры предосторожности, северянин командовал:

— Все лишнее за борт! Живо!

И он первым схватился за тяжелый сундук, стоявший на палубе. Довольно скоро палуба и трюм опустели. Галера понеслась вперед еще быстрее. Гонка могла бы продолжаться еще долго, но судьба решила по-своему. Вскоре пираты «Тигрицы» увидели перед собой две скалы, находящиеся как раз по центру Зархебы. К величайшему ужасу людей, они двигались, время от времени сходясь и сталкиваясь друг с другом.

— Кром, ну почему ты не иссушил эту проклятую реку? — в сердцах воскликнул Конан, понимая, что теперь выбраться из ловушки будет невозможно.

— Может, попытаться покинуть корабль? — спросил сам себя варвар, но сразу отказался от этой идеи. У Конана не было никакого желания застрять на этом проклятом берегу. А если... Точно! Они проскочат сквозь эти скалы! Конан задумчиво потер подбородок. Почему бы и нет? Киммериец умудрялся выживать там, где другие погибали именно потому, что он не боялся рискнуть.

— Все по местам, Нергал вас закри! — прикрикнул он на растерянных матросов.

— Это невозможно, — воскликнул один пиратов, нанятых в Шеме. — Нас просто расплющит!

Моряк, видя надвигающуюся на него фигуру капитана, попытался выхватить секиру, но не успел. Конан выбил оружие и вышвырнул бунтов-

щика за борт. Шемит благополучно перелетел опасную границу течений, но Конан отлично понимал, что тот обречен. Выжить на берегах мертвой реки было невозможно. Впрочем, шемит получил то, на что напрашивался. Желающих отправиться за ним больше не нашлось. Пираты молча направились к веслам.

— Грести только по мбей команде, — рыкнул взбешенный варвар. Смерть надо встречать гордо, с оружием в руках. Он, Конан, умрет с гордо поднятой головой.

Взгляд киммерийца упал на однорукого Хаарла и он понял, что тот не сможет грести. Зато худощавый великан с легкостью удержит штурвал. Поставив на свое место гиперборейца, Конан отправился на нос и сам сел на весла.

Хаарл подвел галеру к скалам, как раз в тот момент, когда они разошлись.

— Налегли, — что есть мочи заорал он, и люди навалились на весла. Пожалуй, еще никогда экипаж галеры не работал так четко и слаженно. Весла мерно поднимались и опускались в пенящуюся воду.

Скалы начались сходить, когда «Тигрица» не достигла и середины прохода.

— Быстрее, — крикнул Хаарл. Скалы приближались. Конан понял, что сейчас произойдет.

— Бросай весла, — рыкнул он, успев сделать при этом еще один гребок, который, по сути, и спас галеру от неминуемой гибели. «Тигрица», подхваченная волной, вылетела из смыкающегося капкана, правда, лишившись при этом весел.

Не успеи пираты отскочить к середине корабля, их бы изуродовало обломками.

— Мы живы, — крикнул Хаарл. — Да здравствует капитан!

Обернувшись назад, Конан увидел, что стигийцы решились повторить их маневр.

Стоящий на палубе жрец, высоко воздел руки, читая заклинание, и галера быстро набрала ход под колдовским ветром,

— Эдак они и впрямь нас догонят, — буркнул Конан, кладя на ложе арбалета тяжелый стальной болт. Щелкнула тетива. Жрец пошатнулся и рухнул замертво. Как это часто бывает, вместе с колдуном, сгнуло и его колдовство. Ветер исчез так же быстро, как и появился. Заметно потерявшая в скорости галера все еще пыталась выскользнуть из каменной ловушки, но ее длинные весла так ничем и не помогли. Скалы беспрерывственно сомкнулись, ломая борта корабля...

— Вот все и кончилось, — тихо сказал Хаарл.

— Да, все кончилось, — согласился с ним Конан.

Глава восьмая

Брадный чад от нескольких жаровен заполнял помещение душающим запахом тления. Дым причудливо стелился по полу, образуя странные, едва заметные фигуры. Человек, стоящий на коленях в середине зала, не обращал на них никакого внимания. Он знал, что это души им же убиенных детей, которых он принес в жертву своему Владыке.

Наконец, его Бог ответил ему.

— Ты слишком часто стал тревожить меня, человек!

Чернокнижник распластался на полу и ответил:

— О! Прости меня, Великий Повелитель Вселенной!.. Но дело слишком важное, дабы я осмелился умолчать о нем. Некий жрец, по имени Тот-ан-Хатеп покусился на гробницы Птейона...

Тот Амон доложил Сету Великому о краже

скипетра-ключа, а также о собственных попытках вернуть украденное.

— Хорошо, — выслушав жреца, ответил Сет. — Я помогу тебе. Но учти, что мое терпение не вечно. Неужели ты не можешь покончить с этим проклятым варваром!

Ярко вспыхнули факелы и жаровни, и бог исчез. А колдун еще долгое время оставался все в том же неподвижном состоянии.

Лишь в предрассветной мгле, когда солнце еще только начинает зарождаться, колдун наконец-то пошевелился. Он оглядел оплавленные каменные стены и поежился, понимая, что Сет очень недоволен происходящим. Но Тот Амон не поддавался чувствам. Главное было сделано, Владыка Сет обещал свою помощь, а значит... Размышления стигийца оборвало странное свечение, возникшее в воздухе. Неожиданно из пустоты зал пагнули несколько завернутых в черное фигур. Пришельцев было невозможно разглядеть, но Тот Амон сразу же понял, что это посланцы Сета.

Один из них заговорил шипящим голосом:

— Владыка призвал нас из Храма Проклятых. И вот мы здесь.

Второй раз за день колдуна пробил холодный пот. Он с ужасом вспомнил те несколько лет, что провел в Храме Проклятых в качестве послушника, желая изучить азы магии. В те годы на небосводе Стигии зажглась звезда Тот Аписа, и Тот Амон, был вынужден бежать, дабы не быть принесенным в жертву. Он нашел приют недалеко от Птейона Проклятого, где и располагался

Храм. За долгие годы колдун собственноручно принес в жертву Сету тысячи людей. Но то, что творилось за стенами Храма, привело в трепет даже его. Столь изощренных и мучительных пыток человеческий разум не мог создать.

— Приветствую вас, братья, — собравшись с силами, выдал из себя колдун.

— Повелитель сказал, что скоро мы должны отправиться в путь.

— Совершенно верно. Как только мои люди свяжутся со мной, мы будем точно знать местоположение корабля варвара. А пока, может быть, дорогие гости желают принести в жертвоприношение Владыке?

Тот Амон знал, что более всего обитатели Храма любят убивать.

Посланцы не отказались.

* * *

Идраг гнал своих воинов вперед, не считаясь с потерями. Несколько подвластных ему змеелюдей сгорели под светом ока Ра, не успев вовремя спрятаться. Другого, зарывшегося не слишком глубоко, захлестнула морская волна, и соль мгновенно развела чешую. Еще двоих растоптало стадо слонов, на чьем пути они оказались... Наконец, змееногие достигли мертвой реки, чьи воды были им сродни. Но и тут злоключения Идрага не закончились. В одной из расщелин на них напало странное многоголовое существо, унеся наверх сразу четверых змеелюдей. Но цель пока не

была достигнута, и Идраг не прекращал погоню за сокровищем.

* * *

Последние дни сделали Конана злым, и раздражительным. Он с горечью, окидывая взглядом поврежденную «Тигрицу» и вспоминал Белит.

Только сейчас Конан понял, что он просто обязан был вернуться на Зархебу и выяснить, что же убило прекрасную шемитку. Варвар желал знать, что сделало эту реку такой, какой она стала. И вот, похоже, что он был близок к разгадке. На скипетре остался всего один знак, и цель путешествия была близка.

* * *

Киммериец стоял возле штурвала, а потому, воспользовавшись моментом, Слуга Величайшего спустился в трюм. Пора было связаться с новелителем. Хрустальная пирамидка засияла алым, и Слуга увидел черные глаза Тот Амона.

— Почему так долго молчал? — зло зашипел колдун.

— За нами следили, господин. Мой товарищ тяжело ранен, а я только сейчас смог уединиться.

— Ладно, — милостиво кивнул Тот Амон. — Будь готов открыть Врата прямо сейчас.

— Как прикажите, хозяин, — ответил наем-

ник, но тут за его спиной прозвучал громкий голос.

— Попался, ублюдок. Теперь-то, я намотаю твои кишки на клинок!

* * *

Добряк, с трудом увернувшись от мелькнувшей в воздухе боевой цепи, метнул свой нож, но промахнулся. Аквилонец, быстрый, как змея, успел пригнуться, а затем снова атаковал. Пирата ожидал неприятный сюрприз. Трасс, каким-то чудом поднявшийся с койки, вонзил Добряку в спину меч.

— Нам нужна была жертва, идиот, — зашипел аквилонец.

Трасс снова вскинул меч, хоть это и отняло все его силы.

— Я только что спас твою жалкую жизнь, змея неблагодарная!

Александриас примирительно развел руками.

— Прости друг, просто я очень тревожусь из-за этого варвара.

Поглядев за спину немедийца, Александриас вдруг воскликнул:

— Кто это?

Трасс стремительно обернулся, ожидая увидеть очередного противника, но позади никого не было.

Немедиец презрительно сплюнул на пол, — и тут же что-то тяжелое ударило его по голове. Свет в глазах померк...

* * *

Придя в сознание Траск попытался пошевелиться, но у него ничего не вышло. Как выяснилось, он был туго обвязан веревками по рукам и ногам.

— Твоя жизнь заканчивается, Траск, — зло произнес аквилонец. — Настала пора прощаться. Мне уже давно надоело твое общество. И потом, зачем же делить награду на двоих? Теперь я получаю ее один.

Немедиец, не веря в предательство товарища, закричал:

— Но ведь я столько раз спасал твою жизнь!

В ответ Александриас зашелся в жестокое смехе:

— Не надо было ее спасать. А теперь, прощай.

Резко перевернув Траска вниз лицом, аквилонец зашептал что-то на стигийском языке и перерезал горло сообщника.

В этот момент дверь трюма слетела с петель, и в проеме появился Конан.

* * *

— Капитан, впереди водопад, — закричал Карус, указывая куда-то вдаль.

— Кром, так я и знал. Где все? — киммериец оглядел палубу, но увидел только пятерых матросов. — Где Добряк?

— Он отправился вниз, — вспомнил один из пиратов. — По моему, вслед за аквилонцем.

Почувствовав неладное, Конан кинулся в трюм, бросив на ходу:

— Приготовить шлюп.

Дверь слетела после первого же удара, и Конан увидел мертвого пирата. Чуть дальше, с ножом в руке, склонясь над телом Траска, стоял Александриас.

— Убью, мерзавец, — рыкнул варвар и метнулся вперед. Но в этот момент прямо из воздуха к нему шагнули три облаченные в черное фигуры. Принимать бой, киммериец не стал. На это просто не было времени. Выскочив на палубу, Конан метнулся к лодке, уже готовой к отплытию. Стремительным движением оттолкнув шлюп от борта, северянин налег на весла. Вскоре лодка достигла берега.

Обернувшись, Конан успел увидеть на фоне звездного небосклона галеру, которая мелькнула и пропала, рухнув в бездну водопада.

«Тигрицы» больше не было.

— ...И никогда больше не будет, — решил варвар. — Больше ни одна «Тигрица» не станет бороздить морские просторы. Это название принадлежало Белит, а она мертва. Значит, и галера должна отправиться на Серые Равнины. Пускай прекрасная шемитка пиратствует там!

Ради этого стоило проделать весь этот путь, и лишиться корабля и команды.

Круг замкнулся, и лицо киммерийца осветила грустная улыбка. Он сделал все, что было в его силах. И отныне он был свободен от своей памяти...

Оставалось лишь уничтожить то, что отравило воды Зархебы. Отчего-то Конан не сомневался в том, что разгадка мертвой реки уже совсем рядом.

Отдав последний салют кораблю, варвар обернулся к оставшимся в живых. Их было пятеро. Всего лишь пятеро...

Куда делись остальные, Конан не знал, но видимо все они погибли вместе с кораблем. К своему удивлению, а может, и радости, киммериец увидел Хаарла и Джафара.

— Что будем делать, капитан? — спросил Карус.

— Ждать рассвета, — отозвался киммериец. — А там видно будет.

Закончить, он не успел. Заросли раздвинулись, и Карус рухнул замертво...

* * *

Идраг не верил своим глазам. Огонь, так долго ускользавший от него, теперь был всего в двух шагах. Осталось протянуть руку и взять его! Пускай их осталось всего трое, но что им — избранникам Сета! — шестеро жалких людишек. Хотя...

Идраг пригляделся получше. Нет! Этого просто не могло быть! Двое бесхвостых — были мертвы! Мертвы, точно так же, как и воины-змееногие!

Человек, который держал в руках Огонь, выхватил меч и нанес удар.

* * *

Конан, увидев, что хвостатые твари замешкались, ударил первым. Одна из них тут же лишилась головы, зато остальные оказали серьезное сопротивление. Двое пиратов погибли почти мгновенно, а однорукий Хаарл вновь был ранен. Хвала Крому, Джафар еще держался. По-волчьи поджарый афгул постоянно двигался, не позволяя себя задеть. Но и противник ему, попался достойный. Они кружили по скользким от воды камням, словно в танце. Своего соперника Конан делил с гиперборейцем, но тот начинал сдавать. Похоже, его рана была намного серьезнее, чем киммерийцу показалось вначале. Наконец, извернувшись, варвар проткнул хвостатого насквозь, и тут его меч намертво засел в теле врага.

— Кром, — выругался Конан, но поделаться с этим уже ничего не мог. Змееногий резко развернулся и ударил наискось.

Удар такой силы, безусловно, должен был снести варвару голову, не встань на пути острой стали Хаарл. Меч вошел более высокому гиперборейцу в грудь. Единственным оружием, которым можно было воспользоваться варвару, оставался палаш Хаарла. Им-то Конан и рассек тварь пополам.

* * *

Джафар знал, что это грозит ему смертью —

второй, и последней! — но поступить иначе не мог. Отбросив кинжал, он крепко обхватил Избранного и бросился в воду. Все оживленные с помощью скипетра должны были держаться подальше от проточной воды. Зархеба, хоть она и была отравлена, все же оставалась рекой, а значит, могла убить. Так и случилось. Афгул и Идраг погрузились в воду и умерли во второй раз...

Конан склонился над гиперборейцем и понял, что тот обречен. Однако Хаарл улыбался, и что самое странное, Конан не увидел крови.

— Кто ты? — наконец, спросил киммериец.

— Хаарл из Халогии. Я говорил тебе правду. Просто я родился на свет тогда, когда тебя еще и в помине не было. Да что там тебя — даже деда твоего деда!

Несмотря на отсутствие крови, говорил Хаарл, с трудом, постоянно прерываясь.

— Почему ты так долго прожил? — удивленно спросил киммериец.

— Виноват скипетр... Когда-то давно его создал Нергал и отдал своим жрецам. Слуги Сета, это хвостатое отродье, выкрали скипетр и научились возвращать к жизни людей. В те далекие годы, мы, люди, были совсем еще молодой расой и начали завоевывать Хайборию. Древние вынуждены были убраться прочь, и они это сделали. Вот только с собой валузийцы прихватили множество рабов, одним из которых оказался я. Многие тогда умерли, не выдержав непосильных работ, но их оживляли с помощью скипетра Нергала. Та же участь постигла и меня. Мы лишились

посмертия и души, но вот думать могли. И мы возжелали свободы. Так, много лет спустя, мы с Джафаром подняли восстание, убивая ненавистных нам змеелюдей, но добраться до скипетра так и не смогли. Валузийцы построили храм, куда мертвым нет и никогда не будет хода. Тогда-то мы и решили отправиться в путь. В свое время повелитель змеелюдей Сар-Заргс создал карту, в надежде, что его сородичи смогут воспользоваться скипетром. Шли века, и Валузию заселили люди, назвав ее Стигией. Мы с Джафаром ждали, что наконец-то появится смельчак, желающий отыскать древние сокровища. Вот ты и появился. Надеюсь, что ты захочешь помочь тем, кто ждет тебя не одно тысячелетие.

— Что надо делать? — спросил варвар, уже давно для себя все решивший.

— Тебя не пропустят в Храм. Мы слишком боимся, что за скипетром явится кто-то, желающий использовать его в личных целях. А потому всех приходящих сюда — убивают.

— А ты?

— Мне осталось совсем недолго. Оружие этих псов Сар-Загрса способно убивать даже мертвых. Так что...

Сказать больше Хаарл не успел. Он просто замолчал, закрыв глаза.

* * *

Нарождающиеся солнце только-только появилось на горизонте, а Конан, был уже на ногах.

Взяв с собой только меч, флягу и моток крепкой веревки киммериец смело подошел к водопаду.

Настроение у киммерийца было отличным. Конечно же, он не забыл о гибели людей и галеры, но к чему обременять себя пустыми переживаниями? Новый день несет новые радости, новые богатства, новую любовь. Прошное забыто. К чему вспоминать вчерашние дни и мучить себя?

Конан подошел к водопаду и замер. Картина, представлявшая пред ним, поражала своей красотой. Внизу, куда срывались каскады темной воды, раскинулось огромное озеро. В середине озера располагался остров, на котором стоял разрушенный город. К острову вели четыре моста.

Спуск оказался долгим, хотя и не тяжелым, но в непосредственной близости от моста вся растительность была гладко скошена. Подобраться незаметно было почти невозможно.

— Сетовы потроха, — сквозь зубы выругался киммериец. — Вот и доказывай теперь мертвым, что я для них же стараюсь.

Варвар быстро пересек открытое пространство и нырнул под мост. Идти по нему он все равно не собирался, а вот пролезть по опорам было вполне возможно.

— Вроде бы не заметили, — шепнул Конан и тенью скользнул под защиту стен. Тут же он нос к носу столкнулся с обитателем заброшенного города. Конан среагировал быстрее, а потому мертвец сразу лишился головы.

Однако отсеченная голова уставилась на варвара, а затем закричала:

— Чужак в городе! Чужак! Хватайте его!

Конан бросился бежать, пытаясь отыскать дорогу к храму, который он приметил. Мертвецы чуть не загнали его в ловушку, окружив со всех сторон, но киммериец залез на растрескавшуюся стену и побежал дальше по сохранившимся крышам зданий.

Конан и сам не понял, когда прекратилась погоня. Он вдруг осознал, что остался один. Подняв голову, варвар увидел возвышающуюся перед ним громаду храма, вокруг которой собрались все обитатели города мертвых. Дальше пути им не было — в храм змееногих мертвецы войти не могли.

— Вот и ладно, — усмехнулся киммериец. — Без вас обойдусь как-нибудь. Спокойней будет.

Конан с интересом принялся рассматривать храм.

Это было огромное строение, со сглаженными от времени углами. Если когда-то на черном камне и был какой-нибудь узор, то сейчас стены строения стали абсолютно гладкими. Портал, подпираемый толстыми колоннами, выглядел довольно мрачно, но варвара это не волновало.

Вдоволь наглядевшись, Конан спокойно пошел внутрь. К сожалению, у варвара не было с собой факела, а потому он стал пробираться на ощупь.

Внизу, в конце длинной лестнице, на которую ступил киммериец, мелькнула вспышка света.

— Значит, этот гаденьш Александриас все-таки выжил, — прошептал киммериец. — Тем луч-

ше. Я своими руками вырву его сердце. За всех моих людей.

Конан стал двигаться медленнее и осторожнее. Спустившись вниз, он скользнул в противоположную от источника света сторону и спрятался за колонной. Теперь он мог спокойно оглядеться.

— Он где-то здесь. Я чувствую его, но никак не пойму где... — Конан не узнал этого шипящего голоса, но почему-то ему стало неприятно, будто его окунули во что-то липкое и вязкое.

Внезапно он вспомнил, странные фигуры, появившиеся на корабле, и понял, что эти существа тоже находятся здесь. Интересно, как они смогли выбраться с «Тигрицы» и незамеченными пробраться в храм?

Рискуя быть замеченным, киммериец выглянул из своего укрытия и увидел довольно большой зал, по центру которого стоял гигантский трон. Именно он и привлек внимание варвара. Что-то подсказывало Конану, что искомое находится именно там.

— Значит, надо играть на опережение, — решил киммериец и стал пробираться поближе к центру зала, укрываясь за колоннами. Существа, меж тем, методично обследовали помещение.

Довольно долгая игра в прятки закончилась тем, что варвар все же оказался возле трона, а его соперники в дальней части зала. Вытащив из-за пояса жезл, Конан увидел, что он светится. Точно так же светились и отверстия в спинке кресла.

Не долго думая, он засунул жезл в нишу, и тот исчез в отверстии. Вдруг оттуда же появился другой жезл. Только гораздо более длинный и тяжелый.

— Скипетр мертвых, — раздался сзади хорошо знакомый голос. — Отдай его мне, киммериец.

Конан резко развернулся, не забыв схватить при этом скипетр.

— Попробуй, отбери!

— И отберем, — по-змеиному улыбнулся Александриас и махнул рукой. Конан с трудом увернулся от тяжелого метательного ножа. Этим оружием аквилонец владел в совершенстве.

— Оставь его нам, смертный, — услышал варвар. И тут перед ним выросли три фигуры, завернутые в черное.

Александриас с явной неохотой отступил назад.

— Я до тебя еще доберусь, — пообещал Конан. — И отомщу за всех тех, кого ты убил на «Тигрице».

— Я? — искренне удивился Аквилонец. — Тут ты ошибаешься, Конан. Это сделал не я.

— А кто же?

— Он, — и Александриас указал на Рудо. — Вот он, твой таинственный убийца. А я не люблю лишний раз марать руки.

Варвар с ненавистью посмотрел на предателя. От такого взгляда Рудо затрясло, и он спрятался за своего покровителя.

Александриас спокойно продолжил:

— Твои люди обидели его, я же этим только

воспользовался. Мне был нужен тот, кто будет делать всю грязную работу. Вот и все. Его, правда, хотели забрать к себе, наши общие друзья, — аквилонец указал в сторону трех фигур. — Но я не позволил...

Конан отчего-то не поверил в добрые намерения Александриаса, а потому даже пожалел Рудо. Его ждало что-то страшное.

— Ну, все. Пора заканчивать с этим, — произнес аквилонец, и трое шагнули вперед.

— Давайте, идите сюда, Нергал вас заберет, — гаркнул Конан, и с силой рубанул воздух рукой... Той, в которой был зажат скипетр. — Ну, что встали?

Посланцы Сета застыли на месте и с ужасом взирали на киммерийца... Точнее на то, что находилось у него за спиной.

— Ах-х!.. — раздался за спиной громкий зев. — Заберу, конечно, коли, отдаешь.

Конан обернулся.

На троне восседал Владыка Серых Равнин, собственной персоной. Рогатый человеко-ящер, раскрыл пасть и опять зевнул.

— Ах-х!.. Ну и надоед же ты мне, Конан. Раньше меня будили раз в столетие, да и то не всегда. А теперь уже второй раз за последние десять лет я вижу твою рожу.

— На свою посмотри, — обиделся киммериец. Конечно, перед ним был бог, но терпеть оскорбления варвар не собирался ни от кого.

— Нет, посмотрите, каков наглец! Как что не так, он Нергала поминает. Будто это я во всем

виноват. А чуть что, обижается. Эх, расплющить бы тебя, — бог поднял огромный кулак и потряс им в воздухе.

— Да, неохота мне с твоим Кромом связываться. Вы там, в Киммерии, все с придурью. Вот убьешь тебя, а вы потом мне уснуть вовек не дадите. Заявитесь на Серые Равнины, да будете оружием бряцать... Нет, с киммерийцами связываться я не хочу. До встречи. Я пошел спать...

— погоди, — воскликнул опомнившийся варвар. — Я тебя разбудил из-за серьезного дела. Этот город давно мертв. Так почему же обитатели Серых Равнин никак не обретут покой?

— Что? — взревел ящер. Такой поворот дел, его явно не устраивал. Он, пронзив взглядом каменные стены, оглядел город. — Кто посмел?

— Они, — Конан кивнул на троих в черном. — Они, и им подобные. А творилось все это непотребство с помощью твоего жезла.

Киммериец протянул Нергалу скипетр и повторил:

— Вот зачем я разбудил тебя. Хочу вернуть скипетр мертвых.

Нергал повертел жезл в руках.

— Помню, помню... Когда-то я и впрямь изготовил его. Ладно, это дело прошлое. А тебе, Конан, спасибо. Ты заслужил награду. Но сперва разберемся с нашими гостями...

Нергал взглянул на Посланцев и сказал:

— Возвращайтесь в царство теней! Хватит ходить по земле!

По телам Посланцев пробежала судорога, и их

не стало. На полу остались только истлевшие плащи.

Нергал взглянул на людей.

— Теперь разберемся с вами.

Но Александриас опередил бога. Он вытолкнул вперед Рудо и быстрым движением перерезал ему горло, гортанно вскрикнув заклинание. И тотчас исчез.

— Пряткий малый, — вздохнул Нергал. — Чем-то похож на тебя, Конан. Сейчас Александриас находится под защитой Сета. А мне неохота связываться с этой шипящей гадиной. Сет с Александриасом еще наплачется да наломается...

Конана удивило такое решение, но спорить варвар не стал.

— А теперь говори, чего желаешь, — произнес Нергал. — Проси награду за возвращение жезла.

Сердце варвара сжалось, а потом он выпалил.

— Я хочу, вернуть Белит. Вернуть к жизни.

Нергал посмотрел на киммерийца сочувственно, однако кивнул.

— Ладно, давай посмотрим, что можно сделать.

Бог закрыл глаза и зашептал заклятья. Вскоре он очнулся.

— Белит нет в моем царстве.

— Как — нет? — воскликнул киммериец. — А где же она?

Нергал снова прикрыл тяжелые глазницы.

— Она в Кориканге.

— Где-где? — переспросил Конан.

— Кориканга, это страна света. Белит там —

царица, давшая свету великого сына. Твоего сына, Конан.

— Но как же тогда...

— Она жива, Конан, — бог сурово посмотрел на варвара. — Уж не думаешь ли ты, что я стану тебя обманывать? Ты хоронил лишь смертную оболочку Белит. «Тигрица» спасла тебя, но за это Белит была вынуждена уйти в другой мир. Она навеки останется там, так что смирись с этим.

Оба помолчали. Конан не знал, что ответить, а Нергал не желал прерывать его мысли.

Наконец киммериец заговорил:

— Меня привели сюда двое воинов, Хаарл и Джафар. Что с ними?

— Они обрели долгожданный покой, — ответил Нергал. — Не тревожься о них. Подумай лучше о себе самом.

— Хорошо. Я хочу корабль и команду.

Бог развел руками.

— Извини, это я не могу сделать. Я бог мертвых, и могу дать тебе только мертвый корабль. Хотя...

Нергал немного подумал и добавил:

— Будет тебе корабль. Иди к бухте Красных Скал, что на побережье Стигии, там ты его и отыщешь.

— Ладно, — киммериец махнул рукой. — Нергал с тобой, сам как-нибудь разберусь.

— Не богохульствуй, — возмутился бог мертвых.

Почему-то обидчивость бога очень позабавила Конана.

— Ну хорошо, не буду. Но золото, хотя бы у тебя есть?

— Откуда? На Серых Равнинах; нет ничего, кроме пыли. Впрочем... — Бог протянул руку, в которой он сжимал папирусный свиток.

— Попал тут ко мне один кладоискатель. Так вот, он никак не поймет, что уже умер. Ходит и ходит с картой, надоел уже. Бери, Конан, ему она все равно теперь без надобности. А тебе авось и пригодится.

Киммериец взял карту.

— Ну, что ж, прощай, Конан. Мне пора. Не сердчай, если что не так.

Варвар отсалютовал богу мечом и направился к выходу.

— Да, и еще, Конан... — послышалось сзади.

— Что?

— Ты уж постарайся больше меня не будить. А то и впрямь начинает надоедать!

* * *

Конан вышел из храма, и сладостно вдохнул свежий воздух.

— Пора в путь, — решил он и зашагал к водопаду.

Эпилог

Болстяк Яга довольно потер потные руки. Скоро этот недоносок Хадаг, поплатится за все. Скоро он узнает, что значит насмеяться над Верховным Жрецом Йезуда!

— Посмотрим, что сотня наемников сможет сделать с тысячным войском и тремя колдунами. По счастью, Хадаг заранее объявил место встречи, позволив тем самым подготовить ловушку...

Верховный жрец привел с собой всех, кого он смог тайно вывести из города. Хадаг был обречен.

* * *

— Владыка, заморийцы остановились именно там, где и сказал Хадаг.

Тот Амон поморщился, вспомнив наглого человека, связавшегося с ним. Но он был обязан

проверить его слова. А что если это правда? Вдруг ларец у заморийца? Тогда он сможет победить там, где потерпели сокрушительное поражение посланники Сета.

— Выступаем, — приказал стигиец, и десяти-тысячное войско двинулось в путь.

Быстро сломив сопротивление заморийцев (те умерли, так, ничего и не поняв), воители Тот Амона окружили лагерь Яги.

Сам жрец ожидал увидеть Хадага, но вместо него встретил Тот Амона.

На губах стигийца заиграла зловещая змеиная улыбка.

— Приветствую тебя, брат. Рад нашей очередной встрече.

В душу Яги закрался страх.

— Привет и тебе, владыка Стигии.

— Зачем нам все эти титулы? Давай оставим их для врагов и рабов.

— Согласен. — Яга хотел было позвать телохранителей, однако передумал. Справиться с Тот Амоном они все равно не смогут. — Чем обязан чести нашей встречи?

— Ларец. Мне нужен ларец...

Яга молча вынул шкатулку из складок жреческой хламиды и протянул Тот Амону.

Стигиец алчно схватил ларец, развернулся и молча пошел прочь из шатра. Он, конечно, мог бы убить Ягу, но не стал делать этого.

Жрец Йезуда был обречен — Тот Амон твердо знал это.

* * *

Яга перевел дыхание. Он был жив, а это главное. Все остальное — поправимо.

— Предатель, — прокрипел над его ухом знакомый голос. Жрец похолодел. — Презренный предатель!

Яга обернулся. Позади него застыли все члены Совета Семи.

— Предатель; — вновь повторил Архан, древний, как само время, старец и верховный жрец Затха.

Яга понял, что приговор уже вынесен.

* * *

Галера полыхала и скоро должна была пойти на дно. Адмирал Менкара с грустью подумал о том, какие злые шутки иногда можно ждать от судьбы. Вырваться живым с Зархебы, для того, чтобы попасть в руки пиратов!

Он снял шлем, желая вытереть пот, и в этот момент его висок пронзила стрела.

* * *

Жрец благоговейно посмотрел на молодого человека.

— Да осияет тебя свет всеблагого Митры, — произнес он. — Конечно же, мы сможем помочь тебе. После всего того, что ты сделал для света и мира, отказать тебе было бы подлостью...

И он протянул воину нечто, завернутое в тряпицу.

Светлый совет жрецов Митры порешил отдать Александриасу Аквилонцу древний оберег, оставшийся от святого Эпимитриуса, в обмен на то, что он доставил в храм Тарангии. Это был ларец, украденный у самого Тот Амона. Нет, безусловно, Александриас был героем и заслуживал много большего...

— Бери, добрый человек, бери и не бойся. Отныне магия грязных змеепоклонников не страшна тебе. Теперь охранять тебя будет сам Эпимитриус, основатель Аквилонии.

Александриас вышел из храма и улыбнулся. Должно быть, Тот Амон сейчас рвет и мечет, пытаясь отыскать ларец. Но вряд ли он найдет его в скором времени.

— Точно не найдет... — сказал себе Александриас и направился к великолепному коню, стоящему у привязи.

Как только стигийский колдун заполучил этот ларчик, аквилонец понял, что ему пора бежать. И чем быстрее, тем лучше. Он не стал пересекать Стикс вместе с войском стигийцев, а, выбрав момент, украл коня. Кто бы мог подумать, что это окажется скакун самого Тот Амона, и что в седельных сумках отыщется тот самый ларец, из-за которого и поднялась эта нелепая кутерьма!

Подставив лицо прохладному ветерку, Александриас раздумывал, как очаровать принца Нумедидеса, к которому он был приглашен на при-

ем. Весть о герое, бросившем вызов самому страшному колдуну Стигии, мигом облетела столицу, и теперь все аквилонские дворяне жаждали с ним познакомиться. Александриас был уверен в своем будущем, поскольку Аквилония славилась постоянством и крепкой властью. Теперь Александриас заживет, как все...

И уже никогда в жизни он не встретит Конана! Никогда.

Тот наверняка погиб на Зархебе...

* * *

Волна накатила с новой силой, накрыв с головой киммерийца и его плот.

— Прах и лепел, — выругался варвар, выплевывая соленую воду.

Более трех лун пробирался он по джунглям, пытаясь добраться до бухты Красных Скал. Много пришлось ему увидеть и претерпеть за это время. Наконец он добрался до моря и горько разочаровался: бухта была пуста. Никакой корабль его не ждал, и Конан, поминая последними словами Нергала, решил на невероятное, — варвар построил себе плот и на нем вышел в море. Вскоре начался шторм.

Уже третий день плот носило по волнам. И вот — удача! В сумерках Конан разглядел проходящий рядом карак.

— Эй, на корабле! — что есть мочи заорал киммериец. — Человек за бортом!

Надежды, что его услышат, почти не было, но,

видимо, Нергал решил пока не забирать варвара к себе.

— Лови веревку! — услышал Конан ответный крик, и в воду полетел канат.

Конану понадобилось лишь несколько мгновений, чтобы перемахнуть через борт и оказаться на палубе.

В руки ему тотчас сунули флягу с вином, а чьи-то крепкие, мозолистые ладони стали растирать тело Конана жесткой ветошью.

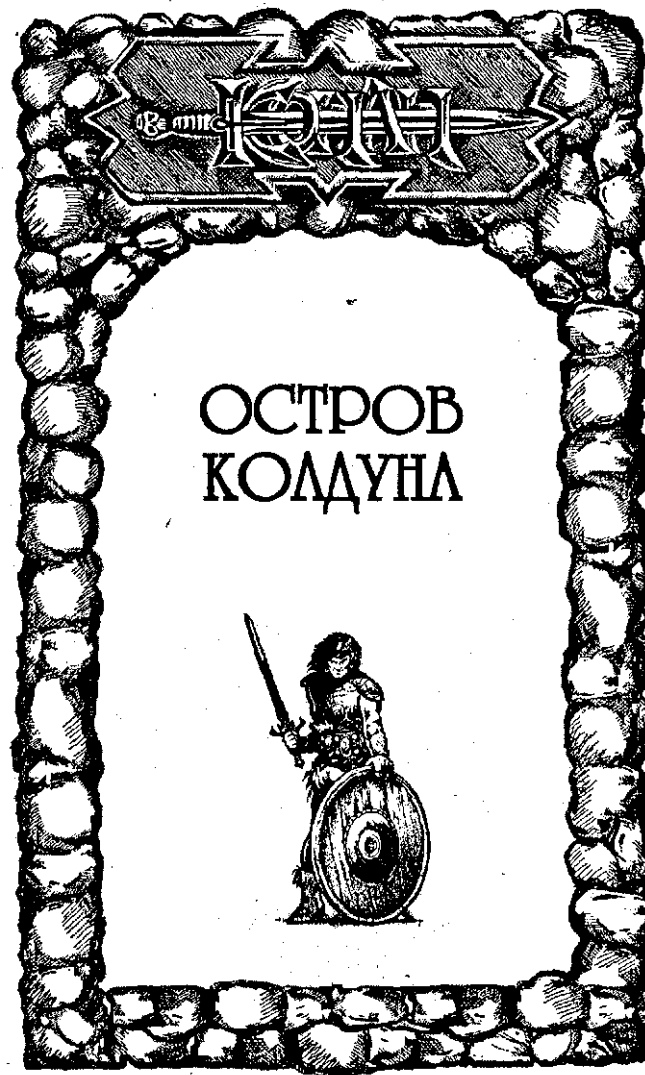
— Где я? — спросил киммериец, и ему ответил надменного вида зингарец.

— Ты на «Вестреле», моем караке. Я — капитан Запораво. Как ты оказался в открытом море?

Но Конан уже не обращал внимание на разодетого щеголя-капитана. Он по-хозяйски осмотрел судно и подумал: «А ведь прав оказался старина Нергал. Будет у меня и судно, будет и команда».

Глотнув вина из фляги, варвар пристально посмотрел в глаза капитана. Тот почему-то вздрогнул.

— Значит, дело было так... — начал Конан.

Глава первая

Вослушай же меня, потомок Гидаллы! — заклекотала Рана Риорда. — Я поведаю тебе нечто важное, и...
Конан отмахнулся.
— Некогда, Рорта, некогда! Поспешим! Кажется, этот волосатый бурдюк уже прилетел, и взыскивает долги. Поторопимся и мы!

* * *

Зная о возросшей силе Небесной Секиры, Конан не стал вылезать через узкое оконце, как сделал это в прошлый раз. Он просто как следует размахнулся и с силой опустил острие секиры на каменную кладку темницы.

Стена, достигавшая толщиной восьми локтей, смялась, как пергамент. Во все стороны полетели осколки щебня, а огромные гаьбы, выскакивая

из пазов, образовали новый выход из каменного мешка.

— Месть! Сладкая месть! — подумал варвар, выпрыгивая в темный коридор подвала.

На него кто-то бросился, но Конан, даже не оборачиваясь, отмахнулся от нападавших секирой. По полу со стуком, покатились несколько голов, и киммериец услышал звук всасываемой крови.

— Кром! — заорал он во всю мощь своей необъятной груди.

— Кровь, — вторила ему Рана Риорда.

И они устремились вперед.

Конан, как дикий зверь, ворвался в караулку, и тюремщики, застыли, словно каменные статуи. Еще вчера этот полуголый варвар бежал прочь, прихватив с собой кутуба. А сейчас, он стоял в дверях, но уже не полуголый, а одетый в дорогой доспех, да еще и с ужасной секирой в руках.

— Владыка Сет, — выдавил один из них, и тут же рухнул перерубленный пополам.

А Конан уже мчался дальше, оставив за собой гору трупов. Что ему несколько человек, коли скоро он зальет кровью весь Файон. А затем и камня на камне не оставит от этой проклятой крепости.

— Вперед, — зашипела над ухом секира. — Кровь! Много крови! Быстрее, потомок Гидаллы!

— Сам знаю, — огрызнулся киммериец, однако поднажал и понесся еще быстрее.

Небольшой зал, который оказался на его пути, был пуст. Зато в следующем было пятеро

воинов. Настоящих! Не тех, что внизу, которые всю жизнь только охраняют или пытаются пленных.

Стигийцы среагировали профессионально. Едва толстая дверь слетела с петель, как они схватились за оружие, которое у таких вояк всегда под рукой.

Конан довольно осклабился. Биться с такими — одно удовольствие. Это тебе не подлые тюремщики и не замшелые гарнизонные стражи.

Воины — одним словом.

Двое, с копьями в руках, приняли на себя первый удар, позволяя остальным зайти с боков. Действовали они слаженно, как единая машина, но откуда им было знать, что Рана Риорда рубит закаленную сталь, — словно траву сечет.

Копья мгновенно превратились в никчемные палки, а Небесная Секира, продолжая движение, распорол живот, зашедшему справа. Озлобленные солдаты бросились вперед, и не имея возможности размахнуться, Конан, использовал секиру, как копье. Острый шип, служащий навершием боевой секиры, вошел стигийцу точно под подбородок. Выдергивая Рорту, обратным движением варвар угодил стоящему сзади прямо в пах. Воин дернулся, жалобно заскулил, и изо рта у него хлынула кровь.

— Кровь, — неистово крича, зашлась Рана Риорда.

Варвару уже надоела эта возня, и гортанно заорав, он как коршун налетел на двоих оставшихся в живых. Первого, в буквальном смысле слова,

рассекло пополам, зато второй, гибкий как барс, успел увернуться и, перекувырнувшись через плечо, попытался подсесть ноги киммерийца. Конан едва успел подпрыгнуть вверх, меч просвистел там, где только что были колени варвара. Стигийец глянул наверх и понял, что он обречен. Древко секиры, утяжеленное железными кольцами, обрушилось сверху и раскололо голову врага, как переспелую дыню. Не помог даже шлем из вороненой стали.

— Кровь, кровь! — продолжала орать Рорта. Клич, что некогда так раздражал Конана, сейчас пьянил лучше крепкого аргосского вина. И сам не заметив как, варвар подхватил его, правда, переиначив на свой лад.

— Кром, Кром! — выкрикивал он, перепрыгивая через три ступени.

Наконец, они ворвались в главный зал Файона.

Люди, собравшиеся в кучу, приготовились к обороне, правда, не от взбесившегося варвара. Все они с ужасом смотрели на содрогающуюся дверь, за которой слышался нечеловеческий рев.

Повсюду содрогались перекрытия, шатались колонны, а кутуб все рвался и рвался внутрь.

Мгновенно оценив обстановку, Конан громко заорал, еще больше заводя себя этим же криком, и с лету врубился в отряд стигийцев. Уж тут-то ему было, где размахнуться.

Вернее — им. Так как Конан выплескивал злобу, копившуюся тридцать дней, с учетом странствия. А Рорта — тысячелетнюю ненависть.

Рана Риорда, в могучих вздувшихся руках варвара, описывала широкие круги и с легкостью рассекала сталь и плоть.

— Он всего один, — заорал седой горбоносый воин, очевидно ветеран, так как он мгновенно организовал довольно грамотную оборону.

Все же стигийские войска были одними из самых дисциплинированных во всей Хайбории и уступали разве что немедийцам.

Все бы — ничего, но на этот раз в их сеть попала не щука, а самая настоящая акула.

Конана прошел сквозь их оборону, как нож — сквозь масло и наконец достиг двери. С той же легкостью, что Рорта рубила людей, она рассекла и толстый брус, окованный медью, что удерживал дверь на запоре. Створки ворот с шумом распахнулись, и в зал ворвался озверевший кутуб. Он раскрыл клыкастую пасть, с которой текла кровь, и заревел.

— Эй, Шапшум, — рявкнул Конан. — Давай к нам, а то ничего не достанется.

Алые, налитые кровью глаза уставились на киммерийца, и он зарычал:

— Ты-ы-ы. Но как...

— Будешь и дальше стоять столбом? — гаркнул на него варвар. — Ну-ну, стой.

И он с новой силой врубился в стигийцев.

Увидев текущую рекой кровь, кутуб снова налил злобой и бросился вперед.

Конан рычал не хуже Шапшума, а в его ушах песней звучал дьявольский смех Небесной Секиры.

Варвар косил воинов, точно траву. Но то, что с ними делал кутуб, было намного хуже. Он давил их ногами, сминал толстыми пальцами, а тех, кому не повезло более остальных, отправлял в рот. Острые клыки с легкостью пережевывали как тугую плоть, так и жесткую сталь.

Уже поняв, что они обречены, стигийцы стали метаться по залу, в поисках спасения. Одни бросались к выходу, другие — в глубь крепости, но и тех, и других было слишком мало. Большая часть воинов остались лежать на холодных плитах Файона.

Киммериец едва успел увернуться от кривой туранской сабли и, зарывав, гневно рубанул в ответ. Но его противник, тот самый ветеран, что пытался организовать оборону, ловко увернулся. Вынырнув сбоку, он вновь попытался достать Конана.

Варвар отмахнулся топориком, но опять промахнулся. Враг был на диво гибок и быстр.

Конан довольно осклабился. Наконец-то ему попался хоть кто-то стоящий.

Разрубив по дороге еще кого-то, он обернулся к противнику. Тот стоял, чуть пригнувшись, готовый в любой момент к прыжку. Конан правильно оценил соперника. Тот и впрямь был бывалым воякой. Худой и жилистый, стигиец более всего походил на степного волка. С хищного лица зло поблескивали черные глаза. Он не боялся варвара с его волшебным оружием, так как был уверен в собственном превосходстве. В его иссеченных шрамами руках блестели две длинные

сабли, по которым сразу же было видно, что они не ржавели без дела. Впрочем, как и их хозяин.

Узкие губы разошлись в насмешливой улыбке.

— Ну, северянин. На многое ли ты способен без своей секиры?

— Кром! — разъяренно зарычал Конан. Усмешка стигийца привела его в бешенство. Как он посмел усомниться, в его, Конана силах? Ну, сейчас он покажет этому отродью Сета.

— Руби его, — заклекотала Рорта, но киммериец уже разжал руки. Однако Небесная Секира не упала на пол, а просто повисла в воздухе.

— Что ты делаешь, потомок Гидаллы? Руби его!

— Вот и разрублю, но без тебя, трухлявое топориче, — прорычал он, вспоминая Саледа Алима.

Стигиец наблюдал за этой сценой все с той же насмешливой улыбкой.

— Что, северянин. Твой топорик еще и помыкает тобой?

— Обойдешься, Сетово отродье. Это тобой помыкают жрецы, а также их червяк-Сет. А я свободен, как ветер!

— Да? — брови воина взметнулись вверх. — А что же ветер делает в этом крысятнике? Поди, отдохнуть решил.

Конан недобро улыбнулся.

— Сейчас узнаешь.

Он обнажил свой ятаган, полученный им еще в Иранистане. Оружие, конечно же, не могло сравниться с Небесной Секирой, но все равно бы-

ло на диво хорошо. Конан, вообще, не притрагивался к плохому оружию. Разве что так, походя, когда бежал из тюрем и подбирал по ходу жалкие железяки стражников.

— Ты приготовился к смерти, шакалье дерьмо? — рявкнул обозленный варвар и обрушился на горбоносого. Тот промолчал, а ответом послужила умелая атака, после того как он парировал все удары киммерийца.

Стигиец оказался достойным противником. Отсутствие природной силы он компенсировал небывалой скоростью и отменной техникой фехтования. А свой немалый возраст — огромным жизненным опытом.

Конан яростно атаковал, перемежая рубящие удары частыми выпадами, но горбоносый всякий раз ставил перед собой сверкающую стену защиты.

Они довольно долго кружили на одном месте, и тут стигиец сам перешел в атаку. После очередного удара горбоносого Конан едва успел втянуть живот, получив только царапину. Не успей он сделать этого, валяться бы его внутренностям на полу.

— Ах ты, пес шелудивый! — восхищенно воскликнул варвар. Даже опьяняющее чувство места не могло заглушить восторга от встречи с достойным противником. А они были весьма редки в жизни Конана. Все больше было тех, кто старался навалиться скопом, или ударить исподтишка, в спину.

— Много говоришь, северный медведь, — поч-

ти нараспев отозвался ветеран. Долгий бой практически не сказался на его дыхании.

Конан кивнул, приняв замечание к сведению, и ответил атакой. Его меч слился от скорости в сверкающую полосу.

Ударив крест-накрест, варвар в последний момент изменил траекторию рубящего удара на выпад в живот. Стигиец извернулся змеей, отбрасывая острие своей саблей, но тут же рухнул, как подкошенный. Конан просто заехал ему кулаком в ухо.

Конечно, зазорно бить лежащего, но в горячке боя можно все. Конан рубанул сверху, однако горбоносый, находясь даже в полубессознательном состоянии, успел откатиться вбок.

— Вот ведь гаденыш, — восхищенно сказал Конан. Не каждый мог так быстро оправиться от его, Конана, удара. А стигиец не только оправился, но даже стоял уже на ногах.

Лицо киммерийца исказила недобрая усмешка. «А как тебе это?» — подумал он, проводя атаку в стиле кхитайских мечников.

Защиты от этого приема стигиец не знал. Как и всякий южанин, он не знал, что в Кхитае любой удар является как защитой, так и нападением. Горбоносый хрипло вскрикнул, когда меч варвара пробил его грудь и вышел из спины.

— Вот и все, — весело усмехнулся Конан, глядя в его глаза и проворачивая меч в ране.

— Ну что, доволен? — поинтересовалась Рана Риорда. — Наигрался?

— Заткнись, — оборвал Рорту киммериец. —

Это был умелый воин, убивать таких нужно достойно.

— А мною, по-твоему — недостойно, — ощерился появившийся дух.

— Достойно, достойно, — успокоил его Конан. — Только он был бы с самого начала обречен. А так все же имел хоть какой-то шанс.

— Правда, — съехидничала Рорта. — А что же он не спас тебя в тюрьме, коли такой достойный?

Киммериец смолчал и окинул взглядом учиненное ими побоище.

Тела лежали повсюду. Одни высушенные, как мумии. Это были те, чью кровь выпила Небесная Секира. А другие, вернее то, что от них осталось, были изорваны и разворочены. Над этими поработал кутуб.

Конан отыскал взглядом Шапшума. Тот сидел на полу и держал в лапах еще живого стигийца.

— Вкусный человечек, — прорычал кутуб. — Сейчас Шапшум тебя съест.

Он поднес солдата, к своей пасти, и тот дико заверещал. Но он так и не смог вырваться, или хотя бы — потерять сознание. Гигантские зубы сомкнулись, перекусывая человека пополам. Кровь брызнула на пол, а кутуб довольно зарычал. Сытно рыгнув, он стал осматривать зал в поисках новой жертвы. Тут взгляд его снова упал на киммерийца.

— Ты? Что ты тут делаешь? — зарычал Шапшум.

Конечно, Конан знал, что кутуб — туп, но не настолько же.

— Помочь тебе пришел, — отозвался киммериец.

— А зачем же гнал меня в Иранистан, — обиженно засопел волосатый великан. — Зачем заставил меня лететь?

В его глазах появилась злоба, и он рыкнул, не хуже самого киммерийца.

— А ну, закрой свою вонючую пасть, отродье Нергала. Давно не общался с моим другом?

И варвар грозно потряс Небесной Секирой.

— Гнал — значит, надо. И нечего на меня зубы скалить. Все одно — обломаешь.

— Прости, господин, — опомнился кутуб.

— Так-то лучше. А теперь подними свой зад и поймай тех, кто успел сбежать. Должно быть, они сейчас со всех ног отсюда бегут.

— Но зачем? — искренне удивился Шапшум. — Тут полно мяса. На несколько недель хватит.

— Может, ты желаешь, чтобы сюда нагрянули все жрецы Стигии?

Кутуб отрицательно покачал головой.

— Тогда вперед, пока они не привели войска.

Шапшум, нехотя посмотрел на выход.

— Да не волнуйся ты так, — подбодрил его Конан. — Я человечину не ем. Переловишь сбежавших, и попируешь вволю, набьешь свое брюхо.

Видя, что кутуб еще колеблется, варвар взмахнул секирой. На пол полетело несколько тонких волосков.

Кутуба снесло точно ветром.

— Так-то лучше, — буркнул Конан.

Развернувшись в другую сторону, он быстро заскользил изящной походкой тигра внутрь крепости. Кое-где еще должны были остаться враги. А Конан еще не утолил своей жажды мести. Впрочем, как и Рана Риорда. Она продолжала выть, требуя крови.

— Идем, потомок Гидаллы. Идем. Надо отыскать еще крови. Кровь!

— Кром, с тобой, тупая железяка. Идем.

— Я не тупая, — справедливо возмутилась Рорта.

— Хорошо, светоч всех секир, беру свои слова обратно.

Конан шагнул в темный коридор, и тут же навалился на засаду. Притаившиеся в тени арбалетчики выпустили в него свои болты. Мгновением позже, все стрелы лежали на полу, отбитые Небесной Секирой. Варвар только потер вывихнутое запястье.

— Вперед, — скомандовал дух секиры, и Конан, понесся вперед, точно олень. Для того чтобы перезарядить арбалет, требовалось три удара сердца, но варвар им их не дал. Он преодолел это расстояние всего за два, благо, арбалетчики притаились неподалеку.

Двоих первых Конан насадил на острие секиры одновременно. В третьего он метнул нож, отобранный им у Саледа Алима. Широкий клинок с костяной рукоятью воткнулся в живот стигийца, и тот с криком рухнул на пол.

Последний арбалетчик все же успел перезарядить арбалет и уже начал его поднимать, но тут

смертоносная Рорта опустилась на его оружие, перерубая вместе с арбалетом и кисти врага. Воин упал на пол, захлебываясь собственным криком, и варвар раскроил ему голову, чтобы не мучился.

— Кровь, — победоносно визжала Рана Риорда, в то время как Конан выдергивал свой нож из живота стигийца. Тот попытался ухватить киммерийца, но пинок ногой в живот отбросил его назад.

— Скорее Конан. Кровь! Кровь!

— Да она мне, в общем-то, и не нужна, — холодно ответил киммериец. — Меня больше интересует золото.

— Будет тебе золото, потомок Гидаллы. Будет. Но сперва месть!

— Кр-р-ровь, — передразнил духа Конан.

— Да, кровь! Море крови! Ступай вперед. Моя сталь будет твоей кольчугой и твоим щитом.

— Ну, раз так, то нечего нам таиться, будто шакалам, — решил варвар и оглушил коридоры Файона воинственным кличем.

От этого его снова охватила горячка боя, и он перешел с шага на бег.

Он не пропускал ни одной встреченной им двери, и все они, раздробленные, слетали с петель. Тысячелетняя ненависть варваров к цивилизации нашла свой выход, и Конан крушил все, что попадалось на его пути.

— Справа, — предостерегающе крикнула Рорта, и киммериец, не раздумывая, бросился на пол. Щелкнул арбалет, над ухом, что-то просви-

стело, и варвар вскочил на ноги. Перед ним стоял стигийский солдат, совсем еще юноша. Увидев перед собой огромного человека с огромной секирой, он затрясся.

— Н-нет, — тихонько заскулил он, медленно отступая. — Нет, нет!..

Конан холодно блеснул глазами. Он презирал трусов. Из таких обычно вырастали палачи и заплочных дел мастера.

Те, кто боялся честной схватки, обычно топили свою трусость в чужой крови. Они наслаждались страданиями других, а себя берегли, как зеницу ока.

— Кр-р-ром, — рыкнул варвар, и этого оказалось достаточно, чтобы юнец упал замертво. Его сердце разорвалось от страха.

— Мразь, — заскрипела над ухом Небесная Секира. — Не вздумай меня поить подобной кровью, потомок Гидаллы.

Конан был полностью солидарен с духом. Убивать таких — только сталь марать. Самидохнут, как мухи.

— Впереди много крови, — внезапно встрепенулась Рорта. — Там засада.

Варвар хмыкнул. Это ему было по душе. Чем лучше засели, тем приятнее будет выбить их оттуда. Или просто выбить из них дух. Он поднял с пола тяжелый арбалет и осмотрел его. Это было массивное оружие, приспособленное для длинных трехгранных болтов.

— Пойдем-ка, подразним их, Рорта.

Дух неодобрительно посмотрел на арбалет, по

спорить не стал. Он исчез в топорище, а варвар стремительно запагал вперед.

Он довольно быстро достиг нужного места. Там более трех дюжин стигийцев возвели баррикаду, и теперь поджидали врага.

Впрочем, Конан, не заставил долго себя ждать. Он в вразвалочку вышел из-за поворота и, увидев их, невинно спросил:

— Вы не меня ждете?

— Иди сюда, свинья! — крикнул один из них. — Мы посмотрим, какого цвета у тебя кишки.

— А ты их, вообще-то, хоть раз видел, — поинтересовался Конан. — Нет? Ну так погляди.

Он резко вскинул арбалет, и в животе наглеца вырос болт. Он с криком упал.

— Визжит, точно свинья, — констатировал киммериец, перезаряжая арбалет.

— Ну что, крысы, — усмехнулся он. — Как вам нравится ваше же оружие?

Еще один болт со свистом унесся вперед. Самособой, он попал в цель.

— Что ты делаешь, потомок Гидаллы?! — возмутилась Рана Риорда. — Зачем тратишь их кровь впустую?

Конан пожал плечами.

— Хочу их унижить, Рорта. Я стою тут один, а они все равно не могут ничего со мной поделать.

Немного подумав, дух согласился с ним.

— Это и впрямь стоит того. Некоторых врагов мало убить, их надо — растоптать.

Стрелы находили свою цель, и стигийцев становилось все меньше.

Не выдержав, один из них воскликнул:

— Почему ты не дерешься, как мужчина?

Киммериец только рассмеялся в ответ.

— А ты? Иди, сразись со мной один на один. Или и дальше будешь прятаться в стае шакалов?!

Стигиец окинул варвара взглядом и попытался укрыться за баррикадой.

— Ну, как знаешь, — ответил Конан и умело засадил ему болт точно между глаз.

Наконец, болты закончились, и киммериец, отбросив арбалет, бросился вперед. Солдаты, старающиеся спрятаться как можно дальше, не успели ничего предпринять, а варвар уже разметал укрепление, состоящее из столов и стульев, и что есть мочи, врубился в их ряды.

Конан выхватил меч, и вокруг него взорвался вихрь сверкающей стали.

Воины падали один за другим, а варвар продолжал рубить, что есть мочи. Вот у одного отлетела голова, другому в висок вонзился острый четырехгранный шип. Еще несколько лишились рук.

Острый иранистанский клинок, воткнувшись в брюхо одного из солдат, намертво застрял там, и человек рухнул на пол, увлекая за собой и меч. Конан перехватил Рана Риорду обеими руками и стал косить ею направо и налево. С каждым новым взмахом в стороны летели отсеченные руки и головы, но киммериец все никак не мог удовлетворить свою жажду мести. Он воздел Небесную Секиру для нового удара, и только тут понял, что вокруг него остались только мертвецы.

Варвар довольно зарычал. Враг был мертв, а в его жилах все еще бушевало священное пламя боя. Он подошел к двери, и ударом ноги вынес ее.

И тут на киммерийца, обрушился поток огня.

Здесь было все: и живое пламя, пожирающее даже стены; и молнии, переливающиеся всеми цветами радуги; и огонь Черной Бездны, где обитает Сет — владыка тьмы.

* * *

Поднял Гидалла руки к вечернему небу, потом раскинул их в стороны, над водами и землями, реками и ручьями, скалами и горами, равнинами и лесами.

Здесь и там — повсюду! — обитали братья его и сестры, такие же потомки Древних Богов; всех их молил Гидалла о помощи, просил поделиться частичкой своей силы. У неба и небесных светил испрашивал он сияние и блеск; у скал — несокрушимую крепость; у вод — подвижность и гибкость; у ветра — стремительную силу и жесткость; сам же он наделял творимую душу providческим даром. И откликнулись стихийные души, родичи Кузнеца — те, чьи имена исчезли, канули в Вечность после Великой Катастрофы. И наделили они Рана Риорду просимым. И творил Кузнец, сгорбившись над творением своим, заклятия страшные и тайные. Пробуждая же дух Рана Риорды, пролил Гидалла каплю крови из пальца своего — и молвил:

— Отныне и впредь будешь ты узнавать мою кровь, мою плоть, и руку моих потомков. Ты не предашь их, ибо карой станет развоплощение и гибель. Ты не покинешь род Южного Ветра, ибо жизнь твоя будет зависеть от сыновей моих, внуков и правнуков — только они дадут тебе то, чего ты жаждешь. Предсказывая, ты не обманешь, сражаясь, не подведешь. Попав же к чужим, ты будешь убивать, убивать, и убивать! Убивать, пока не вернешься к роду моему и племени, в руки того, кто окажется старшим из моих потомков. Он насытит тебя, он тебя успокоит! Он повелит, и ты исполнишь.

Так сказал Кузнец Гидалла — прародитель клана Южного Ветра. И так родилась Рана Риорда — кому на радость, кому на погибель.

* * *

В мире на данный момент существовало две Рана Риорды. Одна только начинала свой путь на юго-восток, к землям дальнего континента. А другая находилась сейчас в Файоне, в руках потомка прародителя Гидаллы, пускай не старшего, но неприкосновенного, по праву рождения — того, кого и была призвана охранять Рана Риорда.

Не только рубить врагов могла Небесная Секира, и не только провидеть для потомков кузнеца, ее Создателя. Владела она и магией — злой, страшной, древней — неподвластной жалким смертным. Магией стихийных духов, потомков Древних Богов.

Топор в руках Конана ожил и, вырвавшись из рук киммерийца, взлетел вверх. Вися в воздухе, секира принялась быстро вращаться.

Губительное пламя, насланное совокупной магией всех жрецов Сета, обитающих в Файоне, впиталось в Рана Риорду без остатка, сделав ее только сильнее и могущественнее. Вращающаяся Рорта накалилась, став багровой, и в воздухе материализовался дух секиры — точная копия киммерийца. Он подхватил топор в руку и, нацелив острие секиры на жрецов, выпустил накопившуюся мощь, добавив к ней свои собственные заклятия. Полыхнуло так, что Конан зажмурился. А в этот миг по коридорам Файона неслась огненная лавина, выжигая все живое, что попадалось ей на пути. Гибли жрецы, устраивающие засады; гибли воины, разбежавшиеся по углам, точно крысы; гибли ни в чем не повинные рабы, живущие на нижних этажах; гибли даже призраки, населяющие крепость со дня ее основания.

— Все кончено, потомок Гидаллы, — проскрипел дух Рорты. — Теперь тебе не придется вылавливать крыс, забившихся по углам. Мы можем отправляться в сокровищницу.

— Давно пора, — хмыкнул варвар, в глубине души поразившийся возросшему могуществу Небесной Секиры.

* * *

— Выродки, и дети выродков, Нергал и Сет их подери. Да, чтоб они провалились в самую глубо-

кую выгребную яму Шадизара. — неистовствовал Конан, рубя все, что попадалось ему на глаза. — Пожри все их племя кутубы!

— Так именно этим Шапшум сейчас и занимается, — не вовремя напомнила Рана Риорда.

Поток оскорблений тут же перекинулся на нее.

— Будь проклят тот день, когда я связался с тобой, трухлявое топориче. Чтоб глаза мои тебя не видели, Хануманово отродье. Пусть Кром лишит тебя остроты и крепости. Проклятое творение проклятого Гидаллы.

— Не хули Кузнеца, Конан. Ведь он твой предок.

— Да пропади он пропадом, этот предок. Ковать не умеет, а все туда же. Тоже мне, кузнец выискался.

— Отплачу, отплачу, — передразнил он призрака. — Где золото, Сетово отродье? Где драгоценности, ошметок Нергала? Отвечай!

Они спустились в сокровищницу Файона, но отыскали там только несколько сундуков, наполненных золотом. Но Конан-то надеялся увидеть куда больше. Он рассчитывал на королевский куш, а не жалкую горстку монет.

— Успокойся, потомок Гидаллы. Ну, бывает. Что тебе так не нравится? Получив в Базре только шесть золотых, ты не посчитал зазорным взять их себе. А тут целых три сундука.

Еще этой ночью, ты висел в цепях, и почти голый. И только за одну ночь ты успел совершить увлекательное путешествие; вернуться и отом-

стить пленившим тебя. Что еще тебе надо? Горы золота и серебра? Так возьми их. У нас с тобой впереди еще месяц. Неужто на этом свете нет больше сокровищниц, которые можно разорить?

Рорта была, конечно же, права, но Конану хотелось чего-то большего, нежели три сундука.

Он глубоко вздохнул и стал успокаиваться.

Конечно, варвар желал и богатств, и славы, но на деле все это было только далекой целью, а Конана больше волновал путь к ним. Ведь недаром все богатства и почести проскальзывали меж его пальцев. Просто он никогда не держался за них. Киммерийцем двигала неистребимая тяга к авантюрам и желание — повидать весь мир.

Бороздить океаны и врубаться в заросли джунглей, в поисках забытых городов, где все еще жили позабытые божки и прочая нечисть.

Но самое главное — свобода! Вот что отличало варвара от остальных людей. Вот чего он жаждал более всего. Свободы! Идти туда, куда влекло сердце. Делать то, что просила душа. Именно в этом заключалась вся его сущность.

— Ладно, Рорта, Нергал с тобой. Берем это, раз ничего другого тут нет. И впрямь, не сидеть же здесь остаток жизни.

Конан пнул один из сундуков ногой, и тут внутри что-то зашевелилось. Варвар наставил острие секиры на вздымающуюся грудку монет и стал ждать.

— Кром, что бы это могло быть? — подумал он, прикидывая, не проткнуть ли тварь прямо сейчас.

— Неужто какое-нибудь Сетово отродье, сторожащее сокровищницу? Золота здесь мало, а они все равно стража оставили...

Но это оказался не демон. И даже не страж. Из груды монет появилась сморщенная голова, которая, увидев могучего варвара, застыла, а затем, закатив глаза, откинулась назад.

— Вот ведь старый сморчок, сознание потерял. Теперь жди, когда оправится...

Не желая, чтобы его золото поганил какой-то урод, Конан выдернул старика за шкурку и, удерживая перед собой, громко рывкнул:

— Ты кто? А ну отвечай, пока не вытряс твою поганую душонку из тела. Тряхну так, что вмиг на Серых Равнинах окажешься!

Для достоверности, он и впрямь встряхнул человечка, да так, что из его карманов на пол посыпались перья и выпала баночка чернил.

— Клянусь Кромом! Это какой-нибудь местный писака, чинуша, марающий пергамент заумными словами!

Человечек открыл глаза, но, увидев Конана, попытался снова потерять сознание.

— Только попробуй! — рывкнул варвар. — Вмиг к Сету отправлю.

Взяв себя в руки, писец что-то замычал.

— Что? — рывкнул киммериец. — Четче говори.

— Я Арга, господин, — затараторил тот. — Седьмой писец третьей канцелярии тайного совета при одиннадцатом....

— Довольно, — оборвал его варвар. — Понял

уже, что никчемное существо. Здесь что делаешь?

— Я, господин?

— Ну, не я же, слизняк осклизлый! — Конан начал наливаясь злобой, и писец заговорил быстрее.

— Я должен был подсчитать выплаты солдатам, о повелитель мира. А когда поднялся шум, я спрятался.

При этом он умудрился сложиться почти вдвое.

— Так это — солдатская казна, — догадался Конан. — Ну, а где же тогда сокровищница жрецов? Отвечай, гнида. Знаешь, или нет?

Человечек закивал.

— Я отведам, господин. Отведу.

— Конечно, отведешь. Куда ты денешься? А теперь вперед, ящерица книжная. И не вздумай юлить, а то мигом дух выбью!

И для убедительности Конан поднес к его лицу могучий кулак. Вид покрытой шрамами руки, размером превосходящей его голову, привел Аргу в мистический ужас. Он и представить себе не мог чего-нибудь подобного. Пожалуй, пригрози Конан топором, эффект был бы куда меньше.

Писец закивал и, нервно облизывая губы, засеменял к выходу.

— Что, Рорта, никудышный из тебя провидец, — усмехнулся Конан. — Золота не можешь отыскать. А оно под носом.

Рана Риорда только рассмеялась. В ее голосе слышалась насмешка.

Следуя за человечком, Конан спускался все ниже и ниже. Наконец они достигли пустой комнаты, и варвар выругался.

— Эй, сморчок старый, ты куда меня завел?

— Здесь, господин. Здесь, великий, — поклонился старик. — Прямо перед тобой.

— Хватит поклоны отбивать. Толком говори.

— Там, за стеной, сокровищница самого Амма-мун-Пха.

Кто это такой, киммериец не знал, да и знать не хотел. Он просто размахнулся Рортой, да и снес часть кладки. Дождавшись, когда пыль уляжется, варвар шагнул внутрь. Но уже через мгновение он вылетел вон и, ухватив писца, стал его трясти, что есть сил.

— Ах ты, гниль стигийская! Издеваться вздумал? Да я тебя голыми руками пополам порву. Тварь проклятая! Куда завел? Отвечай, пока по стене не размазал!

— Э-э-это, с-с-сокровищница, — заикаясь, ответил тот. — С-с-самого...

— Удавлю, — прохрипел Конан.

В потайной комнатке лежали древние книги, свитки и фолианты. Но ни золота, ни драгоценных камней там не было.

— Удавлю! — продолжал реветь киммериец, и его крик более всего походил на рык огромного медведя.

Служка рухнул на колени и уткнулся лицом в пол.

— Не убивай, господин. Не убивай! Я привел тебя в самую тайную сокровищницу Амманум-

нум Пха. Здесь собраны книги, которых нет даже у Тот Амона!

От ярости варвар побагровел и стал выглядеть еще ужасней.

— Да, плевал я на твоего Тот Амона, на Амма-мун-Пха, а также на все книги мира, в придачу. Мне драгоценности нужны: алмазы, рубины, изумруды. На худой конец, подойдет и золото.

Конан со всего размаха опустил Небесную Секиру на пол, отчего по нему побежали трещины. Но этого варвару показалось мало, и он рубанул стену. Затем еще раз, и еще. С потолка полетели огромные глыбы, а стены хранилища, стали осыпаться, грозя в любой момент обрушиться.

— Похоже, пора убираться отсюда, — решил он, поняв, что несколько переборщил.

Он бросился к выходу, но тут заметил, что писец так и остался стоять на коленях посреди зала.

— Нергал его заberi, — выругался киммериец и, бросившись назад, схватил старика за пояс. Тот так и мотался из стороны в сторону, пока Конан нес его, удерживая одной рукой.

В этот момент две башни Файона рухнули, и крепость содрогнулась до самого основания.

Поняв, что солдатская казна оказалась погребена под завалом из камней, Конан страшно заревел.

Он вновь взялся за писца, которого винил во всех своих злоключениях.

Того мотало из стороны в сторону, но, наконец, лязгая зубами, он смог выдавить:

— Золото...
— Что — «золото», собачий потрох?
— Все расскажу, владыка! Только пощади...
— Говори. Ну, живо. — И варвар бросил писца на землю.

— Все расскажу, господин! Все! Нет злата в этой крепости. Но я знаю, где оно есть...

Писец продолжал причитать, уткнувшись лбом в пол, но варвар прервал его.

— Ладно, говори. Да только рожу приподними, а то тебя толком и не слышно.

Стигиец чуть-чуть выпрямился, но подняться с колен не решился.

— Два дня назад правитель крепости Файон...

— Бывшей крепости, — поправил его Конан.
— Вот все, что от нее осталось. — И он поддел ногой обломок стены.

— Бывшей крепости, — быстро поправился писец. — Чародей Аммамунм-Пха, увидел тебя со стены и велел схватить. Узнав же в тебе, о, покоритель мира, капитана по имени Амра, он велел замуровать тебя в подземелье. И оставить там умирать от голода и жажды.

Конан пообещал себе, что при встрече с человеком по имени Аммамунм-Пха, снесет ему голову без лишних разговоров. Но для ясности решил все же уточнить:

— А где он сейчас, этот Аммамунм?

— О, тигр северных гор! То великая тайна, известная лишь немногим в этой крепости.

Конан многозначительно огляделся вокруг.

— Думаю, что теперь только тебе. Остальные,

такие же умные и знающие, как ты, уже давно в желудке у кутуба. И клянусь Кромом, ты присоединишься к ним, если и дальше будешь испытывать мое терпение.

— Чародей уже довольно давно недоволен своим положением в иерархии Черного Круга, а потому он составил заговор супротив самого Тот Амона.

— Так он захотел сесть на его место, — догадался Конан. — Так и говори.

— Да, владыка знаний. Ты как всегда прав. Но чародею Аммамунм-Пха, пока что не хватает ни сил, ни богатства, дабы снарядить армию и заполучить на свою сторону соратников.

— Насчет богатств, это я уже заметил, — ухмыльнулся варвар.

Служка часто закивал.

— Великий Тот Амон, как глава колдовского ордена, захватил все. Ну, или почти все. Сокровищницы его ломятся от бесчисленных сундуков с сокровищами. А молельни до отказа заполнены колдовскими амулетами и фетишами.

Но Аммамунм-Пха, отыскав эту библиотеку, почерпнул из нее много тайнств.

— Осталось только денег подкопить, — хмыкнул варвар.

— Верно, верно, господин. И именно для этого снарядил он галеру, коя сейчас плывет на остров колдуна Сиптаха.

— Ну, и?..

— В древних манускриптах сказано, что Сиптах достиг необычайных высот в темном искусст-

ве магии. Он собрал несметное количество сокровищ со всего мира, главным из которых был магический кристалл размером с куриное яйцо.

Конан прикинул, за сколько бы он мог продать такой камешек на черном рынке Арэнджуна, и у него закружилась голова.

— Так что ты там говорил о несметных сокровищах? — подбодрил он службу своим рыком.

— Да, да. Сокровища, воистину несметные, подтвердил писец. — И именно за ними отплыл Аммамунм-Пха.

Киммериец зло осклабился.

— Так, говоришь, это он, приказал заточить меня в темницу.

— Да, Владыка Мира, именно он. А затем немедленно отправился в путь.

— Два дня назад, — прикинул Конан. При попутном ветре (а в том, что он будет сопровождать чародея, варвар не сомневался), тот не сегодня — завтра достигнет устья Стикса и выйдет в море.

— Ну-ну, еще посмотрим, кто кого, — решил киммериец. — Как узнать его корабль?

— Очень просто, господин. У чародея Аммамунм-Пха алые паруса, с изображением змея, пожирающего око Ра.

— Ясно. А теперь можешь проваливать.

Служка вскочил с коленей и бросился бежать так быстро, что варвар даже не успел предупредить его о кутубе.

— Ну, и Сет с ним, — решил Конан. — Шакалу шакалья смерть.

Затем он смерил долгим и пристальным взглядом завал, где остались три сундука с золотом, и, махнув рукой, направился к выходу.

— Рорта, похоже, что нам предстоит еще одно небольшое странствие.

Дух секиры тотчас же материализовался рядом с Конаном.

— Ты хочешь нагнать этого жреца, — поинтересовался он.

— Верно. А также отдать тебе кровь этого слизня. Возможно, он и не имел причастности к твоему пленению, но к моему уж точно имел. Так что не жить этой твари на белом свете.

— Кровь — это хорошо, — облизнулся призрак. — Это очень хорошо. Но я бы мог...

— Позже, Рорта, позже. Лучше скажи, ты сможешь перенести нас на галеру?

— Нет, потомок Гидаллы. Для сохранения Великого Равновесия я перенес тебя сюда. Помнишь — если взято в одном месте, то оно должно вернуться туда же. Если сейчас я перенесу тебя в иное место, то Равновесие вновь пошатнется. Но я бы мог...

— Кром с тобой, Рорта. Нет, так нет. Придется опять потрясти этого волосатого бурдюка.

— Но, Конан, — дух вновь принялся за свое. — Я бы вполне мог...

— Все, Рорта. Заткнись, — отрезал варвар и быстро побежал наверх.

Рана Риорда так и не успела досказать, что она вполне могла бы расчистить проход к заваленной казне.

Конан выскочил в главный зал и увидел Шапшума, доедающего того самого служку.

Узрев киммерийца, кутуб изобразил злобную гримасу, очевидно, обозначающую улыбку.

— Господин, я все сделал. Всех переловил. Вкусные людишки убежали недалеко. Только вот многие здесь забились в норы. А Шапшум туда не влезает.

— Не беда. Их, скорее всего, завалило.

— Шапшум этого не делал, — прорычал кутуб. — Шапшум не рушил башни.

— Это я, — отозвался Конан, и для наглядности выбил еще несколько блоков торцом секиры.

Кутуб благоговейно поклонился.

— Господин — великий воин и маг. Шапшум готов ему служить.

— Это хорошо. Так как тебе придется отнести меня еще в одно место.

— Какое? — удивился кутуб. — Разве господин не может сам отправиться туда?

— Значит, не может, — зло отрезал варвар. — А место это называется островом Сиптах. В море, к западу от Стигии.

— Господин, — жалобно запричитал великан. — Шапшуму нельзя в море. Это далеко, Шапшум не выдержит.

— Слушай меня, вонючая отбивная. Только что тот червь, которого ты сейчас жрешь, рассказывал мне, что жрец, пленивший тебя, плывет на этот самый остров. А когда он вернется, кого, по-твоему, он станет искать?

— Нас, — чуть подумав, ответил кутуб.

— Верно. А значит, его надо догнать и выпотрошить, как рыбу. Ясно?

— Да, господин. Но Шапшум все равно не долетит туда. Не сможет.

— Трезубец Нергала тебе в задницу, — взъярился варвар и потряс Рана Риордой.

Кутуб отскочил, как ужаленный, но от своего не отступил.

— Шапшум не сможет. У него не хватит сил.

— Видимо, не врет, — понял киммериец, увидев страх в его глазах. — Проклятье на твою голову!

Варвар в сердцах снес толстенную колонну.

— Слушай меня, пожиратель падали, и не спорь. Донесешь до Кеми. А там лети на все четыре стороны.

Кутубу ничего не оставалось делать, кроме как согласиться.

Он с грустью посмотрел на разбросанные по залу куски мяса. Больше всего на свете Шапшум хотел от души наестся и завалиться спать недели на две, а то и на три. Но делать было нечего, и он покорился.

Они выбрались из замка, или того, что от него осталось, и только тут Конан понял, что они неистовствовали почти целый день. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая Стикс багряными красками.

— Эй, волосатая задница, — гаркнул варвар на ухо летящему кутубу. — Держись центра реки! Авось, и подвернется подходящая лоханка.

Шапшум тут же выполнил приказ. Кутуба

вполне устраивало, коли странный человек не погонит его до Кеми.

В свой прошлый полет на плечах у кутуба Конан большую часть времени проспал, восстанавливая силы. Теперь же он всматривался в ночь, пытаясь отыскать подходящее судно.

А те мелькали внизу непрекращающейся чередой. Кутуб летел куда быстрее, нежели суда плыли при попутном ветре.

По большей части, то были купеческие баржи, перевозящие людей и ценный груз. Но варвар высматривал отнюдь не их. Он искал галеру. Не тяжеловесную военную, наполненную солдатами и жрецами, а легкую и маневренную, на коих плавали пираты.

Они уже миновали Кеми, город черных стен, где жили лишь жрецы Сета и куда вход простым смертным был заказан, а подходящего судна, все еще не попадалось. Конан уже слышал тяжелое дыхание кутуба, который и впрямь держался из последних сил. Видимо, недавний полет в Иранистан, возвращение обратно и нынешнее путешествие окончательно его истощили.

И в этот момент киммериец увидел то, что так долго выискивал в ночи. Легкий, стремительный корабль с небольшой осадкой плавно мчался на запад, словно желая поскорее оказаться среди морских просторов.

— Эй, Шапшум, опускайся! — приказал варвар, присовокупив к этому хороший пинок ногой.

Кутуб снизился и полетел вровень с галерой.

— То, что надо, — решил киммериец и легко спрыгнул на палубу.

По кораблю пронесся его гортанный боевой клич. Матросы, так плохо несшие вахту, поплатились за нерадивость первыми. Впрочем, Конан не жалел о них. Ему были ни к чему лентяи и лодыри.

Первые несколько ударов расчистили перед ним пустое пространство, и варвар громко закричал:

— Ну, черви! Кто ваш капитан?

Толпа раздвинулась, и вперед вышел дородный воин с бычьим закриком.

— Я капитан, — спокойно произнес он, рассматривая в упор наглеца.

— Ты ошибаешься, — ответил варвар и единым взмахом перерубил его толстую шею.

— Теперь я капитан! — громогласно объявил Конан. — Всем ясно, недоноски?

Естественно, тут же нашлись недовольные. С десяток воинов шагнули вперед, и варвар громко крикнул:

— Эй, Шапшум! Не хочешь ли подкрепиться перед обратным полетом?

Над палубой мелькнула гигантская рука, и тут же сгребла полдюжины моряков. Остальные попытались скрыться в толпе, но Конан не нуждался и в бунтарях.

Он просто прыгнул вперед и обрушил на них Рана Риорду.

Само собой, гибли и невинные, но это было так, по ходу жизни...

Когда Рорта насытилась и перестала требовать крови, киммериец воткнул ее в палубу.

— Итак, — громко рявкнул он. — Повторите, кто теперь ваш капитан?

— Ты, — донесся до него нестройный хор голосов.

Варвару этого показалось мало, и он, шагнув вперед, проткнул одного из тех, кто так и не соизволил раскрыть рта.

— Еще раз!

— Ты — наш капитан! — пронеслось по палубе.

— Уже лучше, — похвалил варвар и, неожиданно вспомнив сердара Таглура, заговорил, копируя его:

— Ну, соколы мои, свиньи недорезанные, теперь перейдем к делу. Ответьте-ка мне, brave псы морей, почему я оказался на этой посудине, не годящейся, даже для плавания в луже конской мочи?

Не дождавшись ответа, Конан плотоядно улыбнулся.

— Да потому что вы, храбрецы, смердящие потомки гиен, не выставили должной охраны. Но не бойтесь, великие воины Хайбории, теперь все изменится. Я лично поведу вас вперед, и вы, мерзкая помесь свиней и жаб, научитесь настоящему порядку. А после, если вас, конечно, не убьют враги, а то и я сам, вы обретете богатство и славу!

Конана понесло. Он, довольный тем, что в его подчинении оказалась почти сотня отборных го-

ловорезов, уже выстроил план, как обхитрить наглого жреца.

Взгляд варвара скользил по бандитским рожам моряков, и он понял, что не ошибся в своем выборе.

Похоже, что здесь собрались бойцы, со всех концов света. Были тут и узкоплечие гибкие иранистанцы, и жилистые туранцы, похожие на первых, как две капли воды. Возвышались могучие чернокожие дикари, что сверкали белыми зубами и поигрывали чудовищными мышцами. Хитро шурились смуглые шемиты...

После того, как Конан подробно разъяснил новые правила на корабле, он спросил:

— Где первый помощник прежнего капитана?

Моряки замаялись, пока один из них, высокий зембабиец, не ответил:

— Ты только что прикончил его, мой капитан.

— Ну, и ладно. Все одно, небось, дерьмом был. Теперь помощником будешь ты. Как звать?

— Мкванга, мой капитан.

Зембабиец говорил на смеси стигийского и шемитского языков, так что варвар без труда понимал его. Он и сам владел этим наречием наемников, которое включало в себя еще и обрывки туранской речи.

— Что ж, Рорта, — хмыкнул Конан, оставшись один в своей новой каюте. — К тому времени, когда тебя коснется старший из воинов Южного Ветра, ты успеешь напиться крови по самую ручьячку...

Глава вторая

Отлично! Право руля! — скомандовал высокий человек в черной хламиде. Крепкий, хорошо сложенный человек поклонился жрецу и бросился исполнять его приказание.

Галера изменила курс и вскоре пришвартовалась близ небольшого городка, что во множестве были разбросаны по берегу Стикса со стороны Шема.

Формально, все эти земли принадлежали Стигии. Но на деле, границей между Стигией и Шемом служила река. И как ни старались слуги Сета, но изменить положения они так и не смогли.

Тысячи городков вырастали вокруг крупных рынков, куда устремлялись торговцы и контрабандисты со всей Хайбории. Здесь можно было найти все: непревзойденное оружие, выкованное варварами-северянами; тонкие шелка Офира, проходящие сквозь небольшие золотые кольца;

тонкие вина Пуантена, ценимые во всей Хайбории; невиданные украшения, привезенные из Заморы, и многое-многое другое, чего только может возжелать человек, конечно, при условии, что он сможет заплатить золотом.

Города пестрели людьми всех рас и национальностей.

По узким улочкам расхаживали вооруженные до зубов северяне в своих тяжелых доспехах. Эти изгои, ушедшие или изгнанные из своих кланов, были готовы продать свои мечи и секиры любому, кто больше заплатит. Изящные желтоволосые аквилонцы и немедийцы, чье искусство фехтования считалось одним из лучших на континенте. Жилистые туранцы и иранистанцы, более всего походящие на степных волков. Сабли этих кочевников разили без промаха, а удары были точны и смертельны. Плутоватые шемиты, по большей части, — воры или купцы. Или же содержатели караван-сараяв, где совершались любые сделки. Были тут и многие другие люди, промышляющие делами темными и нечистыми. Всех их объединяло одно качество — беспринципность. Их не волновала моральная сторона дела, зато все они были непревзойденными воинами. Ибо только такие могли выжить в подобных условиях. Их услуги стоили достаточно дорого, но они — *стоили* того.

В один из таких городков, и направил свои стопы Аммаунм-Пха, жрец второй ступени, и один из лучших магов во всей Стигии. Правда, мало кто об этом догадывался. В противном слу-

чае, его давно бы ждала страшная и мучительная смерть от яда.

Здесь жрец должен был встретиться с известным купцом по имени Иасаб. На деле, Иасаб занимался контрабандой черного лотоса, а также драгоценностей, которые он переправлял в Заморю. Или же, наоборот, покупал их там за бесценок, так как они были ворованными, а затем продавал в Шеме втридорога.

Сложившееся мнение о том, что купцы — это разжиревшие бурдюки, Иасаб опровергал по всем статьям. Он не только был хорошо развитым атлетом, с мощными плечами кузнеца, но и отменно владел ятаганом. Купец ездил только на быстрых скакунах, не признавая медленных верблюдов, и уж тем более паланкинов.

Знакомство Иасаба и Аммамунм-Пха произошло в тот день, когда купец, переправляясь через Стикс, попался на контрабанде серого лотоса, используемого в Замоге как дурманный порошок. Жрец не стал казнить его, как должен был бы поступить, а заключил с ним сделку. Ведь таким образом он получал дополнительный приток золота, в котором столь сильно нуждался. Иасаб же, в свою очередь, переправлял теперь через реку огромное количество лотоса, не опасаясь быть пойманным.

— Пожалуй, — решил Аммамунм-Пха, — надо потребовать долю побольше.

С каждым днем, жрец Сета становился все более алчным. Близость желанной цели, ослепляла его.

Распахнув дверь, волшебник вошел в одну из таверн и, бросив толстому кабатчику золотой, произнес нужный пароль. Иасаб постоянно менял места встреч, что очень раздражало Аммамунм-Пха, хотя он понимал, что предосторожности никогда не бывают лишними.

Жирный хозяин, на удивление стремительно поднявшийся по лестнице, отвел жреца к нужной комнате. После чего приоткрыл дверь и с поклоном пропустил слугу Сета вперед. Аммамунм-Пха, привыкший к преклонению обитателей Файона, даже не посмотрел на жирного кабатчика, а тот, шагнув следом, опустил на голову жреца тяжелую дубинку.

Тьма еще не застила глаза Аммамунм-Пха, а потому он успел увидеть мелькнувшую в воздухе серебряную молнию.

— Зебах, закрой дверь, — коротко бросил Иасаб.

Кабатчик выполнил приказ, после чего насмешливо пнул голову мага.

— Я уж боялся, что он успеет применить магию, — но моя подружка сработала как всегда безотказно.

И Зебах нежно погладил чугунную палицу с залитым внутри свинцом. Он никогда не расставался с ней и бережно носил под фартуком.

Иасаб молча кивнул.

— Может, не стоило убивать его? — спросил Зебах. — Все же Файон был неплохим местом для переправки товара.

— Он стал требовать слишком много. Вот и

поплатился. К тому же мест, где можно незаметно пересечь Стикс, куда больше, нежели он думал. Я отыскал одно такое, вот и результат.

Кабатчик согласно кивнул.

— Теперь вот что, — продолжил купец. — Сейчас я уезжаю. А ты, как обычно, избавься от тела, а затем жди караван из Заморы. Он должен прийти через пол-луны. Драгоценности ворованные, так что продай их поаккуратнее, но не продешеви. Они стоят того, чтобы рискнуть.

— Как всегда, — кивнул Зебах.

Купец спустился вниз и вышел через черный вход. Зебах же, постояв немного, пошел в общий зал, где его еще ждала работа.

А колдун, мнящий себя властелином мира и властителем чужих судеб, остался лежать на полу, завернутый в грязную ветошь.

Зебах оглядел дымный зал и остался доволен. Громадный кушит Юма с легкостью справлялся с порученной работой. Везде царил порядок и спокойствие. Конечно, Юма был туповатым малым, зато отличался огромной силой. Его звероподобный вид мог испугать любого. А те, кто все же начинал потасовку, очень быстро убеждались, что делать этого не стоило. Кушит с легкостью выкидывал их за дверь, не забывая при этом переломать парочку костей и обчистить карманы. Больше всего на свете Юма любил драться, есть и пользоваться женщинами. Шлюхи, промышлявшие в заведение Зебаха и платившие ему за это, вынуждены были еще и обслуживать кушита. Но делать было нечего, и они подчинялись. Особенно

если учесть, что Юма не раз вытаскивал их из различных переделок.

В этот момент за одним из столов как раз разгорелась перепалка, и кушит, не дожидаясь, когда она перерастет в потасовку, устремился вперед. Его громадный кулак с треском впечатался в стол, и народ разом попритих.

Один из моряков схватился было за нож, но кабатчик опередил его. Чугунная дубинка опустилась на руку, и кость с хрустом сломалась.

— Дожирайте, и выметайтесь! — рыкнул Зебах. Он грозно посмотрел на притихших матросов, которые, оценив обоих противников, решили не связываться с ними.

Огромный, черный, как ночь, кушит мог испугать кого угодно. А сам Зебах, хоть и растолстел сверх меры за последние годы, тоже не казался слабаком.

Набитые кулаки и сплюснутые уши выдавали в нем кулачного бойца, коим он и был в недавнем прошлом. А короткая дубинка в его лапах казалась весьма убедительным аргументом, чтобы вмиг потерять аппетит. Быстро собравшись, компания убралась вон, поддерживая своего раненого товарища.

Оставшийся вечер прошел довольно спокойно.

Уже далеко за полночь, когда Зебах подсчитывал прибыль, в дверь заколотили, точно тараном.

— Кого там Сет принес, — проворчал кабатчик, убирая деньги под прилавок. Он неспешно подошел к входной двери, где его уже поджидал

Юма. Кушит был только в пабедренной повязке, зато в его руках красовалась шиная булава.

Это оружие, почти неизвестное в цивилизованных странах, на деле, было крайне эффективным, в чем Зебах не раз убеждался. Длинные каленные шипы с легкостью разносили в клочья дубовые двери и сминали, как пергамент, стальные латы. Чего уж говорить о головах воров, что иной раз пробирались в таверну, наживы ради. Потом этих бедняг приходилось соскребать со стен.

— Замкнито! — гаркнул он через дверь. — Тут вам не постоялый двор. Комнат нет.

Стук, однако, не прекратился.

Зебах раскрыв дверь и увидел на пороге громадного варвара с заткнутой за пояс секирой.

— Замкнито, — рявкнул он вновь, но тому было абсолютно наплевать. Желтоволосый и желтобородый гигант с легкостью отодвинул тяжеленного трактирщика в сторону и вошел внутрь. Следом за ним в трактир шагнул стигиец.

По его богатой одежде и золоченым доспехам Зебах наметанным глазом определил, что это некая высокопоставленная особа из Кемии. Гнать такого прочь было опасно, а потому кабатчик, поклонившись, насколько позволял живот, произнес:

— Добро пожаловать, господин.

Угодливая улыбка далась с некоторым усилием. Сразу же вспомнился убитый жрец, что так и остался лежать наверху.

* * *

Рамон, как и обычно, был доволен. Он уже давно привык, что его принимали за аристократа. Что было неудивительно, при его внешности. Рамон был высок и хорош собой. Золотистая кожа, более светлая, нежели у остальных стигийцев, говорила о знатном происхождении. Тонкий с горбинкой нос удачно сочетался с благородным овалом лица и изящно завитой бородкой.

Дополняли картину обилие щелков и золота. Огромное количество украшений красовались на шее, в ушах и на холеных пальцах стигийца.

Довершал же весь этот внешний лоск взгляд Рамона. Темный, завораживающий, повелительный.

На самом деле, от рождения Рамон был плебеем. А оттого ему льстило угодливое внимание других. Сирота от рождения, он не знал своей семьи, да и не стремился к этому. Еще в младенчестве попав к жрецам Сета, Рамон приобрел пренебрежительное отношение к кровным узам.

Жизнь в храме тяжела, а потому, пройдя первую ступень обучения, что включала в себя начальные азы магии, умение читать и считать, а также знание языков, он понял, что люди созданы для того, чтобы повелевать ими.

Тогда же сметливый юноша понял, что не хочет тратить свою жизнь на служение Сету. Правда, понял он и то, что выжить в мире, где все ненавидят Стигию будет нелегко. А потому его выбор пал на секту воинов-жрецов, которых, кроме

всего прочего, обучали владению оружием, а также тактике и стратегии воинского искусства.

Юноша так сильно увлекся этими науками, что довольно быстро обратил на себя внимание строгих учителей. Те пророчили ему славу и известность, но Рамон посмеивался над ними тайком. Он не собирался служить Сету, а уж тем более — погибнуть за него. Воины-жрецы были известны тем, что вели за собой войска и зачастую гибли на полях сражений. Выполняли они и иные секретные миссии; правда, и на них Рамону было наплевать. Он жаждал жить ради самого себя. Что и воплотил в жизнь, как только подвернулся удачный случай.

Молодые офицеры должны были сдать некое подобие экзамена, отправившись в Дарфар за рабами.

Именно там, цинично бросив на погибель свой отряд, он бежал. Смерть воинов помогла скрыть его побег, так как все посчитали, что и он попал в плен к людоедам, где и превратился в отличный ужин.

Но все было совсем по-другому. Миновав Кешан и Пунт, пятнадцатилетний юноша попал в Иранистан. Быстро поняв, что люди, подавленные его силой воли и блеском учености, охотно подчиняются ему, Рамон сколотил банду и стал разбойником.

После долгих лет аскетизма, он жаждал познать все прелести мира. И вскоре познал их.

Изучив по свиткам карты всех государств и их обычаи, Рамон теперь странствовал по миру,

оставляя за собой целый шлейф убийств, краж и измен.

Стоило только появиться какой-нибудь опасности, как Рамон тут же бежал, бросая своих не очень умелых и не очень умных напарников на произвол судьбы. Учесть же оных, после их страшных преступлений, была одна — смерть. А Рамон мчался дальше, свободный, как ветер. Еще в Стигии он научился ни к кому не привязываться и никому не доверять. А потому был неуязвим для властей, которые охотились за ним, но безуспешно. После него всегда оставалось море слухов, которые еще больше запутывали картину, а также очень мало свидетелей... Рамон старался не оставлять их в живых, впрочем, как и своих поделщиков.

Сам же стигиец, прошедший столько лет среди жрецов, с легкостью бросал награбленное, если оно угрожало его жизни. Ведь именно из-за того, что золото так часто пленит людей, они не могут вовремя сбежать, думая, что все обойдется и остальные забудут об их преступлениях.

* * *

Рамон сел за стол.

— Золотого стигийского, — произнес он тоном истинного знатока и ценителя вин.

Кабатчик поклонился и бросился в подвал, где у него хранился лед. Эту редчайшую вещь доставляли откуда-то из-за Турана, из самой тундры. Лед использовался редко, но порой в его та-

верну забредали такие вот богатеи, так что затраты стоили того. На лед, конечно же, было наложено заклятие, чтобы он не таял, но и это того стоило. Все окупится сторицей. Ведь в платежеспособности стигийца Зебах не сомневался. Достаточно было взглянуть на его одежду...

Пока кабатчик бегал за вином, Рамон успел оглядеться. Таверна, в которую его занесла судьба, была довольно обычным заведением. Ему и самому доводилось держать такие.

Еще каких-то три месяца назад он был хозяином самого большого караван-сарая, в местечке под названием Ардан. Маленький городок расположился на одном из горных перевалов и служил перевалочным пунктом для контрабандистов, что промышляли на границе Турана. Эти люди, нелегально переправляющие ценные грузы, были охочи до кровавых зрелищ.

И тут-то Рамон развернулся как следует. Бывший жрец, хорошо разбирающийся в снадобьях, стал накачивать бойцов порошком пурпурного лотоса. Да так, что те переставали чувствовать боль, даже от самых страшных ран. Деньги потекли к нему рекой, но однажды правда всплыла наружу. Стигийцу пришлось бежать, но он сумел отомстить.

Бандитский городок, давно разыскиваемый властями, в одно прекрасное утро оказался окружен отборной кавалерией Турана. И привел их именно Рамон, которого за это по-царски наградили. Лучшей же наградой была казнь большей части населения Ардана, в то время как Рамон

попивал вино, с улыбкой любуясь на это зрелище. Тех же, кого не повесили, заковали в цепи и под конвоем отправили в Султанапур, где их, скорее всего, приговорили к каторге.

И вот он оказался здесь. Золото, полученное от властей, уже заканчивалось, и Рамон прикидывал, чем бы ему заняться. Близкое расположение Стикса манило речным пиратством, и эта идея казалась стигийцу наиболее подходящей.

Он с интересом посмотрел на кушита и асира. Оба с вызовом разглядывали друг друга, так и норовя пустить в ход оружие. Шальная мысль пронеслась в голове южанина. А может, устроить небольшой бой? Рамон никогда не упускал денег, что плыли к нему в руки. И какая разница, сколько это будет: тысяча золотых, или только десяток.

Когда хозяин таверны принес вино, Рамон жестом пригласил его присесть.

— Я вижу, дорогой хозяин, что у тебя прекрасный охранник. Но так ли он хорош, как выглядит? Может, проверим?

Зебах, тут же поняв, о чем идет речь, кивнул.

— Почему бы и нет, благородный господин. Твой боец неплох, но я все одно ставлю на Юму. Пятьдесят золотых? — предложил кабатчик.

Стигиец поморщился. Он снял с пояса тугой кошель и бросил на стол. На вид, в нем было никак не меньше трех сотен золотых.

Зебах, глядя на богато одетого незнакомца, не мог и подумать, что кошель в основном набит медью.

Рамон же ничуть не волновался. Коли он выиграет, то правда никогда не раскроется. А коли проиграет, то все одно, успеет сбежать.

— Я готов ответить, — вымолвил Зебах.

Он был уверен в победе Юмы, так как не раз видел, как тот убивает людей голыми руками. Не учел он только одного: что кушит, живущий в таверне, имел дело с пьянчугами, пускай и довольно крепкими. В то время как Торн, варвар-асир, воевал во всех уголках Хайбории, и ему противостояли хорошо обученные солдаты.

Несмотря на то, что великанам не терпелось сцепиться, они все же отодвинули столы, освободив место в центре зала.

Теперь оба стояли друг напротив друга, и появилась возможность оценить обоих.

Дикари были примерно одного роста, но северянин был не в пример тяжелее. Особенно выделялись его широкие плечи и непомерно толстые руки. Кушит был повыше и полегче, зато явно быстрее.

Впрочем, Рамона это не волновало. Он знал, что Торн куда быстрее, нежели кажется. А его медвежья медлительность — всего лишь обман.

— С оружием, или без? — спросил Зебах.

Стигиец улыбнулся, обнажив ряд прямых и острых зубов.

— Что же это за бой — без оружия?

— Может, увеличим ставки? — жадность сделала кабатчика крайне неосмотрительным.

— Почему бы и нет, — ответил Рамон, снимая с пальца перстень с крупным изумрудом.

Зебах улыбнулся и кивнул кушиту, чтобы тот начинал.

В тот же миг Юма взмахнул своей чудовищной булавой и обрушил ее на голову Торна. Вернее в то место, где она только что была. Асир с легкостью увернулся, а затем нанес ответный удар. Удар секирой оказался лишь отвлекающим маневром. Следом за тѣпором, вперед вылетела его толстая нога, и кушит отлетел в угол.

Торн не спешил довершить свой триумф. Он и сам любил поиграть.

— Ну, кривоногая горилла, это все, на что ты способен? — прорычал Торн.

Кушит вскочил на ноги и бросился в бой. На этот раз на варвара посыпался целый град ударов, не все из которых он отбивал так легко, как первый. Великаны кружили по залу, до тех пор, пока Юма не толкнул скамью под ноги асиру. Торн с проклятием споткнулся и растянулся на полу во весь рост. Кушит победно заорал и обрушил на поверженного врага свою булаву. Торн успел откатиться в сторону, в то время как булава застряла в полу, вонзившись в него шипами. Весело хэкнув, варвар оттяпал кушиту кисть. Тот только и успел, что взвыть, а уже через мгновение Юма отлетел в дальний конец зала, получив мощный пинок под зад. Торн нечеловеческим усилием выдернул булаву из пола и, взяв ее в левую руку, размахнулся.

— Ну, что обезьянка, потанцуем? — спросил он посеревшего Юму. Тот попытался скрыться в глубине дома, но варвар не позволил ему сделать

этого. Тяжеленный стол, вылетевший точно из катапульты, врезался в спину убегающего негра. Тот перелетел через голову.

Торн скоро подбежал к упавшему врагу и пинками заставил его встать.

— Давай, давай, сволочь. Вставай.

Наконец, сын юга оказался на ногах, и северянин начал свою пытку. Удар сыпался за ударом, нанося кушиту страшные раны. Все его тело превратилось в кровавый кусок мяса, но Торну этого было мало. И уже через мгновение вторая кисть негра оказалась на полу.

— Ну что, нравится? — полюбопытствовал асир. — А так?

Шипастая булава опустилась на локоть и смяла его, как тонкий росток травы. То же самое случилось и с ногами.

Теперь, глядя на то, что лежало на полу, нельзя было сказать, что всего несколько минут назад это был пышущий здоровьем, крепкий человек.

Рамон довольно усмехнулся.

— Ну, вот. Мой боец оказался лучше. Пора платить.

Зебах продолжал тупо смотреть на то, что осталось от Юмы.

— Хозяин, — потряс его за плечо стигиец.

Тот, наконец, очнулся.

— Да, да. Сейчас. — Зебах, до сих пор не мог поверить, что такое могло произойти именно с ним. Одновременно потерять столько денег, и надежного слугу...

— Видимо, небеса отвернулись от меня, — подумал он, отдавая стигийцу деньги. Кабатчик и предположить не мог, насколько он близок к истине. Небеса, и впрямь отвернулись от него в тот день.

Торн, наконец, оставив в покое несчастного и уселся.

— Жрать давай, — рывкнул он, стукнув кулаком по столу.

Зебах опрометью кинулся обслуживать клиентов, думая о том, как бы побыстрее выставить их отсюда.

Стигиец же в этот самый момент пришел к выводу, что кабатчика стоит отпирать на тот свет и как следует поживиться его золотом. А оно, судя по всему, у того водилось.

Но перед этим осторожный Рамон решил проверить, есть ли кто-нибудь еще в этом гадюшнике. Он прочел нужное заклинание и стал всматриваться вдаль. В этот момент стены для него стали прозрачными, как хрусталь, и он смог рассмотреть весь дом. В одной из комнат спала дородная женщина.

— Жена, — решил Рамон, поморщившись.

Он-то предпочитал стройных и изящных красавиц, а никак не подобных коров с широкими бедрами и полными, точно арбузы, грудями. Хотя за его богатую приключениями жизнь ему доводилось спать с разными женщинами. Были среди них и сочные деревенские девицы.

Стигиец посмотрел дальше и чуть не вскрикнул, но не от неожиданности, а от радости. Он,

наконец, отыскал то, что, возможно, является началом нового приключения.

Наверху лежало обезглавленное тело мужчины, облаченного в жреческие одежды. Судя по всему, это был служитель Сета. Правда, Рамона это нисколько не тронуло, так как он не поклонялся никаким богам, а такого понятия как *соплеменник* он не знал. Рамону, вообще, был безразличен погибший. Просто он, как и всякий прошедший обучение в храме Сета, знал, что самое дорогое в мире — это знание. А посему стигиец решил выяснить как можно больше. Авось и пригодится.

Впрочем, Рамон чувствовал странное упоение, предвещающее новую авантюру, из тех, которые он так любил.

С тех пор как он вырвался из-под гнета жрецов, радость никогда не оставляла его. Порой стигиец даже поражался, насколько же слепы люди, не видящие главных прелестей жизни. Разве может женщина заменить радость полета, когда ты летишь на коне. Что толку от ее благовоний, если можно вдыхать полной грудью пыльный ветер степей или же морозный воздух севера. Как можно сравнивать солнце и небо с блеском дворцов, до боли напоминающих мрачную келью. Пускай они больше и богаче, но это та же тюрьма. И чем, спрашивается, можно заменить алые потоки вина и вражеской крови? Да, ничем. Оттого-то, стигиец и был счастлив. Впереди его ждало нечто необыкновенное. И он знал об этом.

Наконец появился Зебах, с полным подносом

еды, который он чуть было не уронил, встретив жестокий взгляд стигийца.

— Сядь! — рявкнул Рамон, и кабатчик беспркословно повиновался.

— Ты думал, что мы ничего не узнаем об убийстве жреца?

Задавая этот вопрос, Рамон ничем не рисковал. Какая разница, кто это — «мы», если кабатчик затрясся от страха. Сейчас он не соображает даже, кто он сам, и как его зовут. А если он и задумается, кто же такой Рамон, то сознание само нарисует такую картину, что бедняга и помереть может от ужаса. Ведь недаром говорят, что никто и ничто не способно напугать человека так, как его собственные страхи.

Так, собственно говоря, и случилось. Зебах рухнул на колени и, протянув в мольбе руки, запричитал:

— Пощади, великий! Не убивай! Это не я...

— Не ты? А кто же тогда? Может быть, я?

Ничего не значащими вопросами он нарочно сбивал кабатчика с толку, дабы тот сам поведал о случившемся. Ведь убитый слуга Сета в этой таверне мог пустить под откос всю жизнь кабатчика. И он это понимал.

— Ну, отвечай! — требовательно прокричал стигиец, пнув толстяка ногой. — Говори, как на духу, кто это сделал, тогда, может быть, и спасешь свою шкуру.

Зебах не преминул ухватиться за протянутую соломинку. Ведь достаточно дать человеку шанс выкрутиться, и он с радостью выложит все, что

знает, топя остальных. Лишь бы выплыть самому...

Кабатчик рассказал все. Про Йасаба, который попался на контрабанде, про жреца, что решил свергнуть Тот Амона, да еще массу былей и небылиц...

Рассказ об Аммамунм-Пха заинтересовал Рамона более всего.

— Так он плыл сюда, чтобы встретиться с этим купцом?

— Да господин. С Йасабом.

— Ну, а зачем?

— Понятия не имею, господин. Они никогда не обсуждали при мне своих дел.

Стигиец расхохотался.

— Ты ври, да не завирайся. Где это в нашем мире есть такая таверна, в которой хозяин не ведаёт, что происходит у него под носом.

Зебах понял, что нарвался на человека знающего. Даже Йасаб не догадывался о подслушивающих оконцах, через которые хозяин узнавал обо всем, что творилось у него в доме.

— Прости господин. Все выложу...

И он стал подробно рассказывать о заговоре.

— Выходит, Аммамунм-Пха, должен был вот-вот разбогатеть. А Йасаб — набрать для него дружину. Интересное дельце...

Кабатчик кивал так, что у него чуть голова не отвалилась.

— Ладно, — произнес, наконец, Рамон. — Ты был честен, а потому я, пожалуй, оставлю тебе жизнь. И даже более того: награжу. Ты помог

раскрыть заговор против властительного Тот Амона. Держи!

Он бросил кабатчику свой кошель, наполненный медью. Бросок был чересчур силен, так что Зебаху пришлось повернуться к стигийцу спиной, дабы поймать кошель. Лишь в тот момент, когда тонкий хауранский кинжал вонзился в его шею, перерубая спинной мозг, Зебах понял, для чего это было сделано. Он сдавленно захрипел, после чего рухнул на пол.

— Вот и все, — скупотозвался стигиец. — А теперь пора перейти к делу. Или нет? Может, поразвлечься? Торн, в одной из комнат, спит жена этого ублюдка. Тащи ее сюда.

Асир ослабился. Вот уже пять зим он служил у Рамона и был крайне доволен этим. С тех пор как их пути пересеклись, Торну не приходилось более голодать, или мерзнуть, как раньше. Теперь у него всегда были под рукой деньги, враги и женщины. А что еще нужно человеку в этом мире?

Барвар опрометью бросился вглубь здания, и вскоре стигиец услышал истошные женские крики.

Рамон не успел дотопить бокал с вином, а жена кабатчика уже оказалась перед ним. Из носа текла кровь, а ночная рубашка была порвана. Взору Рамона предстало загорелое тело крепкой женщины. Сам он, правда, возбуждения не ощутил, зато Торн готов был наброситься на нее прямо здесь. Впрочем, именно это ему и предстояло. Как и всякий стигиец, Рамон любил извращен-

ные удовольствия, которые на его родине назывались утонченными...

Женщина увидела тело своего мужа и неистово закричала.

«Удовольствие началось», — подумал стигиец, устраиваясь поудобнее.

Он с наслаждением наблюдал, как Торн стянул с себя рубаху. Широкие плечи кузнеца переходили чудовищный торс. На груди под кожей перекачивались огромные валуны мышц. А руки более всего походили на молодые деревья.

Асир схватил кричащую женщину. Она извивалась, но варвар грубо впечатал ее лицом в стол. Ничуть не стесняясь своего хозяина, он развязал тесьму и спустил с себя штаны. Несчастная продолжала неистово орать, но довольно скоро ее крики перешли во всхлипывания. Конечно же, она была крепкой женщиной, которой довелось повидать в жизни многое, так что обычным изнасилованием ее было не удивить... но вид мертвого мужа, что лежал посреди зала, быстро сломил ее. Или нет?

Рамон пригляделся получше. То ли ему показалось, то ли...

Она и вправду улыбнулась.

— Сошла с ума, — решил стигиец. Но затем он переменял свое мнение. Видимо, она ненавидела мужа, а первая реакция легко объяснялась шокком.

Рамон хмыкнул. Как, оказывается, бывает в жизни... Только что она кричала, а теперь постанывает от удовольствия, закусив губу. Впрочем,

Рамон не сомневался, что убитый кушит не раз грел постель дорожной хозяйке. А чем он хуже Торна? Сама же баба довольно быстро смекнула, что быть хозяйкой таверны куда лучше, нежели просто женой хозяина...

Данное открытие так позабавило Рамона, что он решил не убивать женщину. Пускай порезвится... Изнасилование перешло в неудержное соитие, и стигиец, потерявший желание смотреть на них, отправился наверх. Он надеялся отыскать что-нибудь интересное в карманах балахона жреца.

Кроме парочки амулетов, там оказался свиток. Рамон развернул пергамент и увидел начертанные на нем линии. Это была карта.

Искатель приключений мгновенно узнал очертания проклятого острова, который ненавидели все стигийцы. Остров Сиптаха.

Тонкие губы Рамона расплывались в змеиной улыбке. Он уже знал, куда направит свои стопы теперь.

Спустившись вниз, стигиец усмехнулся. Зал таверны более всего походил на коровник, куда привели быка. Женщина уже не лежала на столе, уткнувшись лицом в доски, а успела оседлать Торна, неистово раскачиваясь на нем.

Варвар хрипел как боров, а его руки при этом безжалостно мяти ее тело.

— Таков уж мир, — театрально произнес стигиец. — Нет верности и чести...

Его реплика осталась неслышанной за натужным похрюкиванием, но это несколько не

взволновало стигийца. Он пару раз пнул асира, а когда глаза варвара, наконец, сфокусировались на нем, Рамон произнес:

— Жду тебя на причале. Ищи жреческий корабль.

Торн что-то замычал, а потом снова вцепился в пышнотелую бабу.

— Как свиньи, — подумал Рамон и неспешно вышел.

Когда Торн в изнеможении расслабился, было уже утро. Его сладко ломало, а сверху чувствовалась приятная тяжесть женского тела.

— Не уходи, — простонала она, но насытившийся варвар уже выкинул из головы эту гостеприимную хозяйшку. Он раздумывал о том, что же ему делать дальше. То ли убить ее, то ли оставить в живых... Хозяин ушел, не оставив никаких инструкций, а Торн помнил, что тот не любит свидетелей. С другой стороны, не убивать же ее!.. Использовать — да. Бабы для того и созданы. Но воевать с ними — дело позорное, такое не достойно сына Имира. Торн вздохнул и поднялся. Женщина попыталась уцепиться за его руку, но у нее не хватило сил. Оно и понятно — воин, а не оживший муж...

В отличие от Рамона, ее поведение ничуть не удивило северянина. Просто он знал обратную сторону жизни и догадывался, что она была невольницей своего мужа. На севере такое было — в чести. Бабы всегда выходили за богатых мужиков, в ком и от мужиков-то ничего не осталось. Но делать нечего. Ведь полно братьев и сестре-

нок, которых кормить надо... Тут все ясно. Как и то, что бабы эти потом греют постели другим: муж-то ни на что не годен. А баба, она тоже человек. Хочет и поесть, и попить, и сладенького на десерт.

Натянув штаны, Торн взял свою секиру и, немного подумав, подхватил и тяжелую булаву кушита. Авось пригодится, а выбросить всегда успеет... Рубаху надевать не стал. Разгоряченное тело требовалось остудить, да не ветерком, что еле дует в этих краях, а снежным бураном. Но, увы, снег здесь не в чести... Крепкое тело асира встретил утренний зной юга. Он вздохнул и неспешно побрел к реке.

Рамон стоял возле большой стигийской галереи и о чем-то спорил с каким-то человеком, очевидно, капитаном.

Варвар прислушался.

— Я прекрасно знаю знак владыки. А вот кто ты такой, это мы выясним.

Капитан сделал жест рукой, и к нему подбежало с десятков закованных в броню воинов.

Рамон посмотрел на них с презрительной улыбкой.

— Идиоты. Неужто вы полагаете, что знак Сета может взять любая тварь, вроде вас?

Уверенный голос стигийца заставил попятиться некоторых из солдат.

— Или ты ждешь, что Аммаунм-Пха прибежит отчитываться перед такой вошью, как ты?

Голос Рамона гремел над всем пирсом.

— Быть может, это ты — владыка Файона?

Капитан и сам смутился, но отступить не желал.

— Опомнись, несчастный! — вскричал Рамон. — Ты разговариваешь с воином-жрецом. Склонись перед моей волей, или умри!

Рамон не собирался давать ему время, дабы опомниться. С его губ сорвалось заклинание, и наглец исчез в огненном вихре.

— Владыка Сет забрал его к себе! Трепещите!

Матросы и солдаты отпрянули, а Рамон продолжал вещать:

— Падите на колени. Падите, и молитесь о милости и снисхождении!

После этих слов все, как подкошенные, рухнули на палубу и стали шептать молитвы богу-змею.

А Рамон, довольный этим представлением, снисходительно улыбался. Он-то знал, что Сет тут ни при чем. Все это — только маленькое заклятие, что он выучил еще в детстве. Тогда же Рамон узнал, что управлять людьми не сложнее, чем пасти стадо баранов. Всего-то и нужно — напустить немного таинственности, да добавить парочку фокусов.

Но пора было переходить к делу.

— Первый помощник! — рявкнул он, сурово сверкнув глазами.

Стоящий на коленях кренящийся встrepенулся и неуверенно поднял глаза.

— Да, ваша святость, — тихо произнес он, боясь, что гнев слуги Сета может пасть на него.

— Властью, данной мне Владыкой Черного

Круга, магистром магии мертвых и Верховным Жрецом божества нашего Сета, назначаю тебя капитаном данного судна.

Новоявленный капитан тут же взялся за дело. Пожалуй, даже слишком рьяно.

— Что прикажете, ваша святость? — осведомился он, низко поклонившись.

— Отдать швартовы. С рассветом мы должны выйти в море. Все ясно?

— Так точно.

Торн хмыкнул. Немного словная скотина... Быстро понял всю прелесть нового положения.

Варвар поднялся на борт и, растолкав матросов, пробился к Рамону.

— Все сделано, хозяин. Какие будут приказания? — когда было нужно, он умело подыгрывал стигийцу. Собственно говоря, асира несколько не задевало то, что его принимали за слугу и телохранителя. Он и был им, но только до поры. Именно у Рамона научился он бросать людей на произвол судьбы в случае опасности. И если стигиец бросал слуг, то Торн был готов бежать, бросив господина.

Рамон пренебрежительно махнул рукой.

— Ступай, отыщи себе каюту, неподалеку от моей.

Это означало, что Торн может выкинуть любого, кто занимает ее. Чем, собственно говоря, варвар и занялся.

Глава третья

Вука только протянулась, чтобы постучать в дверь, а Конан, был уже на ногах. Ладонь привычно стиснула рукоять секиры, и лезвие, откликнувшись на его мысли, зло блеснуло. Рана Риорда была готова пить и пить кровь. Пить ее и днем и ночью.

— Кого там Нергал несет? — гаркнул он.

За дверью повисла недоуменная тишина. Варвар только поудобнее перехватил секиру. Он был готов абсолютно ко всему: к бунту команды, к появлению стигийских войск, пришедших мстить за разрушенный Файон. Но это оказался Мкванга. Он поднял руки над головой, приветствуя капитана на зембабвийский манер. Конан, которому доводилось странствовать в тех землях, ответил таким же жестом.

— Капитан, — зембабвиец лучезарно улыбнулся. — Мы выходим в устье Стикса, но к нам дви-

жется стигийская галера. С нее сигналият, дабы мы остановились.

— Ну, так останавливайся, Сет тебе в печенку. Только не забудь приготовиться к abordажу. Незаметно, — добавил варвар, поняв, что его слова могут быть истолкованы слишком прямолинейно.

Улыбка негра стала еще шире и лучезарнее.

— Будет исполнено, — отсалютовал он и бросился наверх. Мышцы так и играли под его эбеновой кожей. Конан даже залюбовался его сухощавой фигурой прирожденного воина.

— Эх, Рорта, нам бы всю команду, подобную ему. Мы бы тогда Стигию потрясли. Потрясли и выпотрошили, к Сетовой матери.

— Кровь! — заклекотала Небесная Секира, смотрящая в самую суть дела.

— Верно, кровь! Целая галера крови. И вся она будет твоей.

Не желая больше тратить время, Конан плеснул себе в лицо застоявшейся воды и направился на палубу. Он не стал надевать кольчугу, обойдясь только шароварами. Даже сапоги остались лежать где-то под кроватью. Правда, киммериец прихватил с собой кривой меч. Что-что, а оружие не бывает лишним, даже если с тобой волшебная секира. Конан привык полагаться только на себя, а потому и был жив до сих пор.

Выйдя на палубу, он громко гаркнул:

— Что приуныли, жабые отродье?

Правда, сказал он это так просто, ради красного словца. Команда была возбуждена и рвалась в бой.

— Джилзан, — позвал он кормчего.

К нему приблизился толстый шемит.

— Да, капитан.

— Приготовься приблизиться к этой лоханке, как только мы примем гостей.

Конан имел в виду небольшой шлюп, что отделился от галеры.

— Но сперва я хочу узнать, в чем дело.

Шемит кивнул. Своими толстенными руками он оперся на штурвал, но варвар знал, что Джилзан готов в любой момент развернуть парусник в нужную сторону. Он видел, как вздымаются и опадают огромные бицепсы кормчего, которые могли посрамить его собственные.

Небольшой бот пристал к их кораблю, и на палубу влез какой-то павлин, разряженный, как туранская танцовщица.

Конан брезгливо поморщился. Впрочем, то же самое сделал и юнец. Он пристально осмотрел экипаж и визгливым голосом осведомился:

— Кто капитан этого сброда.

Глупец был настолько уверен в своей силе, которую давал его мундир, что даже не удосужился подстраховаться, взяв с собой на борт парочку солдат.

Киммериец шагнул вперед.

— Я капитан. Что угодно столь блистательному господину и несравненному воину?

Его голос был полон ехидства, но хлыщ не заметил издевки.

— Я что, должен отчитываться перед варваром? — надменно спросил он.

— Конечно же, нет. Просто мне поскорее хотелось бы узнать волю милостивого господина, дабы тут же исполнить ее.

Пираты гнусно заржали, понимая, что еще чуть-чуть, и стигиец отправится на дно, однако тот продолжал строить из себя хозяина положения, так ничего и не поняв.

— Тебе, варвар, не положено знать всего. Сообщу лишь, что ночью был убит жрец Сета — Аммамунм-Пха, а его галера украдена.

Конан тут же заинтересовался услышанным, но виду не подал.

— Это были не мы, — доверительно сообщил он.

— Сам вижу, червь, — отрезал хлыщ.

— Тогда мы можем продолжить свой путь?

— Продолжишь, когда я разрешу. Кто вы такие, ответствуйте мне немедленно.

— Мы честные труженики, господин. Зарабатываем перевозкой грузов.

— Что-то мне не верится. Уж больно бандитские у вас рожи.

— Увы, не все появляются на свет с такими утонченными чертами лица, как вы, господин.

Конан настолько вошел в роль, что старательно оттягивал неизбежную развязку. Его поражала тупость этого разодетого идиота.

— Это верно, — согласился стигиец, окинув взглядом команду. — Вы более похожи на стадо.

— Абсолютно верно. Куда уж нам до орлов, что подобно вам, господин, парят в поднебесье и гадят сверху.

Хлыщ опешил. Он не знал, как прореагировать на эту фразу. То ли оскорбиться, то ли нет. Ведь он и впрямь считал всех остальных свиньями, годными лишь на то, чтобы исполнять волю господ.

Зато Конана поняла команда, и многие из них заушмылялись.

Хлыща это задело, и он взвился, подобно петуху.

— Я арестовываю ваше судно до окончания разбирательства! — громогласно сообщил он и повернулся спиной к киммерийцу. Варвар сделал неуловимый жест рукой, и пираты, по его команде, разрядили свои арбалеты в сидящих в лодке солдат. Те умерли, так ничего и не успев понять.

Опешивший офицер завизжал:

— Что вы делаете? Да, как вы осмелились? Вас закуют в цепи, рабы!

Он попытался выхватить свою изящную шпагу, но киммериец, наконец-то получивший возможность выпустить накопившееся раздражение, вложил его в один-единственный удар. Женоподобное лицо стигийского офицера в тот же миг превратилось в кровавое месиво.

— На abordаж! — рявкнул варвар, и галера легко заскользила к вражескому кораблю.

Джилзан и вправду оказался великолепным шкипом. Капитан стигийской громадины даже не успел понять, что происходит, а пираты уже оказались на его палубе.

Первым в толпу змеепоклонников ворвался киммериец. Перескочив одним махом расстоя-

ние, разделяющее два судна, он как коршун обрушился на врагов.

— Кром! — дико заревел он, кося стигийских воинов, точно сорную траву.

Экипаж, видя ту брешь, что пробил их капитан в стигийской защите, устремился следом.

Преимущество отлично обученного войска было сведено на нет, и битва разбилась на одиночные стычки. Возможно, стигийцы и смогли бы переломить ход битвы, но Рана Риорда, ярко блистающая в руках варвара, не позволила этого сделать. Не зная преград ни в виде крепких доспехов, ни в виде упругих тел, она разила всех и вся.

Конан рубил направо и налево. Рубил, ревя, как дикий медведь в ярости. Рубил... пока рубить стало некого.

Варвар, так и не утоливший жажду мести, огляделся, и когда кровавая пелена спала с его глаз, увидел, что вся палуба залита кровью и устлана телами.

— Клянусь девятью преисподними Зандры, — прохрипел он. — Эта падаль дохнет так быстро, что даже не успеваешь как следует разогреться...

Над ухом прохрипел дух Небесной Секиры:

— Потомок Гидалы, ты подарил мне кровь более чем полусотни воинов. Это было великолепно!

Конан захохотал.

— Полно тебе, Рорта. Я же обещал, что напою тебя по самую рукоять. И это только начало. Скоро я утоплю в крови тех, кто отнял у меня праведную месть.

— Ты говоришь о тех, кто убил жреца Файона? — поинтересовался дух.

— Верно. Они украли карту сокровищ, что вез с собой это червь.

— Да, — согласилась Рана Риорда. — Долги должны быть оплачены. Смерть тех, кто лишил тебя мести, послужит им уроком.

— А мне — мстью! — закончил за него варвар.

Затем он оглядел своих людей, и остался доволен. Пираты знали свое дело и в понуканиях не нуждались. Они уже занимались обследованием кают, добывая по пути раненых и обшаривая их карманы. Вскоре на палубе их корабля блистала приличная гора золота и серебра. Отдельно были сложены доспехи, а также оружие. Варвар одобрительно кивнул. Парни определенно знали, что следует брать.

— Мкванга, демоны тебя задери. Быстро сюда!

Уже через мгновение перед ним стоял вечно улыбающийся негр.

— Сколько наших погибло?

— Чуть более трех десятков, — отрапортовал зембабвиец.

— Неплохо, — произнес Конан. — Три дюжины против полутора сотен. А теперь ступай в трюм и пополни команду за счет гребцов. Да смотри, не скупись. Выбирай самых лучших.

Мкванга кивнул.

— Будет сделано, капитан. Обещаю набрать самых широкоплечих и крепких. Да и рожи у них будут самые мерзкие.

— Точно, — согласился варвар. — Остальных, не нужно. Пойдут на дно, вместе с этой лоханкой.

Конан справедливо полагал, что каждый человек должен сам бороться за свою свободу. И если эти людишки до сих пор остаются в цепях, то это только их вина. Он сам еще совсем недавно висел в кандалах, в каменном мешке Файона. А где он теперь? И где этот самый Файон? Разрушен до основания. А злобный Шапшум обглаживает косточки его обитателей.

Когда Мкванга исполнил приказание, Конан спустился вниз и парочкой ударов крест-накрест раскрыл обшивку корабля. Галера стала тонуть, и варвар поспешил оттуда убраться.

Перепрыгнув на борт «Ворона», Конан велел Мкванге построить людей. Те заворожено наблюдали, как стигийский корабль погружается под воду, а оттуда доносится вой обреченных.

Однако киммериец, не обращая внимания на крики, придирчиво осмотрел новых членов команды. Бегающий взгляд одного из них не понравился варвару, и он тут же снес ему голову.

— Крысы нам не нужны, — пояснил он. — А теперь слушайте меня, псы. Те из вас, кто недовольны тем, что их освободили, могут отправиться назад.

Таковых не нашлось, и Конан продолжил.

— Я капитан, а значит, царь и бог. Хочу — казнь, хочу — милую. Усекли?

Освобожденные дружно промолчали, и их тут же стало на одного меньше.

— Да, капитан! — заорали они, опомнившись.

— Молодцы, быстро соображаете. Мкванга, раздать им оружие. А то уж больно они смахивают на безобидных ягнят.

Раздался взрыв дружного хохота. Уж кем-кем, а ягнятами эти люди не были. Все они хотя и отличались телосложением, а также цветом кожи, были схожи в одном. Их объединял взгляд: злой, цепкий, холодный. Так смотрят волки, коими они и были, только в людском облиции. Высокие и низкие, жилистые и бугрящиеся мышцами, эти люди были похожи друг на друга своей внутренней сутью. Ловцы удачи, воины без капли совести, они готовы были убить ради нескольких монет, не испытав при этом угрызений совести. А Конан был львом в этой волчьей стае. Его явно боялись, и так же явно ненавидели. Впрочем, его это ни капли не волновало. Киммерийцу уже доводилось умирять мятежи, так что — чихать он хотел на их недовольство.

— Проглотят, — со злой усмешкой подумал он, отбирая себе львиную долю награбленного.

— Мкванга! Остальное поделишь поровну между членами экипажа. С этих, — его палец указал на новеньких, — хватит пока и оружия.

Тут же началась какая-то копотня, но зембабвиец, с помощью парочки пинков и оплеух, довольно быстро усмирил рвущихся вперед. Наметанным глазом он точно поделил добычу на равные части, так что даже киммериец не смог ни к чему придаться. Пираты похватили свое, и тут же устроили торг. Каждый норовил сбавить по-

дороже то, что нравилось кому-нибудь из товарищей.

— Эй! — гаркнул варвар. — А где там наш новый знакомый, который норовил отправить нас на галеры?

Двое братьев шемитов, Никотар и Нагир, приволокли стигийского офицера.

Команда, довольная полученным кушем, радостно загалдела, в предвкушении нового развлечения.

Несколько ведер воды привели в чувство юнца, и он, выпучив глаза, ошпарено вертел головой. Похоже, что удар Конана слишком сильно сказался на его мозгах, так как хлыщ, поняв, где он находится, тут же принялся верещать:

— Вы поплатитесь за это, скоты! Вас вздернут на виселице, недоноски! Да вы... — новое ведро воды оборвало эту речь, и стигиец замолчал.

— Капитан, пропустить его под килем! — заорал кто-то.

— Распять на носу, будет вместо тарана! — захохотал другой.

Предложения посыпались одно за другим, и хлыщ побелел. Он и представить себе не мог, что все может так перевернуться. Еще вчера он порол гребцов, прикованных к веслам, а сегодня эта самая чернь жаждет разорвать его в клочья.

— Опомнитесь! Вы еще можете получить прощение за свои деяния, — прокричал он, вызвав новый взрыв смеха. — Сдайтесь, и я замолвлю за вас словечко. Некоторые смогут даже остаться в живых!

Конан с удивлением рассматривал этого юнца. Он не понимал, как же можно быть настолько тупым...

Все они, ступив на эту дорожку, стали висельниками. И рано или поздно эта участь ждет любого из пиратов. А если и не позорная смерть от петли, то — честная, от сабли. А то и от ножа, во время очередной попойки в какой-нибудь из таверн. А этот предлагает им отдаться на милость властей... Будто у них есть милость!

Конан густо захохотал. Мир, и вправду, полон идиотов. Некоторые из них становятся мудрецами, без устали штудирюя звездные карты и древние книги. А другие лезут туда, где их тупость становится видна моментально. Например, в армию. Увы, но варвар за долгие годы не раз встречал подобных чванливых ослов. И, как правило, все они были офицерами.

— Ты кто такой? — рявкнул киммериец, которому уже стало тошно от вида этого молодца.

— Беапмахатец, — горделиво произнес юнец.

Варвар попытался повторить его имя, но, споткнувшись на первом же слого, объявил:

— Теперь будешь просто — Бе.

Офицер покраснел от гнева и возмущения, но, встретив холодный взгляд голубых, как небо, глаз, счел за лучшее промолчать.

— Итак, Бе, зачем вы полезли к нам со своим досмотром?

Поняв, что от сговорчивости может зависеть его жизнь, юноша ответил:

— Это была просто проверка. Формальность.

Ночью в одном из городков был убит жрец отца нашего Сета, великий Аммаунм-Пха.

— Это не тот, который сидит в Файоне? — поинтересовался Конан.

— Он самый. Хранитель могучей восточной цитадели, — отвечал стигиец.

Киммериец хмыкнул. Он-то знал, что осталось от этой могучей цитадели. Ну, да ладно. Расскажи он об этом юнцу, тот все одно не поверит. Идиот!

— Ну, дальше! — прикрикнул варвар, видя, что юнец снова начинает раздуваться от гордости.

— Его галера была кем-то захвачена и уведена в море. Куда — неизвестно, — затараторил стигиец, видя, как брови великана сурово сошлись на переносице.

Конан знал, что Аммаунм-Пха плыл на остров Сиптаха, но знают ли об этом те, кто украл галеру? Скорее всего. Ведь у него была карта. А зачем еще убивать могущественного колдуна? Скорее всего, убийцы знали об этом, вот и подстроили ловушку.

Кровь вскипела в жилах варвара, и он ощутил привычное жжение во всем теле. Кто-то решил добраться до сокровищ раньше него. Сперва отняли месть, теперь пытаются отобрать драгоценности. Это было уже слишком.

— Джилзан! — крикнул киммериец. — Правь к морю! Потом повернешь на юг. Гребем к острову Сиптаха!

На миг над палубой повисла тишина.

— Капитан, — произнес кто-то. — Это место проклято. Там живут демоны.

Моряки, как и все суеверные люди, до колик боялись всякой нечисти. Конан и сам ее недолюбливал, но ему доводилось не раз встречаться с порождениями Мрака. И пока что ему удавалось оставаться в живых, чего нельзя было сказать о демонах.

— Понятное дело, что живут. А как же иначе сохранить сокровища для нас? Не будь их там, любой бы дурак и трус, сумел бы поживиться.

— Но оттуда еще никто не возвращался.

— Никто туда и не плавал, — отрезал варвар. — А вас поведет сам Амра.

Страшное имя прозвучало как гром среди ясного неба, и стигиец рухнул на палубу без сознания.

Зато моряки страшно обрадовались. Все они хоть раз да слышали о страшном пирате, что плавал вместе со своей возлюбленной на галере под названием «Тигрица».

— Слава Амре! — заорал кто-то, и его крик тут же был подхвачен остальными.

— Веди нас, Амра! — воскликнул Мкванга. — Мы последуем за тобой даже в Черную Бездну!

Глава четвертая

Раслаждаясь жарким, палящим солнцем и легким бризом, что приятно обдувал нежную кожу, Рамон стоял, прислонившись к борту захваченной галеры, и смотрел вдаль. По обычаю, настроение у него было приподнятым, и он с удовольствием вдыхал чистый морской воздух, что полнил его легкие.

Ритмичное поскрипывание весел и мерный стук барабана, что задавал ритм гребцам, ласкал слух стигийца, отчего он становился еще более радостен. Рамон смотрел на этих копошащихся людишек и чувствовал свое превосходство над ними. Все они трудились только ради того, чтобы ему было приятнее и удобнее жить на свете.

— Так и должно быть, — подумал Рамон и направился к небольшому столику, на котором стояло вино и засахаренные фрукты. Отправив с легкой грацией в рот несколько орешков и рас-

кусив их крепкими зубами, Рамон в очередной раз посмотрел на стройного юнгу, что пронесся мимо. За это утро он уже успел заприметить его и теперь подумывал, не развлечься ли ему с этим мальчишкой. Когда тот бежал назад, стигиец жестом велел ему остановиться и сесть рядом.

Юноша боязливо присел на краешек плетеного стула.

— Угощайся, — предложил Рамон.

Мальчик, не смея отказать жрецу, схватил за сахаренную грушу и надкусил.

Рамон, пристально оглядев его гибкое, упругое тело, окончательно уверился в том, что воздерживался слишком долго.

Прожив довольно много лет в общине, где не было женщин, он не видел ничего зазорного в сношениях с мужчинами. Впрочем, в Стигии смотрели на это спокойно.

— Выпей, — снова предложил Рамон. Ему, конечно же, нравилось, когда его жертвы оказывали некое сопротивление, но легкое опьянение не помешает. Так мальчишка станет еще привлекательнее.

Медленно, очень медленно, подбирая к нему ключики, стигиец расположил мальчика к себе, а когда тот, уже смотрел на него влюбленными глазами, увел в свою каюту.

Там, сидя рядом с Рамоном, юнга ощутил на своем колене его сильную руку. словно в трансе, он увидел его приближающиеся губы, которые с силой впились в его рот. Разом обмякнув и ослабившись, мальчик целиком отдался наслажде-

нию. Казалось, губы и руки стигийца не оставили без внимания ни одну пядь его молодого тела. И когда юноша почти достиг пика удовольствия, крепкие руки Рамона перевернули его на живот, и в этот момент все его тело пронзила дикая боль. Мальчик выпал из опьяняющего забытья и попытался вырваться. Но не тут-то было. В меру мускулистое тело Рамона было на диво сильным, и он с легкостью удержал худенькое тело мальчика, а попытка закричать была тут же пресечена болезненным ударом в затылок. Юнга зарылся лицом в подушку, которая тут же стала мокрой от слез.

Когда наконец все было кончено, юнга попытался свернуться калачиком, но из его груди вырвался лишь болезненный стон. Он не мог даже пошевелиться. Рамон же, наоборот. Вскочив на ноги, он сладко потянулся и подошел к большому медному зеркалу. Посмотрев в него, он остался доволен. Его хищное гибкое тело было настоящим произведением искусств. В этот момент он чувствовал себя вечно юным богом, что снизошел к простому смертному и осчастливил его.

Одевшись в чистое, он посмотрел на стонущего мальчишку и крикнул:

— Торн, выкини отсюда эту падаль.

В данный момент плач и стоны не заводили его, а безмерно раздражали.

В дверной проем шагнула огромная фигура северянина. Торн с насмешкой осмотрел юнца, а затем, схватив его за волосы, потащил юнгу вон из каюты. Торн точно так же не брезговал моло-

дыми пареньками, особенно когда они так похожи на девочек. Так что когда мальчик смог доползти до своей койки, он уже был изуродован до неузнаваемости.

Весть о том, что произошло с юнгой, мгновенно облетела корабль. И все члены команды, свободные в этот момент от несения вахты, отправились в кубрик.

Юноша слышал, как они вошли, но, сгорая от стыда, обернуться не решился. Он ждал от суровых моряков понимания и сочувствия, но вместо этого чья-то рука ухватила его за волосы и с силой вжала лицом в доски...

Мальчик потерял сознание.

* * *

Рамон будто сбросил десяток лет. Все утро он упражнялся с мечом, меняя партнера за партнером. Стигийские воины были поражены его скоростью и отточенному фехтованию. А ведь среди них попадались бывалые воины.

Измотав полдюжины солдат, Рамон облился холодной водой и уселся за столик. На этот раз он решил остаться только в шароварах, нежась под солнышком. О вчерашнем юнце, подарившем ему эту легкость, Рамон и не вспомнил. Он, вообще, не думал о тех, кого использовал в своих целях. Мужчины, женщины, боги — все они не значили для стигийца ровным счетом ничего. В данный момент мысли Рамона были заняты картой, которую он обнаружил у жреца.

Как следует изучив ее, стигиец пришел к выводу, что остров следует обогнуть с запада и войти в бухту.

Там и должна находиться крепость колдуна, что дал имя этому острову.

Новоявленный капитан, получив подробный инструктаж, поспешил выполнить приказ жреца-колдуна, и вскоре, они увидели перед собой очертания острова.

Рамон раньше других рассмотрел скудную землю, усеянную валунами и обломками скал.

— Не впечатляет, — подумал он, и в этот момент впередсмотрящий в вороньем гнезде заметил догоняющее их судно.

— Корабль! — громко заорал он, заставив встрепетаться всех и каждого.

— Сет их заberi, — подумал Рамон, опасаясь, что это могут оказаться стигийские власти.

— Почему так поздно заметили? — спросил он капитана. — Повесить впередсмотрящего!

Капитан без промедления выполнил отданный приказ.

— Вы хоть понимаете, что это тайная миссия, — обрушился на него Рамон. — Потопите эту лодку. Немедля!

* * *

Решив по давней привычке перестраховаться, что не раз спасало ему жизнь, Рамон жестом подозвал асира.

— Приготовь лодку и гребцов. Возможно, при-

дется быстро покинуть этот гостеприимный корабль.

Торн кивнул и бросился исполнять приказание хозяина. Он уже давно уверился, что Рамон чаще всего оказывается прав. Отобрав шестерых крепких людей, варвар до отказа загрузил лодку водой и съестными припасами.

А Рамон отправился в свою каюту. В таких делах как бегство он никогда и ни на кого не мог положиться. Таково было одно из его правил. Лодка могла перевернуться, но та сумка, что Рамон собрал сам, всегда будет под рукой. В нее он положил несколько кошель с тщательно отобранными драгоценностями, теми, что занимают мало места, а стоят невероятно дорого. Комплект запасной одежды, ну и конечно флягу с водой, и мешочек с сухофруктами и сухарями. При желании, Рамон мог бесконечно долго не есть. Жречество приучило его к долгим постам, а этого мешочка достаточно для того, чтобы тело продолжало исправно функционировать. Проверив свой меч, стигиец бросил его на кровать, и как только он собрался засунуть один из кинжалов в сапог, дверь распахнулась.

На пороге застыл маленький звереныш, с порванной губой и переломанным носом. Рамон сперва даже не признал в нем того юношу, которого заприметил в начале плавания. Вот оказывается, что с ним сделала команда. Отныне он служил им шлюхой.

В руке паренек зажал кинжал, который нацелил на стигийца. Другой он держался за стену.

— Ты ко мне? — лилейно поинтересовался Рамон.

Мальчишка ничего не ответил, а только повел острием в сторону жреца.

— Ну, ну, мой мальчик, — спокойно произнес Рамон. — Вижу, ты решил мне отомстить. Но за что?

В его голосе прозвучало неподдельное изумление.

— Ужель ты не получил ни капли удовольствия? Быть того не может! Тогда, может быть, тебе не понравилось то, как с тобой поступили остальные? Так давай их накажем. Моей власти хватит на то, чтобы заставить этих скотов заплатить за все. Поверь мне. Хочешь увидеть, как они умрут? Ну же, мой мальчик, ответь мне. Ведь я не враг.

Рамону доставляло удовольствие смущать ребенка этими обещаниями. Он желал, чтобы юнец вновь ему доверился. Тем большее разочарование он испытает перед смертью.

— Ты так ранишь меня своим поступком, — с сожалением выговорил стигиец. — Разве я сделал тебе больно? Разве ты не пришел сюда сам? Поверь, я только отдал должное твоей божественной красоте. Ну почему ты не пришел ко мне раньше, и не пожаловался на этих скотов? Почему? Иди ко мне, я сниму твою боль.

Он широко развел руки, и мальчик, не слышавший все эти дни ни единого доброго слова, бросился к нему, заливаясь слезами и уронив на пол нож.

Перехватив ловким движением его руку, Рамон тут же вонзил свой кинжал в плечо юнге.

Мальчик закричал.

— Ах! Тебе больно? — вымолил стигиец. — Но подумай, мой мальчик, какие муки, ты заставляешь испытывать меня. Ведь я так раним, а ты кинулся на меня с ножом.

Он провернул свой клинок в ране.

— Разве я не прав, наказывая тебя? Ужели пристало такому молодому и неопытному юноше бросаться на старших?

Юнга попытался отпрянуть, но Рамон цепко его удерживал. Выдернув нож, стигиец нарочито медленно поднес его к лицу жертвы.

— Не надо! — истошно завопил тот. — Не надо!

— Надо... — вкрадчиво шептал Рамон.

Послышался легкий хлопок, и глазное яблоко лопнуло.

Крик перешел в визг.

— И это только начало, — услышал мальчик злой голос жреца.

* * *

— Шевелитесь олухи. Навалитесь посильнее, — орал киммериец, расхаживая взад и вперед меж гробцов.

Конан жаждал догнать галеру Аммамунм-Пха и учинить там погром, а потому не мог сидеть без дела. По счастью, ветер им сопутствовал, так что «Ворон» довольно быстро несясь вперед, неуклонно сокращая расстояние.

Наконец варвар дождался.

— Капитан! — возбужденно закричал офицер по имени Гаргус. — Прямо по курсу галера. На ее парусах изображен змей, глотающий око Митры.

Ближе к вечеру расстояние между кораблями сократилось настолько, что Конан смог различить возбужденные лица стигийцев. Те явно готовились к бою.

Решив не отставать от этих недоносков, варвар заорал.

— Приготовиться к abordажу!

Пираты засуетились, а сам Конан, отправился в свою каюту, за Рана Риордой.

* * *

Торн подбежал к хозяину и отчеканил:

— Лодка готова, господин.

Но Рамон, отстранив асира, направился к борту. В его руке был зажат скипетр, который он обнаружил в каюте Аммамунм-Пха. После магического обряда, когда юноша, приняв мучительную смерть, отдал свою жизненную энергию в жезл, тот начал светиться. Рамон направил скипетр в сторону приближающегося корабля и громко крикнул:

— Аво Сетх! Аво Аррам Зих лам Сетх! Ваал Даал Дамбалах!

Взметнулось яркое пламя, и чужая галера вспыхнула, как факел.

Правда, самим стигийцам это помогло не

сильно. Легкий корабль, набравший к тому времени приличную скорость, протаранил стигийскую галеру, на которую тут же перекинулось колдовское пламя.

Не дожидаясь, когда корабль превратится в пылающий факел, Рамон бросился к заранее приготовленной лодке. Его предусмотрительность, как обычно, спасла положение. Уже через четверть склянки он сидел на берегу и с любопытством следил за разворачивающимся боем.

Стигиец радостно оглядел своих подчиненных и соблаговолил снизойти до разговора с ними:

— Дождемся утра. Может, кто и выплывет.

Заставив матросов вытащить лодку на берег, он удобно устроился в ней на ночь. Все-таки двигаться в темноте по незнакомой местности ему не хотелось. Остров Сиптаха не получил бы такой славы, кабы на нем не было никаких опасностей.

* * *

— Ну же, Рорта, ты жаждала крови, так получай ее! — воскликнул киммериец, выскакивая на палубу. И в этот миг корабль со всех сторон охватило пламя. Конан успел заметить разве что вспышку на чужом судне.

— Магия, — смекнул он, устремляясь к штурвалу. Оттолкнув в сторону Джилзана, варвар крутанул колесо и направил галеру на таран. Судно трянуло, и Конан, перепрыгнув через борт, оказался на вражеском корабле.

После пары десятков взмахов Небесной Секирой, киммериец понял, что биться больше не за что. Обе галеры были настолько охвачены пламенем, что спасти хоть какую-нибудь из них не представлялось возможным.

— В воду! — громогласно гаркнул варвар, и тут же подал пример остальным.

Конан плыл легко, точно выдра. Время от времени, он оглядывался в поисках своих людей или врагов. Первых он подбадривал, вторых — отправлял на дно.

Неожиданно прямо перед ним мелькнула чья-то черная рука, ухватившая за волосы какого-то стигийца. Тот вскрикнул и тут же исчез под водой.

— Демон! — пронеслось в голове у киммерийца.

Но Конан ошибся. Это был всего на всего Мкванга.

Зембабвиец не только догнал капитана, но и умудрился обогнать его.

Глава пятая

Решено было устроить ночлег, а уж утром обсудить, что к чему. Мулар, один из туранцев, добившийся среди своих людей железной дисциплины, недобро покосился на киммерийца, но, так и не решившись сказать что-либо капитану, крикнул Мкванге:

— Эй, Мкванга, отряди кого-нибудь из своих за хворостом!

— Зачем? — поинтересовался зембабвиец. — Ночь и без того теплая.

Другой, по имени Абул, только зло сплонул на землю.

— Дикари, одно слово. Не ведают власти великого Эрлика и пророка его Тарима. Всем известно, что тьма и ее порождения боятся чистого огня.

— А почему это должны делать мои ребята? — поинтересовался Мкванга, вокруг которого сбились несколько темнокожих южан.

— Да все же знают, что вы видите в темноте, как кошки.

Остальные согласно закивали. Никому из пиратов, более привычных к морским просторам, нежели к земле, не хотелось лезть в темные дебри.

Конан не очень-то беспокоился из-за всякой нечисти, пока с ним была Рана Риорда, но и он в душе был полностью согласен с Муларом. Многие демоны и порождения тьмы до ужаса боялись огня и серебра.

Серебра у них с собой почти не было, а вот огонь... так он — везде огонь.

В итоге, неграм пришлось отправиться на поиски древесины. Когда им удалось отыскать немного сухих веток и весело заплясали лепестки огня, люди оживились. Теперь потеря корабля не казалась им такой уж страшной трагедией. В конце концов, многие из них уже не раз оказывались выброшенными на берег, без средств к существованию. Только сильная воля, да полное отсутствие паники может спасти в таких случаях. И пираты это знали. Они улеглись спать, конечно, не забыв выставить часовых.

Конана разбудил дикий крик одного из моряков. Толстое белесое щупальце обхватило широкоплечего кофийца и старательно утаскивало его под землю. Не раздумывая ни секунды, варвар рассек отросток пополам, не задев при этом человека.

Пираты, разбуженные шумом, повскакивали со своих мест и тут же обнаружили, что щупаль-

це было не одно. Десятки, а то и сотни их тянулись наверх, в поисках живой плоти.

— Быстрее, на камни! — заревел киммериец, рассекая клинком белесых червей, что тянулись к нему.

Долго подгонять пиратов не пришлось. Все они, — кто был еще жив — вскарабкались, как обезьяны, на высокие крупные валуны.

— Выше, выше! Живее! — орал на них Конан.

Сам он, отмахнувшись от назойливых тварей, одним прыжком оказался на вершине обломка скалы.

К тому времени в живых осталось не более двух десятков матросов.

— Кром! — выругался варвар сквозь зубы. — Еще и не успели толком высадиться, а уже потеряли большую часть команды. Рорта, что это за тварь?

Дух, невидимый для остальных, материализовался возле киммерийца.

— Не знаю, потомок Гидаллы. Этих тварей так много, что я теряюсь в переплетении щупалец.

— Но ты можешь уничтожить их?

— Могу, однако за это время они успеют уничтожить всех вас. Просто утянут под землю вместе с камнями. Они повсюду, Конан. Даже на мелководье.

Пожалуй, впервые на памяти киммерийца Рорта не рвалась в бой. Оно и понятно, рубить какую-то неведомую тварь — это не людей кромсать на части. Да и кровь у этих тварей — не то что человеческая.

— Ну и что будем делать? — осведомился Конан.

Рорта промолчала.

Так, на камнях, они и встретили рассвет.

Как ни странно, но идею подал Мулар. Туранец вообще развил весьма бурную деятельность, отчего вокруг него сплотилась кучка сторонников. Конан понял, что рано или поздно ему придется убить соперника. А Мулар явно был опасным противником. Гибкий и опасный, как горный барс, он выделялся среди остальных пиратов хотя бы тем, что несколько лет отслужил в регулярных частях Турана. При этом его отличала властность, что присуще далеко не всякому человеку.

— Нам следует бежать к тем холмам, — и он указал вдаль, где и впрямь виднелись какие-то горы.

— Ты что, ополоумел, Мулар? — взорвался один из моряков. — Тащиться вглубь этого проклятого острова, когда на нас напали прямо на побережье?!

Туранец хмуро посмотрел на спорщика.

— А ты уверен, что этих тварей нет в воде? Нет? То-то же. Хочешь, лезь в воду. А я предпочитаю найти для этого другое место. Подальше отсюда.

Все застыли, ожидая решения Конана. Варвар задумался. Конечно же, его манила близость моря, но Рорта говорит, что эти твари повсюду. Как ни досадно, но Конану пришлось признать правоту туранца.

— Все верно. Отсюда надо убраться подальше. И чем скорее, тем лучше.

— Мы все же попробуем, — неожиданно произнес Джилзан. Его поддержали еще несколько шемитов, которые не желали бежать неизвестно куда.

— Мы попробуем собрать плот из обломков, какие еще могут плавать в море.

— Нергал с вами! Плывите. Но я вас предупредил.

Джилзан и еще пятерка пиратов ринулись к океану в надежде доплыть до места вчерашнего боя. Они еще не знали, что Рамон успел опередить их.

Люди бросились в воду... Мгновением позже та превратилась в сущий ад! Море вспенилось и забурило. Сотни взметнувшихся вверх щупалец оплели людей и стали рвать их в клочья. Выбраться сумел один лишь Джилзан, да и то лишь благодаря своей нечеловеческой силе.

— А ведь тебя предупреждали, — насмешливо бросил Мулар.

Конан дал шемиту немного отдышаться, а затем поднялся на ноги.

— Пора, — решил он, и пираты, перепрыгивая с камня на камень, помчались вперед. Кое-где им пришлось бежать по голой земле. Тут-то их и атаковали неведомые твари.

Бойцы на ходу разрубали белесые щупальца саблями и секирами, и все же совсем без потерь все равно не обошлось.

Наконец они растянулись без сил на большой

груде камней. Эти валуны были последними на пути к холмам. А до тех оставалось еще не менее полумили.

— Затх сожри эту пададь! — пробурчал киммериец, понимая, что не все из его людей осият последнюю часть пути. Сам-то он без труда добегит до невысоких гор. Но вот остальные...

Моряки отличались богатырским здоровьем и физической силой, но вот выносливости им не хватало. Оно и понятно, ведь жизнь этих людей по большей части проходит на палубе корабля, где не приходится много бегать — тем более на дальние расстояния, — так что некоторые из них явно обречены.

Наконец посчитав, что прошло достаточно времени, варвар поднял своих людей и погнал их вперед.

Сам он, перекинув секиру за спину, мчался как лань. В этот момент Рана Риорда ничем не могла бы ему помочь. Спасение заключалось лишь в неутомимых ногах и крепких легких.

Не добежали четверо. Первым рухнул Джилзан. Смерть, приняв обличие неутомимых щупалец, все-таки настигла толстяка. На этот раз не помогла даже его нечеловеческая сила.

Киммериец успел заметить, как перед своей гибелью шемит могучими руками вырвал из земли несколько отростков. И это — при том, что щупальца были толщиной с ногу человека.

— Вперед! — рыкнул варвар, видя, что спасение уже близко. Он первым взбежал на спасительный холм и только тогда смог перевести дух.

Не то чтобы его утомила эта маленькая пробежка. Нет! Просто варвару уже надоело терять людей. А ведь впереди еще долгий путь. Он должен отыскать сокровища Аммамунм-Пха, а также отомстить тем, кто украл его мечь! К подобным вещам варвар относился очень серьезно. Золото золотом, как нашел, так и потерял. А вот мечь — вещь важная. Кром не прощает клятвоотступничества, а Конан поклялся отомстить жрецу.

Наконец и остальные добрались до холмов. Взойдя на вершину, они не смогли сдержать изумленных криков. Дело в том, что по другую сторону холма склона не существовало. Ощущение было такое, будто кто-то отсек вторую половину скалы гигантским мечом.

— Как будем спускаться? — неслись отовсюду недоумевающие возгласы.

— А зачем спускаться? — спросил Гаргус. — Можно идти прямо так, по холмам. И делом с концом.

— А жрать что будем? — хрипло поинтересовался Мулар. — Да и плот из чего-то придется строить.

Конан только отмахнулся от них.

— Пойдем пока так, а там видно будет.

Эти холмы вообще были странными. И не в том только дело, что их обрубил некий незримый гигантский нож. Они нигде не достигали земли. Одна вершина тянулась за другой — и так без конца и края.

— Ну, и в какую же сторону прикажете двигаться? — насмешливо осведомился туранец. Он

несколько осмелел, видя, что в живых осталось куда больше его сторонников, нежели друзей киммерийца.

— На запад, — ответил Конан, холодно блеснув глазами.

— А почему не на восток? Оттуда будет ближе к Кушу.

— Но там мы можем не найти древесины для плота. А на западе наши враги. И где-то там же должна быть крепость... авось, сыщем там и какую-нибудь лодку.

Конечно, киммериец не был уверен насчет крепости, но, приблизительно зная очертания острова, смело предположил, что в западной его части должна находиться удобная бухта. А в такой природной нише просто грех не поставить какое-нибудь оборонительное сооружение.

Поняв, что варвар скрывает в рукаве какой-то козырь, Мулар не стал обострять ситуацию.

— Отлично, капитан. Веди нас!

Конан услышал издевку в его тоне и уж было подумал, не снять ли голову с плеч наглеца, но на данный момент у него и так почти не осталось людей, а в бою туранец один стоил троих. Такой человек просто незаменим на колдовском острове.

Усталые и голодные, пираты длинной вереницей потянулись за капитаном. А тот бодро шагал вперед, не чувствуя ни капли усталости. Скорее, наоборот. Его кровь бурлила в предвкушении решающей схватки. Попав на этот остров, Конан вновь стал самим собой. Он снова был простым

бродягой, отправившимся в путь на поиски удачи. И если бы не ответственность за людей, что брели за ним, варвар прямо сейчас пустился бы бегом.

Но он должен был вывести их с острова живыми и дать им возможность вернуться в море. Для этих изгоев «Ворон» был единственным домом. Пускай небольшим, пускай уязвимым для волн, но домом. А для варвара домом был весь мир. Это же — всего лишь небольшое приключение, маленький отрезок жизни, который он позабудет уже завтра, устремившись вперед, влекомый судьбой. Сколько повидал он за эти годы — даже представить страшно. Иные за всю жизнь не испытают и тысячной доли того, что выпало на его долю.

А сколько он еще увидит...

Конан весело усмехнулся. И, словно по волшебству, перед его глазами пронеслись вереницы дорог, что он еще пройдет. Промелькнули груды сокровищ, жаждущих его в заброшенных крепостях и цитаделях, прелести многочисленных красавиц, чьи ласки он познает в ближайшем и далеком будущем.

Ближе к вечеру варвар увидел внизу пальмы.

— Будем спускаться здесь, — решил он.

— Почему? — подивился Гаргус. — Место как место. Ничем не лучше остальных. А спуск тут такой, что шею можно запросто сломать.

Зато капитана отлично понял Мкванга. Указав офиру на пальмы, он пояснил:

— Там растут плоды. А значит, мы сможем на-

сытиться. Во всяком случае, до тех пор, пока не подстрелим какую-нибудь дичь.

— Если только сами не станем дичью, — пробурчал Уво. Он, как и большая часть туранцев, остался жив благодаря стараниям Мулара и теперь усердно смотрел в рот своему начальнику. Мулар соизволил согласиться с доводами Конана и Мкванги.

Конан решил слезть первым. Подойдя к краю, киммериец закинул секиру за спину и стал медленно спускаться вниз. Самая большая трудность заключалась в том, чтобы, повернувшись спиной к обрыву, найти точку для опоры. Скинув вниз сапоги, варвар стал медленно ощупывать стенку холма ногами, выискивая малейшие уступы и неровности.

Конечно же, Конану не составило большого труда спуститься вниз, ведь он еще в детстве привык лазить по горным кручам своей родины. Но вот другие не обладали его силой и ловкостью. Когда варвар оказался внизу, пираты вслед за ним начали свой долгий спуск.

Ловкий офирец Гаргус повторил действия Конана почти с той же легкостью. Широкоплечим Никотару и Нагиру пришлось повозиться. Оба они передвигались довольно тяжело. Но им повезло. А вот рослый иранистанец, сорвавшись, полетел вниз.

— В сторону! — заорал варвар, поняв, что помочь бедняге они уже не смогут.

Мкванга, имевший опыт лазания по пальмам, спустился вниз мгновенно, почти как обезьяна.

Рослый аквиалонец, напротив, все это время трясся от страха и сорвался в самом начале спуска.

После этого полезли туранцы, направляемые Муларом. Все они добрались до земли целыми и невредимыми.

— Ловкие, гаденыши, — восхитился киммериец. Почему-то большая часть стоящих людей всегда оказывались его врагами, и Конан вынужден был отправлять их на Серые Равнины.

Правда, дело того стоило. Убить умелого противника... что может быть лучше? И варвар убивал их. Должно быть, на том свете его ожидала целая толпа мертвецов, жаждущих поквитаться за загубленную жизнь и молодость. Отдельно в этой толпе стояли седобородые колдуны и маги. Этой мрази Конан передавал вдоस्ताь. Как и демонов, которых они вызывали для боя с киммерийцем.

— Ладно, пошли, — решил Конан, поворачивая в сторону леса. Хоронить мертвецов не было ни времени, ни желания.

Как только они шагнули под сень деревьев, то тут же очутились в ином мире. Здесь пели птицы, и солнце уже не палило так ярко. Довольно скоро они отыскиали несколько пальм с бананами и кокосами. Немного поев и утолив жажду, пираты расслабились, а вот Конан — наоборот напрягся. Он чувствовал нечто невидимое, присутствующее неподалеку.

— Эй, Рорта, здесь есть кто-нибудь? — поинтересовался киммериец у духа секиры.

Отполированный стальной серп высветил на миг чудовищ, что двигались на них целой толпой.

— О Кром! Да это же серые обезьяны!

Конану уже доводилось встречаться с этими существами, и он знал, насколько они опасны.

Сплошь покрытые серой шерстью, эти толстошкурые звероподобные существа были невероятно сильны. Любая из обезьян была в несколько раз сильнее человека и запросто могла разорвать его пополам.

— К бою! — заревел киммериец и поведал морякам об опасности.

Затем они с Мквангой, который не раз сталкивался с гориллами, стали наставлять пиратов, как себя вести.

— Близо не подходить. Попадётся к ним в лапы — умрете мгновенно. Двигаются обезьяны быстро, пускай вас не сбивает с толку их неповоротливый вид. И еще, старайтесь убивать сразу. Эти твари очень живучи, а вид крови лишь усиливает их бешенство.

— А может, спрятаться, капитан? Или убежать? — предложил Гаргус.

— Догонят, — убежденно заверил Конан. — А уж на деревья лезть — последняя глупость. Это их дом.

К несчастью, у них не было ни единого арбалета или лука. Правда, Конан срубил несколько тонких пальм и сделал из них некое подобие копий. Это хоть как-то могло задержать серых бестий.

— Ну, Рорта! Теперь вся надежда осталась только на нас.

Варвар понимал, что пираты с их абордажными саблями и секирами станут легкой добычей для этих чудищ. Правда, Конан крепко рассчитывал на Мквангу. Зембабиец знал, как нужно вести себя в этой ситуации. Да и его двуручная секира, лишь немного уступающая Рана Риорде по размерам, была оружием страшным. Ее можно было смело противопоставить длинным лапам серых горилл.

Разобрав самодельные копья, моряки попрятались за стволы деревьев, но тут богобоязненный Абул начал разводить костер.

— Эрлик всегда покровительствует своим сыновьям, — буркнул он в ответ на немой вопрос киммерийца.

Словно услышав мольбу своего почитателя, огненный бог заставил костер разгореться невероятно быстро. Отбросив копье, Абул вытащил несколько горящих палок, да так и застыл посреди поляны.

Обезьяны оповестили о своем прибытии могучими ударами лап о землю. Гул разносился по лесу, отдаваясь в ушах.

Абул шагнул вперед и метнул свои палки, целясь в волосатые тела тварей.

Должно быть, Эрлика и впрямь тронула такая неистовая вера в его могущество. Густая шерсть запылала, и несколько горилл с диким воем заметались среди деревьев. Остальные, довольно быстро смекнув, что происходит, стали уворачи-

ваться от летящих в них ветвей, но тут в игру вступили остальные.

Следуя совету варваров, пираты напали сзади. Они втыкали свои импровизированные копья в спины и подколенные сгибы тварей, отчего те валялись на землю. Один из туранцев, уверовав в свою непобедимость, ударил в затылок серой бесстии. Копье переломилось, а обезьяна, мгновенно развернувшись, схватила человека за ноги. Послышался страшный звук раздираемой плоти и не менее страшный крик.

После этого удача отвернулась от людей. Пираты начали погибать один за другим.

Худошавый Гаргус уверенно метался между громоздких тел, разя горилл своими мечами, но вдруг, оступившись, упал навзничь. Конан видел, как обезьяна, прыгнув сверху, впилась ему в лицо своими чудовищными челюстями. Зубы с хрустом сомкнулись, и половина головы исчезла в необъятной пасти.

Не выдержав, варвар врубился в сжимающееся кольцо чудовищ. Рана Риорда разила без промаха и пощады, но пираты все равно продолжали гибнуть. Уво, метнувшись на помощь своему командиру, оказался стиснут в стальных тисках огромных лап. Ребра затрещали, и изо рта туранца хлынула кровь.

В этот момент на киммерийца напало сзади очередное чудище. Небесная Секира ожила в руках Конана и, метнувшись назад, толстым топором врубилась обезьяне в пах. Гориллу скрутила жестокая судорога, и, подвывая, она попы-

талась отползти. Острый шип, угодивший ей в висок, оборвал мучения твари.

Мкванга, подхватив с земли несколько кокосов, с силой метал эти снаряды в приближающихся монстров. У одного треснул череп, еще один подвывал, схватившись лапами за грудь, — от сильнейшего удара он не мог вздохнуть. Зато третий — судя по габаритам, вожак — продолжал двигаться вперед. Зембабвиец понял, что этой схватки ему не пережить. Слишком уж огромен был зверь. Маленькие злые глазки, глубоко посаженные под массивными надбровными дугами, блестели в предвкушении кровавого пиршества.

Мкванга слегка присел, держа копьё в вытянутой руке. Конечно, он понимал, что оно не причинит серьезного вреда серой обезьяне, но, во всяком случае, это хотя бы поможет отсрочить гибель. Горилла неожиданно бросилась вперед, широко расставив лапы. Зембабвиец ждал до самого последнего момента, а затем отпрыгнул в сторону, с силой ударяя заостренной палкой в печень. Лесной великан взвыл и резко отпрянул назад. Толстый ствол обломился, оставляя заостренный конец в теле. Правда, и Мкванга почувствовал острое жжение в плече. Острые когти обезьяны разворотили плоть. С превеликим трудом негр выхватил из-за пояса секиру и, держа ее в одной руке, приготовился принять смерть в бою. Но теперь и вожак лохмачей не рвался на рожон. Он выжидательно поглядывал на человека, пытаясь понять, каковы будут его дальнейшие действия. Зембабвиец чувствовал, что от по-

тери крови у него закружилась голова, а в ногах появилась дрожь. Понимая, что ждать больше нельзя, Мкванга решился атаковать. Он вскинул секиру вверх, изображая прямой удар, а затем неожиданно даже для самого себя метнул ее в противника. Вожак никак не успел отреагировать, и сверкнувший стальной полумесяц вонзился точно в голову, рассекая череп пополам.

— Отличный бросок, клянусь Кромом! — раздалось над самым ухом. Только сейчас до зембабвийца дошло, что бой закончен.

Большая часть обезьян лежала на земле, истекая кровью. А над этой горой трупов возвышался киммериец. Сейчас он и сам походил на демона. Весь в крови, взъерошенный, а синие глаза так и горят....

На родине зембабвийца всегда говорили, о том, что у обычных людей не может быть таких глаз. Конечно, немного постранив, Мкванга понял, что мир насеют люди разных оттенков кожи, с различными волосами. Но до сих пор он действительно ни разу не встречал людей, подобных их капитану.

На целую голову возвышающийся над остальными, Амра был непомерно широк в плечах, а его стальные мускулы-канаты выдавали нечеловеческую силу.

Раньше зембабвиец считал, что самые крупные и сильные люди — это южане. Но теперь его вера в себя несколько пошатнулась. Достаточно было посмотреть на груды серых обезьян, что неподвижно лежали перед Амрой. Такое не под си-

лу никому из их деревни. А там крепкий Мкванга считался отменным воином, одним из лучших!..

Он, конечно, ходил с ножом на тигров, бил копытами львов, но вот горилла — до этого самого дня — старался обходить стороной. Бывало, они нападали сами и нередко уносили детей, но в таких случаях на охоту отправлялись всей деревней. И никто и никогда не выходил на бой с этими чудовищами один на один.

Зембабвиец и не ведал, что на далеком севере живут огромные медведи. В лесах — бурые, а на севере — белые... И те и другие отличаются свирепым нравом и огромной силой.

Однако среди северных народов бытует обычай ходить на этих зверей с рогатиной. Киммерийцы и нордхеймцы до того наловчились давить медведей, дабы не испортить их роскошных шкур, что со временем этот обычай превратился в обязательное испытание для юношей — для того, чтобы они могли стать полноправными членами племени или клана.

Конан и сам прошел через такое. А однажды ему даже пришлось задушить бурого медведя голыми руками. Задушить-то он его задушил, да только сам потом три дня отлеживался в избе волхва.

Раны, нанесенные страшными когтями, никак не хотели заживать, а поломанные ребра — срастаться...

Но все это осталось в прошлом. И сейчас не было времени предаваться воспоминаниям!

Сейчас Конан стоял на груде изуродованных трупов и пересчитывал погибших.

Более всего его раздражало, что отряд тает прямо на глазах, как облачко. Возможно, вскоре от него и вовсе ничего не останется...

Глава шестая

Рамон, проснувшись по старой, еще жреческой привычке на рассвете, сладко потянулся и отправился справлять нужду. После этого он решил проинспектировать моряков, которым прежде было велено следить за морем.

— Сколько сумели доплыть? — поинтересовался стигиец у Торна.

— Тринадцать. У нас теперь девятнадцать человек.

— Великолепно! — воскликнул колдун. — Целая маленькая армия. Этого вполне хватит, чтобы добраться до сокровищ Сиптаха.

Рамон с неудовольствием оглядел спасшихся. Выглядели они жалко. И самое главное, точно так же себя чувствовали.

«Идиоты, — подумал стигиец. — Вместо того, чтобы радоваться тому, что они остались в жи-

вых, эти мокрицы скулят по поводу гибели корабля и товарищей».

— Смотреть на вас тошно, — сообщил он команде. — Немедленно привести себя в порядок — и за работу!

Люди заметались, пытались поскорее выполнить приказание жреца. Все они понимали: только Рамон может вытащить их отсюда. А как же иначе? Ведь это он — жрец Сета.

— Что будем делать, хозяин? — полубопытствовал асир.

— Для начала надо сколотить плот. Незачем стирать в кровь ноги. Пускай наши brave парни сплавляют на место вчерашнего боя и притащат сюда все, что еще может держаться на плаву.

Вскоре работа закипела вовсю. Одни, на лодке, буксировали к берегу доски и бревна; другие — их сколачивали и вязали. Любой моряк, ходящий под парусами, умеет плотничать и шить. Неизвестно, где и когда тебя может застать беда. А так — ты всегда готов к ней. Главное — не оплошать, используя ценный материал.

— Пожалуй, в расход в первую очередь пустим солдат, — негромко обратился к Торну Рамон. — Моряки умеют намного больше, нежели просто махать мечами. А этих горе-воjak ты и один заткнешь за пояс.

Северянин согласно закивал. Он и сам не чурался грязной работы, когда заставляла нужда. Торн на своем опыте знал, что самый неприспособленный к жизни народ — это офицеришки,

которые не могут даже мундира себе заштопать. А еще, как он слышал, бывали и такие, что отдавали в заточку свои мечи. Это было в глазах асира самым чудовищным преступлением. Доверить свое оружие чужому человеку — все равно что добровольно положить голову под топор палача.

Как только миновал полдень, плот был готов к отплытию. На нем стояла маленькая мачта с небольшим треугольным парусом. Парусину они тоже выловили в воде. Небольшие ее кусочки после недолгой починки превратились во вполне приемлемый парус. Большое галерное весло Торн приспособил под штурвал. На севере до сих пор нередко использовалось именно это приспособление.

— Вперед! — воскликнул Рамон. — Нас ждут великие дела.

Он уселся прямо в центре плота на крупный сундук, что удалось выловить одному из матросов.

Остальные были вынуждены толкать плот шестами. Только Торн с удовольствием встал у руля. Уже много лет он не ходил под парусами и теперь почувствовал сладостное напряжение в теле, когда плот, послушный его воле, мчался навстречу волнам. Он, как и Рамон, был в этот момент счастлив. Но только первый восхищался своим превосходством над другими, а второй наслаждался происходящим. По личному мнению асира, жизнь не стоит ломаного медяка, если в ней нет места для риска и подвигов.

Путешествие протекало неспешно и без осо-

бых эксцессов, пока совершенно неожиданно их плот не лишился руля. В этот момент плавучим средством правил горбоносый стигиец, который на время сменил варвара. То ли он не заметил опасности вовремя, то ли тварь плыла на слишком большой глубине — но он погиб, даже не успев вскрикнуть. Вода вспенилась, и над ней мелькнула гигантская голова рептилии. Моряки опешили от неожиданности, а уже спустя мгновение плот накренился на правый борт, лишившись части поверхности.

— Встаньте по краям плота, идиоты! — заорал Рамон.

Стигийцам не хотелось подчиняться такому приказу, но они тем не менее рассредоточились по краям. Каждый пристально всматривался в воду, надеясь, что чудовищная участь минует именно его.

Когда голова появилась снова, воины были уже готовы. Но их легкие мечи не могли причинить вреда этому чудовищу. Только Торн, метнув булаву (отобранную у кушита), умудрился попасть в бездонный зрачок монстра. Гибкий кожаный ремень, пристегнутый к запястью, вернул оружие в руку хозяина, а вот рептилия лишилась глаза. Ее голова исчезла под водой.

— Ну, все! Теперь перевернет нас, — порадовал остальных асир. Похоже, что его эта участь нисколько не тревожила.

— Как ты думаешь, — поинтересовался Рамон, — может эта тварь чувствовать кровь? Ну, наподобие акул.

— Вполне. Во всяком случае, в воде она уж точно нас переловит.

— Ага! Значит, она улавливает движения! — обрадованно воскликнул стигиец. — Чем больше барахтаешься, тем быстрее поймает.

Никто и понять-то не успел, к чему клонит жрец, а Рамон уже выхватил меч и вспорол живот ближайшего солдата.

— Хм! Пожалуй, это не займет нашего друга надолго.

И он столкнул в воду еще одного стигийца, перерубив ему перед этим ногу.

— Счастливо оставаться! — с улыбкой крикнул он обреченным. — Увы, но составить вам компанию не могу. Слишком тороплюсь...

Плот плавно заскользил вперед, а бедняги остались умирать. Смерть не заставила себя долго ждать. Сперва стигийцы исчезли под водой, а затем в небо ударил кровавый фонтан.

— Бедняги, — сочувственно вымолвил Рамон. — Хотя... почему бедняги? — еще громче воскликнул он. — Это настоящие герои! Ради спасения своих товарищей они бросились в воду, дабы отвлечь эту тварь. Так не позволим пропасть их героизму втуне! Мы спасем! И сделаем это ради них. Ради их подвига!

Стигиец еще долго продолжал лицедействовать, вещая о преданности и верности, а также о чести и самопожертвовании.

Наконец, увидев несколько тоненьких деревьев, он скомандовал сделать остановку.

— Надо же, и тут растут деревья, — с восхи-

щением заметил Рамон, окидывая взглядом скалистый берег. — До чего же совершенна мать-природа! Она разбрасывает семена жизни повсюду, но вверх пробиваются лишь самые сильные. Самые живучие. Вот и мы должны выживать вместо того, чтобы просто жить. Ну почему, спрашивается, человеку всегда мало того, что у него уже есть? Да, потому...

Тут Рамон заметил, что его уже никто не слушает.

— Ну вот. Ни капли благодарности за то, что я спас их никчемные жизни. О люди, ничтожество — вам имя!

Сойдя на берег, стигиец отправился к ближайшему холму, дабы немного развеяться. Тут-то он и узрел ту странность, которой отличались местные горы.

Рамон присвистнул.

— Вот это да! Видать, Сиптах, этот старый недоумок, и впрямь был магом! Ну-ну! Поглядим, что он припрятал в своих подвалах.

Торн, подошедший на зов хозяина, поинтересовался:

— Хозяин, а кто-нибудь из нынешних магов, на такое способен?

— Не думаю! Да и Сет с ними. Нынешние маги нас и не очень-то интересуют. Куда важнее то, что нам приготовил Сиптах.

— Хозяин, смотрите! — закричал асир, указывая на море.

Рамон обернулся и увидел, как моряки, оттолкнув плот, отчаливают от берега.

Брошенные на произвол судьбы, солдаты побежали к берегу, а некоторые даже бросились в воду. Но напрасно они молили и проклинали товарищей. Те были верны только узам морского братства, а потому спокойно оставили воинов на произвол судьбы.

— Что будем делать, хозяин? — спросил Торн.

— Пусть их, — отмахнулся стигиец, продолжая рассматривать пропасть. — Такой хлипкий плот нам уже вряд ли понадобится. Да и сдается мне, что наш подводный друг не так уж далек.

Рамон точно в воду смотрел. Рептилии, очевидно, так понравилось человеческое мясо, что она продолжила преследование, даже несмотря на потерю глаза.

На этот раз появилась не только голова. Мелькнула гигантская спина, и хрупкий плотик распался на части: Люди, оказавшиеся в воде, попытались спастись, но куда им тягаться в скорости с морским жителем! Мелькавшая время от времени пасть ловила людей, и, перекусывая, проглатывала.

Одному все-таки удалось достичь берега, но тут его встретили те, кого он с товарищами оставили медленно умирать на чужой земле.

Теперь, точно так же не обращая внимания на его мольбы и проклятия, солдаты поймали моряка и загнали назад в море. Огромная рептилия, почти полностью выбравшаяся на берег, поймала моряка и, ловко подбросив вверх, проглотила целиком.

— Торн! — неожиданно взволнованно закри-

чал Рамон. — Быстро сруби дерево и вкопай его здесь. А ты, — он указал на одного из стигийцев, — принеси сюда канаты. Они вон за тем камнем.

Не поняв, для чего все это надо, люди тем не менее бросились исполнять приказ. Торн, согнав при помощи пинков себе на помощь полдюжины людей, принялся валить крепкий ствол лиственницы.

Трое солдат сообразили, что они натворили, только тогда, когда чудовищный ящер целиком выбрался на сушу.

Они бросились врассыпную, но голова на непомерно длинной шее оказалась проворнее.

Одного из воинов накрыла тень, а уже в следующую секунду на земле остались стоять только сапоги да обрубки ног, гладко срезанные аккуратно под коленями.

Другой от страха бросился в противоположную сторону, и Рамон глумливо рассмеялся:

— Молодец! Беги, беги... Это даст нам время спастись.

Действие, разворачивающееся на берегу, откровенно забавляло стигийца. Нисколько не волнуясь, он наблюдал за ящером, который бросился в погоню за беглецом.

В это время столб, наконец, оказался на холме, и моряки стали вкапывать его.

Когда рептилия настигла беднягу и сожрала его, Рамон понял, что пора уносить ноги.

— Готово? — раздраженно спросил он.

— Почти, — ответил Торн, привязывая веревку.

Зная, что варвар лично проверил все узлы, Рамон безбоязненно начал спуск.

В это время ящер, медленно, но верно начал взбираться на холм. Следом вниз скользнул асир. А уж только после этого начали свой спуск солдаты второго морского легиона.

«Интересно, — думал в этот момент Рамон, — успеет ли хотя бы третий из той троицы добратся сюда?»

Словно отвечая на его мысли, воин появился возле обрыва и, схватившись за канат, прыгнул вниз. Лишь мгновением позже наверху показалась голова ящера. Не желая упускать столь желанную добычу, рептилия устремилась следом.

— Назад! — дурным голосом закричал Рамон, понимая, что сейчас произойдет. Он метнулся в сторону, а следом за ним побежали и остальные.

Рептилия, привыкшая обитать в воде, плохо держала на суше равновесие. Она перенесла большую часть веса вперед и с жутким ревом полетела вниз.

Солдат, чудом миновавший смерти от зубов наверху, был, однако, расплюсчен внизу тяжелой тушей. От грохота падения морского левиафана заложило уши. А земля содрогнулась так, что люди попадали наземь. Поднявшись, Рамон недовольно осмотрел свой запыхавшийся наряд.

— Ах ты, ублюдок! — закипел он, метнувшись к беспомощной рептилии.

Своим собственным весом ящер раздробил большую часть костей.

— Ну что, поохотился? — весело поинтересо-

вался стигиец. — То-то же. И так будет с каждым, кто встанет на моем пути.

Рептилия застонала.

— Больно? Ну, надо же! А как больно было мне терять своих верных товарищей!

Огромный глаз, размером с голову Рамона, печально смотрел на издевающегося человека. Ящер издал печальный стон, будто прося оборвать его мучения.

— Помочь? Вот еще! Мучайся, тварь. А скоро появятся местные обитатели и славно попируют твоим мясом. Да и мы не откажемся от такого лакомого кусочка. Торн! Тащи сюда этих идиотов, пускай пополнят запас продовольствия.

Как солдатам ни противно было это делать, они были вынуждены вырезать кусок за куском из еще живого тела.

— Эй, там! Выбирайте места посочнее и мягче, — подбодрил их стигиец. — Ему они уже вряд ли понадобятся.

Отойдя на приличное расстояние, Рамон и Торн пустились в рассуждения о дальнейшем пути. Они как следует изучили карту и выбрали нужное направление.

— Хозяин, — сказал асир, — я только опасюсь тех тварей, что могут здесь обитать.

— А ты не опасайся. Думаю, что запах крови приманит сюда самых страшных из них. Эдакой туши хватит на добрую седмицу всем местным монстрам.

— Если только они не предпочитают еще теплую кровь.

— Ну, в таком случае угостим их парочкой солдат. Главное — добраться до замка.

— Угу!

В это время стигийцы, закончив свою грязную работу, упаковали свежее мясо в мешки, предварительно обернув их большими лопухами.

— Готово?! — восхищенно воскликнул Рамон.
— Молодцы! Тогда вперед, к богатству и славе!

К колдуну-недоучке снова вернулось прекрасное настроение.

— Стигия не забудет своих преданных детей. Мы вернемся в почете и славе. И все будут вторить наши имена, как молитву.

Рамон уже и сам не помнил, о чем говорил команде, когда захватывал их корабль. Вроде бы, о некоем тайном задании самого Тот-Амона. А может быть, и нет.

«Какая разница, — решил он. — Все одно, они сдохнут. Я лично позабочусь об этом».

Так, думая про себя одно, он произносил вслух совершенно другое. И такова была власть его звучного голоса, что солдаты с благоговением внимали ему.

«Тупицы», — решил Торн, наперед знающий, о чем сейчас пойдет речь. Сперва Рамон поднимет их патристический дух, затем заговорит о выгоде, а потом — о женщинах.

Асир уже не раз слышал всю эту чушь, которая всегда заканчивалась одним и тем же.

Смертью для других, и богатством и развлечениями — для них самих. Торн не мог себе даже представить, что их может ждать неудача.

А даже если и ждала! Он, в отличие от Рамона, не боялся смерти. Позор — иное дело. Если он опозорится, то его не пустят в залы предков, где все асиры пируют за столом Имира. Вот позора Торн боялся. Но его легко избежать. Для этого надо всего лишь смело посмотреть в глаза смерти, когда она придет. А может, даже плюнуть в ее сторону — пускай захлебнется!

* * *

Когда люди углубились в лес, из укрытия вышел Охотник. Двигался он быстро и бесшумно, не издавая ни единого звука. Однако морской левиафан каким-то образом учуял его. Ящер попытался приподнять голову, но это ему не удалось. Тогда он снова застонал. Странно, но в голосе этого гиганта можно было слышать чуждые для него нотки. Нотки страха.

Охотник застыл неподалеку и внимательно осмотрел рептилию. Будь она здорова, он не преминул бы убить ее. Но эта...

Нет!

Охотник убивал только самых сильных. Такова уж была его природа. Само преследование жертв, их постепенное запугивание — вот что доставляло ему удовольствие. Ну, и конечно же, трепещущая плоть, которую он пожирал, запивая теплой кровью. Охотник не ел падали, не ел мертвого мяса. Он добывал себе пропитание сам. Немного постояв, Охотник бросился в погоню.

* * *

Медленно и верно стигийцы углублялись в лес, следуя за высоким асиром. Торн уверенно вел за собой жалкую и дрожащую кучку людей. Ему было смешно смотреть на этих трясущихся червей. Боятся собственной тени! Даже Рамон — и тот шел в центре колонны, окруженный со всех сторон живым щитом. Варвар только усмехнулся и ускорил шаг.

Рамон с наслаждением впитывал впечатления от этого странного леса. Ряд за рядом высились деревья различных пород, будто кто-то их так высадил, а затем бережно растил и культивировал. Извращенный разум стигийца хватался за все необычное, что попадалось на его пути. А затем... Забывал.

Рамон не любил постоянства и рутины. И именно потому все те, кого он использовал, обещая им богатство и славу, в конце концов погибали. Эти люди просто не понимали, что их судьба ни капли не волнует стигийца.

Его работа, во многом топорная, была рассчитана на получение сиюминутной выгоды. А после он бежал прочь, с головой окунаясь в пучину новых приключений. Его же сообщники и подельщики оставались на месте, цепляясь за богатства, которые они заполучили ценой убийств и грабежей.

Но с уходом Рамона пропадал и тот ореол таинственности, что он привносил в свои действия. И тогда все становилось на свои места. Бандиты

оказывались заурядными бандитами, убийцы — просто убийцами, и все они в итоге получали по заслугам.

Лишь изредка бывший жрец испытывал животный страх. Это случалось тогда, когда он видел себя в заточении. Долгие годы, проведенные в жреческой крипте, отложили свой отпечаток на этого человека. Более всего на свете Рамон боялся вновь оказаться запертым в четырех стенах. Там, где уже не будет простора и свободы.

Порой стигийцу снилась маленькая келья, в которой он был обречен провести вечность. После таких ночей Рамон терял над собой контроль. Вопреки собственным запретам, он напивался до бесчувствия, менял девок и сорил деньгами. Но потом все возвращалось на круги своя, и стигийец бежал. Бежал, куда глядят глаза. Бежал, просто ради самого движения. Так он и метался — от Кезанкийских гор до Западного океана; от Вендии до Киммерии.

Где-то глубоко внутри себя бывший жрец подсудно знал, что эти сны — пророческие. И это, как ничто другое, заставляло бесстрашного стигийца дрожать от ужаса.

Проходя мимо очередной полосы деревьев, Рамон заметил наконец, что это тропические пальмы.

— Эй, ты! — ткнул он в ближайшего воина. — Ну-ка лезь наверх и нарви плодов.

Тому не оставалось ничего иного, кроме как выполнить приказание. Вдоволь наевшись бананов и жареного мяса, отряд собрался уже было

выступить, как вдруг люди поняли, что их стало на одного меньше.

— Куда запропастился этот недоносок? — рывкнул Рамон.

— Он отошел в кусты, — услужливо подсказал кто-то из стигийцев.

— Торн, тащи его сюда, хоть за шиворот. Нашел время страдать от медвежьей болезни!

Асир затопал к кустам, но, заглянув за них, так и подпрыгнул, выхватывая из-за спины секиру. Рамон бросился вперед. Отодвинув ветки, стигиец присвистнул. В кустах лежала только половина тела со спущенными штанами. И более ничего.

— Перекусили пополам, — произнес варвар.

— С чего ты решил? — поинтересовался Рамон. Стигиец оставался спокойным, точно монолит. Некое напряжение выдавала лишь рука, положенная на рукоять меча. Да и то он сделал это скорее по привычке. Рамон был уверен в своей звезде, а потому знал, что пока рядом с ним еще остаются люди, погибать будут именно они, но никак не он сам.

— Нет крови. Только та, что натекла тут. Если бы вторую часть уволокли прочь, мы бы заметили след.

Колдун хмыкнул:

— Чисто сработано! Видимо, местные зверюшки не так уж безобидны. Надо поскорее убираться отсюда.

Перестраховавшись по обыкновению, стигиец шел в середине отряда. Признаться честно, этот

остров начал завораживать Рамона. Его восхищало разнообразие водившихся здесь существ. Единственное, что утомляло, — это та назойливость, с которой их пытались убить. Но и в этом имелась своя изюминка. Правда, только до поры...

Через несколько миль они наткнулись на верхнюю половину тела погибшего.

— Да эта тварь просто играет с нами! — вскипел Торн.

— Зато как! — восхитился Рамон. — Ведь чтобы положить сюда тело, ему надо было разглядеть, где именно мы пойдём.

Понимая, что в этот момент существо наблюдает за ними, Рамон рассмеялся. Он знал, что собаки, идя по следу, всегда чувствуют страх своей жертвы. А если так, то следует в первую очередь озадачить эту тварь. Ведь первыми убивают тех, кто не нужен или не интересен.

Вот он и заинтересует Охотника. А затем сам станет охотником.

Быстрым ударом меча жрец отсек у погибшего голову и поднял ее, держа перед собой за волосы на вытянутых руках.

— Торн, а ведь он даже не заметил, как умер. Посмотри в его глаза.

Асир всмотрелся в остекленевшие очи и понял, что те не выражают ровным счетом ничего.

— Этот кто-то подкрадывается очень тихо, — заметил варвар.

— Либо слишком стремительно. Вот и подумай об этом.

Сказав это, Рамон подбросил голову вверх и сильным ударом ноги отправил ее кусты.

— Лови! — крикнул он неведомому врагу.

По своему опыту колдун знал, что и люди, и звери, сталкиваясь с непонятным, впадают в оцепенение. Вот и посмотрим, как отреагирует на это противник.

Стигиец смело пошел вперед, но по пути незаметно вернулся в середину отряда. Что ни говори, но рисковать понапрасну Рамон не собирался.

Охотник, наблюдавший за ними, действительно заинтересовался. Обладая некоторым зачатком мозга, он смог осознать то обстоятельство, что один из двуногих ни капли его не боялся. Мало того, он бросил вызов Охотнику, швырнув в него голову своего собрата. А это означало, что он видит Охотника. Хотя до сих пор такое удавалось лишь немногим.

На время Охотник решил оставить их в покое. Пускай понервничают...

Миновав лес, маленький отряд вышел на простор, и взору людей предстала степь.

Вдохнув горьковатый запах степных трав и пыли, Рамон улыбнулся. Этот запах напомнил ему бескрайние гирканские равнины. Перед глазами пронеслись видения горящих юрт, умирающих мужчин и насилуемых женщин.

Тогда, лет десять назад, он набрел на небольшую банду отщепенцев. Довольно быстро стигийцу удалось сколотить из них хорошо обученный отряд. И очень скоро, прослышав о них, ублюдки всех мастей стали стекаться в банду. Они граби-

ли караваны, угоняли скот и разоряли небольшие поселения.

Наконец, банда настолько надоела местным племенам, что отрядили тысячу воинов-кочевников на ее поимку. Разбойников перебили, а стоны тех, кто остался в живых, разносились над степями еще не одну неделю. Правда, всего этого Рамон уже не узнал. Он покинул становище незадолго до боя, бросив своих приятелей-бандитов на произвол судьбы. Специальные посты сообщили ему о приближающихся войсках, но Рамон, справедливо рассудив, что бежать одному намного легче, устроил для прочих большой пир, дабы его не хватились до утра. А с восходом солнца лагерь бандитов был окружен.

Переплыв море Вилайет, стигиец пустился во все тяжкие в Аграпуре. А прокутив большую часть из того, что он прихватил с собой, Рамон соблазнил одну стареющую красотку. Через несколько дней соседи обнаружили ее с перерезанным горлом. Естественно, ни денег, ни драгоценностей в доме найдено не было. А бывший жрец меж тем мчался все дальше и дальше, повсюду оставляя за собой кровавый шлейф.

— Что будем делать, хозяин? — поинтересовался Торн.

— Двигаться вперед, разумеется. Но сперва следует совершить кое-какие приготовления.

Рамон вернулся в лес и, расхаживая меж тонких деревьев, время от времени указывал на некоторые из них.

— Это, это и эти три — срубить.

Не спрашивая, зачем это нужно, люди принялись за дело.

Наконец они отправились в путь, изрядно нагруженные древесиной. Путь был долгий и утомительный, но колдун продолжал гнать их вперед.

Лишь к вечеру, найдя подходящее место для стоянки, Рамон смиловился и разрешил разбить лагерь. Для привала он выбрал скопление нескольких дюжин белых валунов, каким-то чудом очутившихся среди степи.

— Надо построить стену, — произнес стигиец, едва люди повалились без сил на землю. — Эй! Поднимайтесь, бездельники. Еще рано спать!

Кряхтя и постанывая, солдаты встали и принялись за дело под руководством беспощадного асира.

— Веселей, веселей! — время от времени подбадривал их стигиец.

И тут Торн с силой метнул камень куда-то за плечо командира. Раздался визг. Варвар подошел и поднял с земли какую-то тварь размером с гиену. Это и в самом деле оказалась гиена, правда, с тремя рядами острых зубов.

— Не было печали, — буркнул северянин, понимая, что если таких зверей соберется достаточно много, не помогут ни его сила, ни рост.

— Может, и пронесет, — пожал плечами Рамон. Впрочем, он не надеялся на это. Но зачем сразу разочаровывать людей? Пускай надеются. Все равно им всем умирать, рано или поздно. И если что-то будет угрожать лично ему, Рамону,

он уж постарается, чтобы они умерли как можно раньше.

— Лучше наберите побольше сухой травы и веток. Нам понадобится много огня. Очень много.

Стигиец не позволял разводить костер до тех пор, пока солнце не скрылось за горизонтом. Только после этого он кивнул:

— Можете разжигать. Только небольшой. Дрова нам еще понадобятся, а сейчас зверюги вряд ли станут нападать.

Аромат мяса, поджаренного вместе с бананами, до того расслабил стигийцев, что они пропустили начало атаки. Десяток гиен, бросившись в обнесенный камнями круг, вцепились острыми зубами в людей. Те, вмиг вскочив на ноги, выхватили мечи и принялись рубить непрошенных гостей.

— Огнем! Отгоняйте их огнем! — воскликнул Рамон, выхватив из костра толстую ветвь. В несколько взмахов он образовал вокруг себя свободное пространство. Стигийцы, вторя его действиям, быстро отбили атаку. Один из них разошелся настолько, что метнул сук вслед убегающим бестиям.

— Сет тебя задери! — взорвался колдун. — У нас что, целый лес под рукой?

Но его в данный момент взволновало нечто иное. Всего на миг огонь осветил небольшой участок земли, и Рамон увидел сотни жутко горящих глаз. Похоже, что люди и впрямь были обречены.

Во время следующей попытки уродцы попытались зайти сразу с трех сторон. Запрыгивая на камни, они бросались на людей, стараясь вцепиться им прямо в горло. Но на этот раз люди были уже готовы. Холодная, остро отточенная сталь и горячий, полыхающий огонь, точно жнецы, сеяли вокруг себя смерть. Внутри круга из камней выросла немалая гора звериных трупов, прежде чем уродцы отступились.

— Выбросить отсюда эту пададь! — велел Рамон, вытирая свой клинок о траву.

Торн схватил несколько трупов и метнул их в темноту. На звук сбежались десятки гиен, и началась грызня из-за свежего мяса.

— Ого! — обрадовано воскликнул стигиец. — Похоже, они просто голодны, а это значит, что мы вполне сможем выкрутиться. Торн, продолжай выбрасывать трупы, но с некоторым интервалом. Так мы сможем протянуть до рассвета.

Асир четко выполнял указания господина, и все же мертвые тела закончились слишком скоро.

— Скоро опять попрут, — сухо заметил Рамон. — Будьте начеку.

Стигиец знал, о чем говорил. Новая атака оказалась еще стремительней и многочисленней. На этот раз без человеческих жертв уже не обошлось. Один из солдат, упав на землю, мгновенно оказался накрыт копошащейся массой. Взревав, Торн распинал гиен в стороны, но было уже поздно. Человек был еще жив, однако лишился лица и кистей рук, которыми пытался прикрыться.

— Торн! — закричал колдун. — Выброси его отсюда. Быстрее!

Не мешкая, асир выполнил приказ. Напор атакующих тут же ослаб, и быстро добив самых смелых или тупых тварей, что продолжали лезть вперед, люди смогли снова перевести дух.

Варвар вновь принялся время от времени выбрасывать трупы гиен на поживу сородичам. Совершенно неожиданно в степи поднялся шум. Слышны были рычание и визг. По звукам Рамон определил, что на гиен напал кто-то очень крупный.

— А вот и наш лесной друг! — весело рассмеялся он, втайне надеясь, что ему и дальше удастся сохранить присутствие духа.

На самом деле, порой и ему доводилось испытывать страх, но он всегда старался подавить в себе подобное недостойное чувство, зная, что это — самый первый шаг к гибели.

Вынув из костра палку потолще, Торн метнул ее высоко вверх, пытаясь разглядеть нового противника.

Огненный шлейф взмыл по дуге и на мгновение застыл прямо над местом боя. В этот момент они увидели существо, с легкостью разрывающее на части десятки гиен и продвигающееся вперед, прямо к их становищу.

Гиены, посопротивлявшись еще какое-то время, бросились наутек. Враг оказался им не по зубам. Самые смелые из них успевали прихватить с собой немного мяса.

А когда последняя тварь ретировалась, на степь опустились полная тьма и тишина.

— Все ветки — в костер! И поживее! — приказал Рамон, понимая, что наступил решающий миг этой ночи.

Теперь либо его план удастся, либо все они станут поживой червям...

Но сам он твердо намерен был выжить, не смотря ни на что.

Глава седьмая

Ба будь он трижды проклят, этот Сиптах, вместе со своим островом! — выругался Конан, осматривая остатки своей команды. В живых осталось четверо туранцев, включая Мулара, Нагир и Никотар, а также раненый Мкванга.

— Капитан, — прохрипел Нагир, — надо бы отыскать ручей.

Конан и сам понимал, что без воды они долго не протянут. Зембабвийцу следовало промыть и зашить рану, а остальным — напиться.

— Ладно, попытаюсь что-нибудь найти, — ответил варвар. — А вы идите вперед, никуда не сворачивая. Мкванга, посматривай, чтобы вы не сбились с направления.

Ранение негра было очень некстати. Он единственный умел ориентироваться в лесу, но из-за сильно кровоточащей раны Мквангу нельзя было

брать с собой. Запах крови мог привлечь и других хищников, что обитали здесь.

Быстро исчезнув в зарослях, киммериец осмотрел путь серых обезьян. Те двигались прямоком через лес, но почему-то обошли небольшой ручей, текущий между деревьями. Конану это не понравилось.

«Может, вода ядовитая?» — подумал он.

Искать другую не было времени, и он рискнул попробовать эту, надеясь вовремя распознать яд.

Как ни странно, но вода оказалась чистой и прохладной, точно брала свое начало среди ледников.

— Ладно, делать нечего, — решил варвар, отправляясь назад. Сейчас было некогда раздумывать над странностью передвижений горилл. Главное — людей напоить.

Пираты, увидев ручей, обрадовались, как дети. Они бросились в воду и, встав на четвереньки, принялись жадно, по-звериному пить. После того, как первая жажда была утолена, люди бросились в воду и стали просто плескаться. Для моряков даже пресная вода была чем-то родным и приятным.

Над самым ухом киммерийца проскрежетал голос Рана Риорды:

— Опасность, потомок Гидаллы. Надо уходить.

Конан не успел даже рта раскрыть, как из воды вынырнула уродливая голова и ухватила одного из туранцев за плечо. Долгое гибкое тело

оплело человека, а затем, стиснув так, что хрустнули кости, утащило на дно.

— Все из воды! — заорал киммериец, но пиратов уже не надо было подгонять.

— Капитан, что это? — спросил широкоплечий Нагир.

— Анаконда, Нергал бы ее побрал! А нам еще на ту сторону перебраться.

— Может, вернемся? — предложил Мкванга, но мысль о том, что его, Конана, заставит бежать какая-то паршивая змея, привела варвара в бешенство.

— Переправимся чуть дальше, — стиснув зубы, пробормотал он.

— Но зачем? — воскликнул удивленный Никотар. — Зачем нам вообще понадобилось лезть в глубь этого острова?

Вместо киммерийца ответил Мулар:

— А зачем мы вообще плыли сюда? Не понял еще? Сокровища! Вот что мы ищем.

Конан еще раз восхитился этим человеком. В дополнение к силе и выносливости, он обладал еще и умом. Только туранец понял истинную цель путешествия.

Пройдя вниз по течению на несколько лиг, отряд обнаружил вполне приемлемое место для ночлега. Учитывая, что людям после столь бурного дня требовался отдых, варвар распорядился разбить лагерь.

— Ну, что скажешь, Рорта? — поинтересовался Конан у секиры. — Безопасно тут, или как?

— Не знаю, потомок Гидаллы. Не знаю! В воз-

духе что-то витает, но я не могу понять — что именно. Этот остров переполнен магией, мое зрение меркнет.

— Но ты же разметала магию стигийцев, Рор-та, — удивился варвар.

— То была людская магия. А тут магия древняя. Возможно, куда более древняя, нежели моя.

— Вот это да! А кто говорил, что видел рассвет и падения держав, коих и на планете-то уже давно не осталось? А этим островом владел какой-то выкормыш Сета...

— Тут нечто большее, нежели магия Стигии и Сета. Куда более могущественное.

— Значит нечто — древнее и могущественное, — задумчиво вымолвил варвар. — Это хорошо.

— И чем же? — не поняла Небесная Секира.

— Да тем, что чем древнее клад, тем больше в нем золота и алмазов. Раньше этого добра было навалом. Не то что сейчас. Помнится, нашел я...

Воспоминания Конана оборвал крик одного из пиратов.

Варвар обернулся и увидел на земле чьи-то ноги. Остальная часть туловища находилась в стволе дерева, которое оказалось живым. Киммериец яростно рубанул по стволу. Брызнул зеленый сок... Но спасти беднягу им так и не удалось.

— Капитан, сзади! — закричал Никотар.

Конан не глядя отмахнулся от оживших в миг веток, и те, отсеченные, отлетели прочь.

— Уходим! — гаркнул варвар, но тут же понял, что путь назад им отрезан. Жуткие создания встали стеной на пути пиратов.

— Через ручей! — рявкнул Конан, понимая, что это их единственный шанс.

Пираты не медлили. Они, конечно же, помнили о змее, но та могла схватить только одного из них, а деревья — погубить всех.

Люди бросились в воду, которая доходила им до пояса, и устремились на другую сторону. Конан прикрывал их отход. Как ни странно, но рядом с ним стоял Мулар. Конечно, его сабли не могли сравниться с Рана Роиордой, но туранец не стушевался. Он отсекал тонкие ветви и корни, что так и норовили оплести руки и ноги.

— Бежим! — закричал варвар, и в этот момент в воде появилась анаконда. Змея одним броском вцепилась в шею Нагира и потащила его в воду. Никотар, увидев, что случилось с его братом, прыгнул в ручей и стал кромсать тварь мечом. Пробегая мимо, Мулар рубанул саблей по голове анаконды и единым взмахом перерубил толстое тело. Конан попытался распутать переплетение колец, и лишь с большим трудом ему это удалось...

К счастью, шемит был жив, хотя и дышал еле-еле. Перекинув его через плечо, Никотар, кряхтя, понес брата прочь.

Как выяснилось, и по эту сторону ручья деревья были живыми. Конан рубил направо и налево, расчищая проход. В конце концов, им удалось выбраться, хотя и с превеликим трудом.

Пираты выбежали из леса...

...и оказались в степи.

— Так не бывает, — буркнул Мулар, но с яв-

ным удовольствием вдохнул степной воздух. Тут туранцы были в своей стихии.

Они довольно быстро отыскивали ключ, бьющий из земли, и разбили лагерь.

— Это тебе не лес, — буркнул Абул, поворачиваясь к Мкванге. — Тут все просто и привычно.

Конан, которому доводилось странствовать по Гиркании, уверенно повел воинов за собой, чем несказанно удивил степняков. Они-то считали капитана варваром. Каковым он, по сути, и был. Только они вкладывали в это слово несколько иной смысл. Презрительный.

На ночь они расположились на невысоком холме. Удивительное дело, ночь прошла довольно спокойно, хотя киммериец и ожидал подвоха от колдовского острова.

Зато рассвет принес новые неприятности. Равнина пришла в движение. Звери всех пород и размеров мчались в сторону людей. Но Конана поразило совсем иное. Животные явно от кого-то убегали. Время от времени некоторые из них останавливались и поднимали головы, к чему-то прищухиваясь. Варвару это очень не понравилось.

— Лучше вернуться назад и переждать, — предложил он остальным. Мкванга и шемиты были обескуражены, а вот туранцы кивнули.

Нахмурившись, Мулар вымолвил:

— Не понимаю, что могло согнать с места зубров. Эти гордые животные никого и ничего не боятся.

— Как и туры, — поддержал его Абул.

— Бежим, — решил Конан, и они побежали назад.

Несмотря на рану, Мкванга мчался как ветер, почти не отставая от киммерийца. Следом трусили туранцы, а вот шемиты явно держались из последних сил.

Конан понял, что эти мускулистые парни погибнут следующими. Их сила, столь нужная на корабле, была бесполезна на острове. Братья были не приспособлены для длительных путешествий. Не то, что жилистые туранцы. Этих было удивительно встретить на судне, но не здесь. Волки любят простор.

Конечно, как бы ни был хорош Мкванга, но и он не сравнится с Муларом. Этот вояка, более походивший на горного барса, запросто мог обставить и самого Конана. А такие люди вызывали у варвара уважение. Не часто можно было встретить среди цивилизованных людей стоящего человека. Конан мог пересчитать их по пальцам.

Вслед им несли мерный топот лап и копыт, а также неизвестный нарастающий гул. Кто это был, варвар не мог себе даже представить. Но время от времени он слышал хрипы и стоны умирающих животных. Складывалось такое впечатление, что их просто разрывали на части.

Вот взревел зубр, решивший встретить врага лицом к лицу... Но рев быстро смолк. Гул же продолжал нарастать.

— Кром, — прохрипел на ходу киммериец. — Ну что за проклятое место!

Наконец они достигли живого леса.

— Стоп, — решил Конан. — Внутрь войдем только в крайнем случае.

И тут из-за ближайшего холма появились их преследователи. Это были высокие, почти шести-футовые существа, с длинными шеями и крепкими лапами.

— Страусы, — изумленно произнес Мкванга. — Только у этих пасти больше похожи на крокодилы.

— А это и есть крокодилы пасти. И головы тоже, — отозвался более глазастый киммериец. Он уже понял, что кто-то, обладающий извращенным мышлением, каким-то образом скрестил эти столь несхожие между собою существа.

Крокодилоголовые птицы даже не бежали, они текли полноводной рекой. И спешили они именно к лесу.

— К ручью! — приказал Конан. — Будет им сейчас сюрприз...

Они с разбегу перескочили водную преграду, стараясь держаться как можно дальше от плотоядных деревьев. Конан держал Небесную Секиру в руках, готовясь в случае чего отбить нападение. Но его не последовало. Деревья словно чувствовали, что скоро их ждет целое пиршество, а потому ничем не выдавали себя.

Первые страусы ворвались в лес и помчались вглубь чащи. Эти владыки местных степей были настолько уверены в себе, что не ожидали никакого подвоха.

Но когда в лес втянулось не менее половины стаи, деревья ожили. Они хватали, оплетали, да-

вили и душили степных уродцев, а те ничего не могли противопоставить неожиданным врагам.

— Пора выбираться, — решил варвар, когда большая часть страусов оказалась повержена.

Он скользнул в воду и добрался до противоположного берега. Остальные точно так же благополучно миновали ручей. Выйдя из леса, люди оказались в очередной раз поражены. Теперь степь походила на пустыню. Трава была вытоптана, а в воздухе витала пыль.

— Тут не поохотишься, Эрлик их сожги, — пожаловался Абул.

— Это верно, — согласился с ним киммериец. — Но главное, чтобы мы смогли отыскать источник. Эти уроды могли все вытоптать.

— Да, но куда идти? — воскликнул Абул. Похоже, он до того уверился, что капитан знает о кладе все, что старался вызнать у того как можно больше.

Конан вскарабкался на ближайший холм, правда, не для того чтобы осмотреться, а чтобы посоветоваться с духом Небесной Секиры.

— Что скажешь Рорта? Куда идти?

Материализовавшийся призрак пожал плечами.

— Путей два. Во всяком случае, на этом острове два источника силы. И судя по всему, они противостоят друг другу.

— И что? — не понял киммериец.

— Как — что? Если есть сила, то именно туда и следует идти.

— Да, — согласился варвар. — Точно. Там же

следует искать сокровища. Итак, Рорта, что же это за силы?

— Не знаю, потомок Гидаллы. Они древнее и сильнее меня. Я уже говорил...

— Ну, хорошо. А можешь ты сказать, по крайней мере, куда делись эти мерзавцы со стигийской галеры?

— Они направились на юго-запад, но сейчас я не вижу их. Должно быть, они скрылись в тени силы, что обитает там.

— Тогда мы пойдем в другую сторону. И клянусь небесами, я все равно достану их, даже если мне будут противостоять все демоны мира! Итак, куда Рорта?

— На юг. Но уверен ли ты, потомок Гидаллы, что другая сила поможет тебе?

Конан не был уверен в этом, но что-то и в самом деле тянуло его на юг.

* * *

Два дня прошли довольно спокойно и даже скучно. Они били дичь, жаря ее на огне. Правда, при этом люди испытывали мучительную жажду. Конан оказался совершенно прав, говоря о том, что воды-то им и будет не хватать.

Наконец на третий день Мулар каким-то чудом вывел их к озеру. Степняк вообще лучше других чувствовал воду. Это было сродни волшебству.

Озеро даже было трудно назвать таковым, скорее — большая затхлая лужа, но люди были

рады и этому. Нагир и Никотар с разбега бросились в воду, и в этот момент озерная гладь заколыхалась. Как выяснилось, это была вовсе не вода, а огромная студенистая масса. Шемиты закричали. Они стали погружаться внутрь, и киммериец увидел синеватые внутренности. Перед ними была гигантская медуза! Но как она оказалась в степи? Этого варвар не мог себе и представить.

Он выхватил Рана Риорду, но дух взмолился:

— Не погань мой небесный металл об эту мерзость, потомок Гидаллы!

— Черт с тобой, — пробурчал киммериец, которому претило оставлять товарищей неотмщенными.

— Уходим, — приказал варвар.

Теперь их осталось четверо. Но Конан боялся, что и это ненадолго... Под вечер им удалось отыскать небольшой ключ, бьющий из земли. Боясь его потерять, Конан руками выкопал ямку поглубже. Вода оказалась сладковатой и холодной. Хоть что-то на этом проклятом острове было нормальным... Но увы, стоило людям напиться, как источник тут же иссяк.

— Он ушел, — сообщил дух. — Будто кто-то иссушил его.

«Начинается», — подумал киммериец. Уже не в первый раз за свою жизнь варвар сталкивался с кознями колдунов, которые вредили ему. Правда, все они в итоге, лишались своей премудрой головы, со злостью подумал Конан. И этот не будет исключением.

Варвар был уверен в своих силах. А уж с Рана

Риордой ему и вовсе не о чем было волноваться. С такой секирой он мог бы бросить вызов богам.

Жаль, что нельзя было оставить ее себе навеки. У Конана только тридцать дней. Затем их пути разойдутся... Варвар и дальше будет искать счастья в этом мире, а Небесная Секира станет служить потомкам клана Южного Ветра.

Конан и сам не почувствовал, как из раздумий погрузился в сон. Сон был тяжелый, муторный.

Варвар стоял возле колодца, не имеющего дна, и оттуда его кто-то звал. Конан сделал шаг вперед и заглянул в колодец. Его взору предстала необъятная мировая бездна, и из ее глубины кто-то тихонько молил о помощи. У варвара защемило сердце от тоски и одиночества, что испытывал этот некто...

Конан открыл глаза. На небе ярко сияли звезды, и на миг варвар понял смысл их движения. Он чувствовал и понимал взаимосвязь растений и животных, видел мир, каким его создал Творец, такой далекий и всемогущий... Но миг всезнания прошел, и Конан снова почувствовал себя прежним.

Осталось только чувство долга. Он должен был спасти кого-то из заточения.

— Подъем! — рявкнул киммериец, вскакивая на ноги.

Не спрашивая ни о чем, люди последовали за ним. Их шатало от усталости, но они все равно шли. И Конан поразился крепости хрупкого создания, называемого человеком.

Рушатся горы и стираются в песок камни; высыхают моря, а на их месте появляются пустыни, которые однажды снова покроются водой, и только люди продолжают жить. Они рождаются, бьются, влюбляются, умирают в конечном итоге, но путь продолжают их дети, внуки и правнуки. И так из года в год, из века в век. И каждый из этих людей способен на нечто большее, нежели просто жить, любить и умереть. Каждый из них способен идти вперед к своей цели, отдавая ей себя самого. Идти, ничего не страшась...

Вот и сейчас Конан наблюдал победу духа над телом. Его спутники видели гибель своих товарищей. Они знали, что могут умереть, но все равно шли вперед.

Варвар потряс головой. Он не привык к подобным философствованиям. Пусть лучше этим занимаются мудрецы. А он привык решать вопросы совсем по-другому. Один взмах секиры или доброго меча порой стоил намного больше, нежели все слова разом.

* * *

К вечеру следующего дня они увидели вдали какую-то растительность. В тот же вечер погиб Абул. Случилось это так. Воздух наполнился громовым топотом, и откуда-то вынырнула огромное существо, похожее на носорога. Вот только вместо одного рога у него было целых три.

Увидев людей, трирог понесся на них. Конан уже изготовился нанести решающий удар, как

вдруг туранец, не выдержавший напряжения момента, побежал.

Мгновенно сориентировавшись, трирог погнался за ним. В четыре могучих прыжка тварь догнала человека, и, насадив его на рога, побежала дальше. Чудовище скрылось из виду, а они еще долго слышали истошные крики пронзенного человека. Тот был обречен на страшную гибель.

— Эрлик, прими своего верного сына, — едва слышно прошептал Мулар. Гибель последнего соратника потрясла туранца до глубины души. Но он не собирался отступать. Мулар побрел дальше, следуя за своим кашитаном.

* * *

Утром они достигли темной полосы.

Это оказались заросли кустарника, почти втрое превышающие рост варвара. Кусты росли так густо, что пробиться сквозь них не было никакой возможности.

— Что будем делать? — устало спросил Мкванга. Даже у этого гиганта иссякли силы.

— Может, попробуем обойти? — предложил туранец.

Они попробовали. Разделившись, трое человек попытались отыскать хоть какую-нибудь тропку. Компанию киммерийцу составил дух Рана Риорды.

— Это место мне не нравится, — проскрипел призрак. — Здесь мое зрение слепнет.

— Значит, мы у цели, — в тон ему ответил киммериец.

Варвара так тянуло что-нибудь разрушить.

— Вот встретим хозяина, тогда и поговорим с ним по душам!

Странно, но воинствующая секира не поддержала предложение северянина.

..К вечеру все трое встретились на прежнем месте.

— У нас ничего, капитан, — отчеканил зембабиец. — Кусты тянутся сплошной стеной.

— То же самое, — буркнул варвар. — Будем прорубаться.

Решено было начать работу с рассветом, и тройка воинов разбила походный лагерь. Едва забрезжил рассвет, а они уже работали, как проклятые. Поочередно сменяя друг друга, путники вгрызались в заросли, точно черви. Разумеется, большую часть работы выполнял Конан. Но и его силы были небеспредельны. Рана Риорда могла рубить сколь угодно долго, но варвар-то уставал. Дни, проведенные в пути без воды, сказались даже на железном здоровье киммерийца.

Впрочем, заросли только выглядели бесконечными, но и они в итоге закончились. Сильным взмахом Небесной Секиры Конан срубил последние стебли, и в этот миг ему в уши ударил ужасный шум.

— Клянусь бородавками Нергала! — воскликнул Конан, делая шаг вперед. Перед ним протянулся недлинный козырек чистой земли, а за ним...

...за ним находилась котловина кратера. Его стены были изрыты норами, а еще ниже из скал потоками извергалась вода. Она срывалась вниз и с ужасным грохотом падала в небольшое озеро на дне.

В центре этого озера находился небольшой островок, на котором стояла черная пирамида.

— Вот ведь Сетово отродье! — взревел северянин. — И тут свои паскудные пирамиды понаставили.

Киммериец подхватил некрупный камень и силой метнул в пирамиду. Понятно, что до цели он не добросил, но зато попал в какую-то тварь, которая в этот миг вылетела из норы.

Конан посмотрел вниз и выругался, вскидывая Рана Риорду.

— К оружию! — заорал киммериец.

Возможно, они могли бы избежать боя, если бы побежали, но, оглянувшись, Конан увидел, что путь назад им опять отрезан. Точно по волшебству, проход, который они прорубили с таким трудом, исчез. За спиной у людей снова высились непроходимые заросли кустарника.

— Кром! — заревел варвар и нанес первый удар.

Летающие твари, появившиеся из кратера, более всего походили на крыс, но размерами превышали кошек. У них были широкие пасти, усеянные острыми зубами, и длинные когти.

И самое главное, их были сотни...

Трое против сотен! Люди понимали, что это смертный приговор, но никто из них не дрогнул.

Они рубились как сумасшедшие.

Мулар разил своими саблями со стремительностью королевских кобр. Остро отточенная сталь с легкостью перерубала жилистые шеи и тела. Кружась, точно в танце, туранец был недосыгаем для зубов и когтей летунов.

Мкванга же, наоборот, стоял на одном месте, широко расставив ноги. После смерти Нагира зембабвиец нес его секиру, и теперь в каждой его руке было зажато по топору, которыми он дробил и крушил врагов. Секиры мерно поднимались вверх и так же неуклонно падали вниз, собирая кровавую жатву.

У негра закатились глаза, и были видны только белки, а изо рта текла пена. Конан сравнил бы этого скалящегося белозубого великана с исчадьем преисподней, но киммериец и сам в этот миг больше был похож на демона.

Рана Риорда разила без промаха, а сам Конан рычал и ревел что-то нечленораздельное...

Первым погиб Мулар. Вокруг него выросла гора трупов, но крысы все равно сумели облепить его со всех сторон. Туранец уже давно выронил свои сабли, сменив их на ножи. Короткие кинжалы вспарывали животы и отсекали ланы. А когда и они выпали из скользких от крови рук, Мулар пустил в ход локти и зубы. Но силы оказались слишком неравными.

Несколько сотен крыланов сумели приподнять относительно легкое тело туранца и потащили его к краю.

Мулар дико заорал и из последних сил вце-

пился зубами и руками в своих противников. Он решил забрать с собой на тот свет как можно больше нечисти.

Увидев гибель товарища, Конан заревел, и холодная ярость варвара превратилась во всежигающий гнев. Ненависть придала ему новых сил, и Небесная Секира замелькала вдвое быстрее.

Казалось, прошла вечность, прежде чем дрогнул непоколебимый Мкванга. Руки зембабвийца стали похожи на виноградные грозди (настолько их облепили крылатые крысы). Он двигался все медленнее и медленнее. Мускулы его натужно ныли, и негр решился бросить один из топоров. Он поудобнее перехватил второй обеими ладонями и снова врубился в крылатую стаю. Однако эта уступка усталости не осталось незамеченной. Твари усилили натиск и попытались задавить гиганта количеством. Мкванга продолжал рычать, пуская пену, но его ярость пропала втуне. Крысы облепили человека со всех сторон, и вскорости вечно смеющийся зембабвиец полетел вниз.

Конан остался один.

Он уже понял, что рано или поздно отправится вслед за своими товарищами, однако сдаваться не собирался. Скорее, наоборот. Осознание того, что это его последний бой, придавало киммерийцу дополнительные силы.

— Тебе не будет стыдно за своего сына, владыка Кром! — громко закричал варвар, рассекая десятки крыс за раз.

— Прими и этих, Кром! — рычал Конан, нанося новый удар. Он потерял счет времени, про-

должая выкрикивать гневные фразы в ярости битвы.

Раз за разом, посвящая убитых своему богу, варвар уменьшал их количество. Но неизбежное не миновало и его. Когда живых крыс осталось намного меньше, чем мертвых, одна из этих тварей схватила камень и, поднявшись повыше, сбросила его вниз, на врага.

Удар в спину заставил потерявшего равновесие варвара пошатнуться и, утратив точку опоры, он полетел вниз, вслед за своими товарищами. Крыланы продолжали виться неподалеку, и киммериец своими огромными руками успел схватить еще с десятков крыс, которых он тут же раздавил, прижав к могучей груди.

— И этих тоже... — успел прошептать варвар, прежде чем сознание покинуло его.

Глава восьмая

Охотник не спешил. Он выжидал, понимая, что терпение жертв имеет свой предел. И когда их ужас достигнет апогея, он наконец явит им свой лик.

Рамон не сказал остальным, что монстр наверняка утащит кого-нибудь из них. Впрочем, его это и не волновало. Подумаешь, одним человеком на земле станет меньше! Мало ли еще их народится. Главное, чтобы тварь не перепутала в темноте и не схватила его. Вот что будет самым обидным. Даже не то, что он попадет в собственную ловушку, а то, что тогда ценой его драгоценной жизни смогут спастись остальные...

Длинный упругий язык мелькнул в воздухе, опутывая грудь одного из солдат, и стал утягивать того назад.

— Торн, руби! — приказал стигиец, и могучий

асир опустил свою чудовищную секиру на длинный отросток, перерубая одновременно и шеей воина. Но на это никто не обратил внимания.

Рамон тут же рассек нужную веревку, и заостренный кол вошел в живот Охотника. Чудовище утробно заревело, и в этот момент на поле вернулись уродливые гиены.

— Бежим! — крикнул Рамон, который углядел шанс вырваться с проклятой равнины.

Первым помчался Торн. Следуя своему варварскому чутью, он выбрал нужное направление и повел за собой остальных.

Враги, занятые друг другом, не обратили внимания на убегающих людей. А те мчались, как загнанные лани. Стигийцы, второпях побросавшие свои и без того скудные пожитки, с удивлением взирали на варвара, который скакал быстрее остальных, несмотря на громоздкое оружие и тяжелый заплечный мешок. Им было невдомек, что очень скоро они захотят пить, а затем и проголодаются.

Через несколько часов стало светать. Рамон перешел на шаг, и по его побелевшему лицу стало понятно, что жрец находится на грани изнеможения.

Остальным приходилось не легче, но стигиец не останавливался. Он уверенно шел вперед, а затем снова побежал.

Так продолжалось до полудня, после чего Рамон понял, что больше он не сможет сделать и шага.

— Привал, — хотел прохрипеть колдун, но по-

трескавшиеся губы издали лишь булькающий звук.

Правда, остальные и не нуждались в команде. Они без сил повалились на землю и попытались отдышаться. Только Торн, насмешливо улыбаясь, с видом превосходства взирал на изнеженных людей. Прав был отец, говоря, что цивилизация делает людей слабыми и никчемными! Возможно, они сильны своими крепостями и хитроумными приспособлениями, да вот только мир не ограничивается надежными крепостными стенами. Наоборот, за ними он как раз начинается. А раз так, то рано или поздно в этом мире будут править варвары. Во всяком случае, именно они дадут гнивающим державам приток новой, свежей крови. И быть может, в жилах одного из будущих владык будет течь его, Торна, кровь.

Варвар еще раз посмотрел на распластанных людей и зашелся гулким смехом.

* * *

Они брели уже третий день, а равнине не было ни конца, ни края. Двое стигийцев, не выдержав тягот пути, пали замертво. Их еще теплая кровь помогла хоть немного утолить жажду, но пить все равно хотелось, как никогда. Торн уже попадал в такие переделки, а потому шел неспешным шагом, стараясь сохранить как можно больше сил. Он знал, что еще день-два — и они станут пить собственную мочу. А затем закончится и она. Обезвоженное тело перестанет выде-

лять жидкость, и рано или поздно все они падут замертво.

* * *

Рамон шел в беспамятстве. Его тело продолжало двигаться само, без участия разума. Этому трюку он научился еще в детские годы, в часы бесконечных медитаций. Тогда опытные наставники заставляли их неподвижно сидеть часами и даже сутками, не позволяя ни есть, ни пить. Самым неприятным было то, что им приходилось мочиться прямо под себя. Но Рамон выдержал и это. Он всегда был первым среди учеников, а потому его раздражало высокомерие асира, который шел вперед, гордо подняв голову. Из-за того же высокомерия он продолжал тащить с собой секиру и шипастую булаву. А весили они немало. Ох, как немало!

«Я тебе это припомню», — подумал стигиец и чуть не сбился с шага. Он опять погрузился в транс, отринув от себя все мысли.

Видения проносились одно за другим. Видел он море Вилайет и Боссонские топи. Зрел Рабийские горы и Бритунские леса. А после стали проплывать, казалось, навсегда забытые лица. А может, были то и не лица вовсе, а маски...

Вот чернокожий раб — первая жертва Рамона. Вот красавец Хакалим. С ним стигиец впервые познал таинство любви. А вот он же, но только задушенный собственным поясом...

Затем мелькнула и пропала первая шлюха,

что познакомила его с женскими прелестями. Как ни старался Рамон, но он так и не смог вспомнить, что же сделал с ней...

Лица все всплывали и всплывали, и все они что-нибудь да значили в судьбе жреца-отступника.

— Хозяин!

Сколько раз Рамон слышал это слово. Все называли его хозяином.

— Хозяин, — слышалось снова. Кто-то настойчиво тряс его за плечо.

Стигиец вышел из транса и с непониманием посмотрел на асира. Тот указал вперед.

Они стояли на холме, а прямо перед ними шумело море, оно вздыбливалось и разбивалось о высокие скалы, на которых стоял замок. Присмотревшись получше, Рамон понял, что это всего лишь руины некогда великолепной цитадели. Но время оказалось беспощадным к обителю древнего мага. Нетленной осталась лишь высокая черная башня, что возвышалась за крепостной стеной.

— Вот мы и дошли, — едва слышно прохрипел стигиец.

Легкий бриз принес морскую свежесть, и маг вдохнул этот целебный воздух полной грудью. Дремавшая доселе энергия вспыхнула, и Рамон бросился вперед. Он бежал легко, словно до этого и не испытывал страшной жажды и не падал всего минуту назад без сил.

Остальные последовали за ним, правда, не так резко. Из сотни с лишним бойцов, что плыли на

корабле, их осталось только четверо. Двое стигийских солдат хромали где-то позади, но их судьба не волновала бывшего жреца. Наконец-то он достиг цели, и все его мысли в данный момент были заняты именно этим.

Приближающаяся цитадель была сложена из огромных гранитных блоков и производила отталкивающее впечатление. В нее вели две лестницы, одна из которых опускалась прямо в море, а другая — на равнину. Именно к ней и направился стигиец.

Взбежав по ступеням, Рамон шагнул в тень арки. Он ощутил некую дрожь, когда проходил под гигантским сводом. Но, справившись с первобытным страхом, стигиец ускорил шаг и оказался во дворе крепости... И застыл, встретившись взглядом с огромным питоном.

Алые глаза рептилии блеснули нечеловеческой злобой, и, цепenea под этим взглядом, Рамон сделал шаг вперед.

Только болезненно ударившись лицом обо что-то твердое, Рамон вышел из жертвенного транса. Он удивленно поднял глаза и понял, что перед ним всего лишь статуя.

— Будь ты проклята! — прохрипел стигиец, сплевывая на морду рептилии. Он поспешно обернулся и посмотрел, не видел ли кто его позора. К огромному облегчению колдуна, ни Торн, ни солдаты пока еще не вошли во двор.

«Ну, ну! Посмотрю, как вы разобьете свои тупые лбы», — зло подумал Рамон. Неспешно обходя двор, стигиец искоса поглядывал на ворота.

Ему не терпелось увидеть, как и остальные попадут в ту же ловушку.

Наконец из тени шагнули двое солдат и замерли, попав под воздействие чар.

Рамон хихикнул. Ему доставило огромное удовольствие созерцать их тупые рожи. А вот Торн полностью разочаровал мага. Асир влетел во двор и тут же метнул вперед свою палицу, которая, отскочив от статуи, задела одного из стигийцев.

«Что взять с животного!» — подумал Рамон, но в глубине души он был уязвлен. Варвар не попался на трюк с гипнозом. Должно быть, его инстинкты срабатывали раньше мозга. Вот и сейчас тело среагировало на опасность раньше, нежели северянин успел оцепенеть.

Солдат громко вскрикнул, схватившись за раненое плечо. Брызнула кровь, но Торн только ухмыльнулся. Подобрал булаву, варвар направился к стигийцу.

— Хорошенькие камешки, — плотоядно сообщил он, показывая на глаза каменного змея. — Стоит их выковырять, когда будем уходить отсюда.

— Конечно, друг мой, — дружелюбно отозвался Рамон, а сам подумал, что варвар может и не выбраться из замка. В последнее время он начал раздражать колдуна. Рамон любил разнообразие. Тех же, кто начинал утомлять его или просто переставал забавлять, стигиец убивал.

— Пойдем, посмотрим на вход, — предложил

Они приблизились к черной каменной двери.

— Хорошо сохранилась, — вымолвил Торн, как следует изучив гладкую поверхность, на которой не было ни царапины.

— Как и вся башня, — в тон ему ответил Рамон. — Надеюсь, подвалы тоже не тронуты!

И оба они рассмеялись шутке стигийца.

Ну, конечно же, более всего обоих интересовало содержимое здешних сундуков. Возможно, сокровища старого колдуна окажутся так изобильны, что им более никогда уже не придется заботиться о золоте. Его хватит до конца жизни.

Рамон видел в своих мечтах, как мчится на лучших скакунах Гиркании по всему миру. Сознание рисовало отборные войска, послушные только его воле. Самых обольстительных красавиц и красавцев, что готовы выполнить любую его прихоть, и многое, многое другое...

Рамон толкнул дверь, но она не поддавалась. Тогда, припомнив несколько простых заклинаний, отпирающих любые запоры, колдун произнес их, одно за другим.

...И никто не заметил, что кровь попавшая на статую, медленно впитывалась в камень. Питон вздрогнул, просыпаясь после многолетнего сна, и по его телу пробежала дрожь.

Алые глаза прояснились, и пресмыкающееся ожило. Оно медленно повернулось в сторону находящегося неподалеку солдата, и тот вздрогнул. Однако несчастный даже не успел открыть рта, как в мгновение ока оказался перемолот острыми зубами.

Второй солдат все же успел поднять крик и побежать в сторону колдуна.

«Чего тебе еще?» — хотел лениво спросить Рамон, но слова мигом застыли у него в горле, когда он увидел чудовище. Из пасти у того капала кровь, и оно плотоядно смотрело в сторону людей.

Торн среагировал все тем же движением. Шипастая булава полетела в голову змея, но тот перехватил пудовую палицу на лету и тут же смял ее чудовищными челюстями.

Рамон принялся произносить заклинание за заклинанием, однако все было бесполезно. Дверь не хотела поддаваться.

В этом не было ничего удивительного. Ведь Сиптах был величайшем магом древности, а Рамон — всего лишь жрецом-недоучкой.

— Будь ты проклят, Сиптах! — зло прохрипел стигиец. И... о чудо! Ворота распахнулись сами собой.

— Торн, внутри!

Асир, уже изготовившийся к последнему бою, вбежал в зал, вталкивая туда же опалевшего солдата. Тот застыл, словно истукан, увидев перед собой божественного Змея, посланника самого Сета.

— Сиптах! — крикнул Рамон, поняв, в чем суть заклатья.

Дверь, послушная его воле, захлопнулась, и снаружи послышался громкий удар. Это удав, метнувший свое тело вперед, впечатался в каменные ворота.

— Не допрыгнул! — весело рассмеялся Рамон. Он немного дрожал, но это легкое чувство страха даже понравилось ему. Оно тонизировало и давало необычный эффект. Давно жрец не испытывал ничего подобного. В груди щемило, а сердце бешено колотилось.

— Уф, — выдохнул стигиец. — Еле успели. Еще бы чуть-чуть...

Торн только пожал плечами. Риск был его профессией, и он сталкивался с ним ежедневно. И какая разница, кто тебе угрожает, гигантский питон, или отменный мечник. Итог всегда один — или ты, или он. Третьего не дано.

«Тупица, — думал Рамон, глядя на толстокожего северянина. — Да, тонкие чувства тебе не доступны. Только жрать и спариваться — вот что тебе нравится. Скот!»

Стигиец прошептал заветное слово, и в зале вспыхнул свет.

— Имир Великий! — прохрипел Торн.

До сих пор зал освещал только жезл в руках стигийца. Он не мог высветить и сотой доли убранства помещения. Но сейчас...

...сейчас они, вытаращив глаза, смотрели на то, что их окружало.

Зал был огромен. Намного больше того, каким он должен был бы быть, учитывая размеры башни.

И весь он, начиная от стен и колонн и заканчивая полом и потолком, был покрыт золотом и драгоценными камнями. Искусная мозаика, украшавшая стены, изображала сцены пиров, охо-

ты, а также любовных соитий, с участием людей обоих полов, всякого зверья и даже демонов.

Рамон с видом знатока оценил эти картинки и в восхищении захлопал в ладоши. Многого из того, что он узрел на этих стенах, стигиец прежде и представить себе не мог. Как выяснилось, его разум оказался не настолько уж и извращенным...

В самой дали гигантского зала стоял огромный трон, целиком вырезанный из рубина.

Оценив его размеры, Рамон только ахнул. Но самое удивительное ждало их за тронном: Там находился еще один трон, стоящий повернутым к другому входу: к тому, что выводил к морю. Этот трон был из голубого опала. Причем спинка у обоих тронов была одна, и если смотреть с одной стороны, она была алая, а с другой — голубая.

Рамон успел заметить, что во втором зале также нет ни одной повторяющейся картинки. Просто тут большая часть людей совокуплялись с разного рода морскими тварями, а вместо сцен охоты была ловля рыбы и других обитателей океана.

— О, отец наш Сет! Мы богаты, — пробормотал оставшийся в живых солдат.

— Не мы, а мы! — рассмеялся Рамон.

Солдат непонимающе уставился на него.

— Ты еще не понял? — вкрадчиво спросил колдун. — Нам нужно призвать дух Сиптаха.

— И что? — тупо переспросил воин.

— И то, что кого-то придется принести в жертву. И этим кем-то будешь ты!

Воин метнулся, пытаясь выхватить меч, но Торн одним ударом опрокинул его на землю. Асир, привыкший к неожиданным фантазиям Рамона, был готов в любой момент выполнить приказ господина.

Полюбовавшись на его слаженную работу, маг передумал избавляться от варвара.

«Пожалуй, оставлю его в живых, — подумал он. — Отыскать помощника лучшего, нежели Торн, мне вряд ли удастся».

Кроме того, стигиец мог не опасаться предательства со стороны северянина. А это уже немало.

— Вот и хорошо, — Рамон шнул солдата носком сапога. — Полежи пока здесь, а мы осмотримся.

Торн ловко связал воина его же собственным поясом.

— Сюда бы кандалы, — мечтательно произнес варвар. У него, как у всякого сильного человека, была страсть ко всему чрезмерному. Именно поэтому варвар не ленился таскать с собой двухпудовую секиру. Он даже спал с ней.

«А почему бы и нет?» — подумал Рамон.

Он закрыл глаза и представил, как на пленном появляются тяжеленные цепи.

— Ха-ха, хозяин! Да ты просто бог во плоти, — восхищенно воскликнул Торн.

Рамон посмотрел на творение рук своих, точнее мозга, и обомлел. Человек и вправду лежал скованным с ног до головы.

— М-м... — выдавил удивленный стигиец. Но

сравнение с богом ему понравилось. Идея убить Торна навсегда осталась в прошлом.

— М-да, и впрямь бог. Ну, кто бы ожидал, что старый ублюдок сможет достичь такого? — не без самодовольства молвил стигиец.

— Только где же он сам, если обладал таким могуществом? — спросил Торн.

Порой проблески разума, мелькавшие у асира, ставили Рамона в тупик. Сам он, окрыленный новыми возможностями, как-то упустил из вида такой вопрос.

А куда и впрямь делся великий маг? Если уж у него, Рамона, мага-недоучки, получаются такие вещи, что неподвластны лучшим волшебникам нынешнего века, то что же было под силу Сиптаху? Не мог же он просто умереть! Даже нынешний владыка Черного Круга жил уже не первое столетие. Так неужели Сиптах, обладая такой властью, не в состоянии был продлить свое существование?

— Ладно, разберемся, — решил Рамон. — Сейчас следует осмотреть все это здание. А то я пока что, кроме этого зала, ничего не видел.

Они несколько раз обошли гигантское помещение, но никаких других комнат не обнаружили.

— Похоже, тут замешана магия, — вымолвил варвар.

— Конечно же! — хлопнул себя по лбу стигиец. — И как я сразу не догадался! Сиптах! — громко воскликнул волшебник, и перед ними появилась винтовая лестница. — Ну вот, друг

мой, — обратился Рамон к своему спутнику. — Пора обследовать новые владения.

Рамон сделал приглашающий жест, и Торн первым ступил на ступени. Спокойствия ради, он поудобнее перехватил рукоять секиры.

— Куда сперва, хозяин, вверх или вниз?

— Вверх!

Подъем длился на удивление долго. Узкая винтовая лесенка упрямо вилась вверх, не оставляя места для лестничных пролетов или площадок.

Время от времени Торн постукивал своей секирой по стенам в поисках потайных комнат или помещений. Но все без толку.

— Какой же тогда толщины эти стены? — поразился северянин. — И главное — зачем?

— Говорят, будто Сиптах мог повелевать даже бурями, — ответил Рамон. — Тогда становится понятно все это. — И он обвел рукой вокруг.

Единственное, что смущало мага, было осознание того, какие же это могли быть бури. Такая башня способна выдержать настоящий ураган. Сотни ураганов...

Громкий стук, а также проклятия Торна возвестили о том, что они достигли люка, ведущего наверх. Именно об него варвар и расшиб голову.

Рамон мысленно усмехнулся. Такой череп, как у Торна, трудно пробить даже тараном. Видимо, голова асира целиком состоит из кости.

Поднатужившись, асир поднял люк и откинув его. По колодезю, уходящему вниз, пронеслось эхо.

Верхняя комната (обсерватория, как называл ее про себя Рамон), была столь же огромной, как и тронный зал. Однако при этом в ней почти не было свободного места. Повсюду стояли столы с колбами, ретортами и прочими склянками, заполненными алхимическими составами; валялись свитки и древние фолианты; виднелись карты различных земель и звездного неба.

В центре всего этого беспорядка стоял простой деревянный стул с подлокотниками. На нем восседала мумия маленького человечка, а на груди у него висел крупный сверкающий драгоценный камень.

— А вот и наш хозяин! — весело заметил Рамон.

Он с интересом посмотрел на мертвеца. Тот отличался короткими конечностями и раздутым брюхом.

— Красавец, — прокомментировал Рамон.

Сплюснутый нос и толстые губы говорили о примеси негритянской крови.

— И этот урод и был самым могущественным магом того времени? — подивился стигиец. Неудовольственным движением он снял камень с шеи мертвеца и надел себе на шею.

— Так-то лучше. Он тебе ни к чему.

Рядом с креслом стоял телескоп, и любопытства ради Рамон сделал потолок прозрачным, но оттуда на него посмотрела огромная голубая змея. Только эта была вдобавок ко всему крылатой.

— Чтоб ты сдохла! — выругался стигиец,

вздрыгнув. — Тьфу ты! Это же надо так влипнуть!

Рамон попытался убрать змею с крыши, используя заветное имя хозяина башни, но на питона это не подействовало.

— Пропади ты пропадом, — зарычал стигиец и снова сделал потолок каменным. — Ладно, что-нибудь придумаем. И не из таких переделок выбирались, — бодро произнес он, но сердце странно кольнуло.

Рамону почему-то вспомнился тот сон, что всегда приводил его в ужас. Он потряс головой. Бред! Наваждение...

Пытаясь загнать свой страх поглубже, стигиец принялся рыться в вещах умершего мага.

Он осмотрел скелет человека, а также рисунки, изображающие внутренние органы. Рядом, в больших банках, плавали в каком-то растворе сердце, почки, печень и другие органы, изображенные на картинках.

— Похоже, наш дорогой хозяин занимался не только магией, но и алхимией, — высказался Рамон.

— И что? — переспросил северянин.

— Тогда становится понятным, почему он поселился здесь. Негритянское происхождение, алхимия — все это тянет на исключение из ордена магов, а также на смертный приговор. Сдается мне, что он был изгнанником.

Торн, которого все это мало волновало, только пожал плечами. Варвара, конечно же, поразило убранство зала, но в данный момент, он поду-

мывал о том, не пересекли ли они ту черту, из-за которой уже не было возврата. Может, не следовало плыть на этот проклятый остров? Ведь и у простых людей деньги водятся. А они сами сунули головы в пасть тигру. Вот и расплачиваются теперь.

В этот момент камень на груди стигийца ярко засветился, и он почувствовал, как в тело вливается невиданная доселе мощь.

— Хозяин, что происходит? — заволновался Торн. Он увидел, как Рамона охватил огонь, и теперь тот стоял в сиянии света.

— Все отлично, друг мой! Даже лучше, — воскликнул стигиец и неожиданно исчез.

* * *

Рамон ошалело смотрел на огромную кровать, занимающую почти всю комнату. Над ложем был натянут балдахин, точно такой, как и представил себе чародей.

— О, боги... — изумленно прошептал Рамон. Только сейчас он понял, какая власть теперь принадлежит ему. — Нет! Какие еще боги?! У меня нет богов. Я сам теперь бог! — закричал он во весь голос.

Вернувшись в верхний зал, стигиец застал там Торна, который метался в поисках господина.

— Хозяин! — обрадовано вскричал асир. — Где вы были?

— Так сразу и не объяснить. Давай лучше покажу.

И они очутились в зале с бассейном, наполненным прохладной водой.

— Ну, как?

Варвар лишь продолжал хлопать глазами.

— Хозяин!

— Нет, нет! Не называй больше меня так. Я теперь стал богом.

Живой ум северянина схватывал все на лету. Он умел приспосабливаться к любым условиям. А раз стигийцу хочется, чтобы его величали по-другому, что ж, так тому и быть. Главное, чтобы Торн имел с этого выгоду.

— Да, хозяин... то есть, мой бог. Как скажете.

Они долго не жились в водной прохладе, пока Рамон не вспомнил о пленном солдате.

— Пора и ему насладится моим могуществом.

Он усилием мысли перенес воина в купальню, и тот, упав сверху, увидел своих мучителей.

— Это же надо, кто нас посетил! — насмешливо бросил стигиец. — Ну, наслаждайся! Созерцай!

И он громко рассмеялся.

После ванны, наполненной чистейшей родниковой водой, им захотелось массажа и других плотских удовольствий. Но сколько Рамон ни представлял себе туранских танцовщиц и шемитских массажисток, ничего у него не вышло.

— Ладно, потом разберемся, — буркнул помрачневший стигиец. Ему очень не понравилось то, что его власть имеет ограничения.

Он представил себе роскошную трапезную, и они там и оказались. Настроение сразу же поднялось.

— Утощайтесь, друзья мои! — громко воскликнул стигиец.

Торн с наслаждением принялся вкушать долгожданную пищу, а вот перед пленником появились лишь кувшин с водой да краюха черствого хлеба. Как это было ни унижительно, но воин набросился на пищу.

— Вот, Торн, и такие твари смеют называть себя людьми! — с наигранным возмущением воскликнул Рамон. — Ни манер, ни гордости...

Он отщипнул холеными пальцами кусочек цесарки, а затем отпил вина.

— Вот я, к примеру, тоже голоден. Но это все не значит, что можно позволить себе опуститься до уровня свиньи.

Рамон продолжал разглагольствовать, пробуя разнообразные кушанья, коими был уставлен весь стол.

— Увы, но мир, по большей части, населяют грубые и грязные людишки. Вот как этот, например.

Стигиец бросил бедняге недоеденную кость, и тот принялся старательно ее обглаживать.

— О чем и речь! — печально произнес Рамон. — Зато такие люди, как я, рождаются раз в столетие. А может и реже. Я велик! Что, впрочем, осознаю в полной мере. Так выпьем же за мою скромную персону и пожелаем ей, как говорят в Кхитае, процветать еще тысячу лет!

Асир вскочил на ноги и поднял бокал. Вся эта клоунада изрядно забавляла его, но он не показывал вида.

— За тебя, мой бог. Славься же и процветай три тысячи лет!

Рамон захохотал:

— Ты прав, друг мой! Три тысячи, а не одну. Три!

Они пили и ели до тех пор, пока не свалились без сил. Последним усилием мысли стигиец перенес их в спальню. После этого они отключились.

* * *

Огромный кузнечный молот нещадно бил по голове, и Рамон застонал. Распухшие веки никак не хотели раскрываться, а во рту пересохло, как во время перехода по степи, когда у них совсем не было воды.

Наконец веки приподнялись, и стигиец увидел потолок. Однако тот тут же куда-то уплыл, вызвав приступ тошноты.

А великан, лупивший молотом по голове, все не желал убраться прочь.

— Торн, — выдавил из себя стигиец, примерно спустя один колокол.

Очень нескоро варвар отозвался:

— А-а-а...

На большее его не хватило.

Рамон знал, что лучше всего сейчас могло помочь охлажденное вино. Вот только откуда его взять? Как он ни тужился, но представить себе кувшин с напитком не смог.

После нескольких неудачных попыток новоявленный бог задремал. Находящемуся здесь же

пленному воину их мучения были единственным утешением. Проснувшись поутру, он снова попытался избавиться от кандалов, но цепи были слишком тяжелы.

Кроме этого, пленник вновь и вновь повторял слово «Сиптах», однако полное отсутствие магических способностей не позволяло ему воспользоваться волшебством замка.

Когда Рамон снова пришел в себя, ему стало несколько полегче. В этот раз стигиец сумел даже наколдовать столь вожаденную жидкость. Он залпом ополовинил кувшин и снова отключился. Торну пришлось намного хуже. Варвару пришлось проползти почти всю комнату, прежде чем он достиг желанного сосуда. Кроме того, этому гиганту, требовалось нечто большее, нежели полкувшина жиденького стигийского пойла.

«Ах, сейчас бы кувшинчика два красного аргосского», — мечтательно подумал он, но делать было нечего. Рамон уже спал, а будить его Торн не решился.

Еще через день они смогли окончательно отойти от последствий своих неумеренных алкогольных возлияний. Правда, для этого обоим пришлось долго пролежать в холодной воде бассейна.

Ломтики фруктов помогли избежать новых приступов тошноты. И только после этого Рамон опять вспомнил о пленнике.

Надо его поберечь для жертвоприношения, решил он и наколдовал солдату воду и пищу. Все эти дни, пока они мучились от похмелья, воин

сидел на цепи, лишенный каких-либо удобств. Ему даже пришлось ходить под себя, отчего комната стала смердеть. Иногда ему надо мыться, решил стигиец, и бросил солдата в ледяную воду... естественно, не в тот бассейн, где прохлаждались они с Торном.

Памятуя о последней трапезе, они не стали налегать на вино, лишь немного подкрепились. Хотя и аппетита-то особого не было. И лишь после всего этого, удобно устроившись возле небольшого камина, новые хозяева замка перешли к обсуждению дел насущных.

— Пора вызывать дух мага, — произнес Рамон. — Думаю, он прольет свет на происхождение и свойства этих змей. Будем надеяться, что они просто охраняют замок. А вот если нет, то у нас могут возникнуть проблемы.

В подвал они отправились пешком. Рамон не решился перенести их туда с помощью магии. Все-таки казематы могли оказаться заполненными всякого рода тварями, и было бы неприятно очутиться вдруг среди них.

Спуск был столь же долг, как и подъем в обсерваторию. Но они осилили и его.

Подвальный воздух был затхлым и крайне тяжелым. Рамон поднес к носу платок и старательно не опускал его.

Как стигиец и предполагал, внизу находились казематы и зал для жертвоприношений. Только вот какому богу поклонялся Сиптах, было непонятно.

Рамон нигде не видел изображения Сета, из

чего сделал вывод, что колдун и впрямь был отщепенцем.

Прямо в центре зала высилась гигантская необтесанная глыба бурого цвета. Была ли то кровь, пролитая здесь за века, а может, таковым был настоящий цвет камня, — оставалось только гадать.

Но вот тьма, витающая над глыбой, была чем-то большим, нежели просто тьма. Это была *Тьма*, истинная и неповторимая. Вглядываясь внутрь нее, Рамон понял, что все темные земные боги — не более чем младенцы по сравнению с этим.

«В какие же глубины преисподней заглядывал Сиптах?» — пронеслось в голове жреца-недоучки. Впрочем, если этим для получения своего могущества пользовался Сиптах, то почему тем же самым не мог воспользоваться и Рамон?

— Пора, — произнес стигиец, и его голос, прокатившись по залу, вернулся назад, многократно усиленный эхом.

— Сиптах! — громко произнес Рамон, в надежде зажечь светильники. Но ничего не вышло. Огромные медные треноги, стоящие по периметру всего зала, так и не вспыхнули.

— Придется зажигать обычным способом.

Но для этого им понадобилось подняться наверх, и только там Рамон смог наколдовать несколько факелов.

А затем — снова бесконечный спуск в глубины ада. Магия хозяина замка не переносила их в эту обитель зла.

Когда треноги уже полыхали, Рамон хлопнул себя по лбу.

— Проклятье, надо было сразу прихватить с собой этого ублюдка. Теперь придется идти и за ним. Перенести его сюда я не смогу.

Торн окинул взглядом пентаграмму, которую начал создавать стигиец, и ответил:

— Я приведу его, господин. То есть, мой...

— Тс-с, — оборвал его Рамон. — Здесь не следует бросаться подобными словами.

Торн и сам чувствовал это. А потому молча пошел наверх.

Все нужные ингредиенты для волшебства Рамон отыскал в кладовой Сиптаха. Тут были тела еще не рожденных детей, кровь девственниц, собранная в полнолуние, и многое, многое другое.

Наконец пленник оказался в подвале, и асир уложил его в указанный волшебником сектор пентаграммы.

Сама пентаграмма была довольно большой и запутанной. Причудливо переплетенные круги пересекались квадратами и треугольниками, а те, в свою очередь, — с пяти-, шести- и восьмиконечными звездами.

— А вот и наш гость, — весело усмехнулся Рамон, подойдя к пленному воину. — Я рад, что ты решил присоединиться к нам в столь важном деле. Конечно же, ты знаешь, что у нас тут будет маленькое жертвоприношение? По глазам вижу, что знаешь. Надо заметить, это поистине решительный и самоотверженный шаг с твоей стороны.

— Чтоб ты сдох, — прохрипел воин.

— Сдохну, сдохну, — успокоил его Рамон. — Но нескоро. А вот о тебе я этого сказать не могу. Да, чуть не забыл. К сожалению, нам придется уничтожить не только твоё тело, но и душу. Ты же понимаешь, что нам нужно что-то отдать демонам в обмен на Сиптаха. Так что не попасть тебе в рай... Увы!

Воин заскулил, а стигиец, насладившись его унижением, стал дочерчивать рисунок.

— Все, Торн. Теперь пересекать эти черты нельзя. Стой тут и жди.

Асир оказался в пятиконечной звезде, окруженный восемнадцатью слоями защиты. На миг он что-то заподозрил, но Рамон поднял руки в первом жесте власти, и варвар застыл.

Быстрые речитативы сменялись тягучими напевами, а то и вовсе переходили в некое подобие воя. А руки стигийца, двигающиеся в такт песнопениям, наносили жертве, распростёртой на алтаре, страшные и болезненные раны. Так, слой за слоем, Рамон срезал стигийскому солдату уши, нос, губы, соски и половые органы. Он пока еще не добрался до глаз, но ловким движением успел вырвать язык.

Заклинание, направленное на вызывание демонов, заставляло человека оставаться в сознании и испытывать все мучения в полной мере.

А в этот момент нечто темное и бесформенное корчилося и содрогалось, пытаясь найти выход — не из глубин небытия, а из Черных Провалов Вселенной, откуда еще никто не возвращался.

— Аль Сиптах! Аль Сиптах! — упорно взывал Рамон, отсекая бесформенные тени от нужной ему сущности. — Аль Сиптах!

Торн, стоящий на пересечении магических сфер и углов, с ужасом понял, что задумал Рамон.

Жрец решил вселить в его тело тварь по имени Сиптах, а самого Торна отправить в небытие!

Наконец густое облачко, на миг ставшее похожим на человека, зависло над варваром, а затем устремилось внутрь его тела. Асир почувствовал, как его уносит в межмировую бездну, где он должен будет занять место Сиптаха. В этот же момент сотни демонов, отвлеченные заклятием, устремились к воину, что лежал на алтаре. Они подхватили его душу и стали терзать ее. И таким образом никто из них, отвлеченный мучениями жертвы, не заметил подмены.

Рамон устало опустил длани. Он вымотался, но был до крайности доволен собой. Впервые в жизни ему удалась высшая магия.

— Итак, свершилось, — тихо произнес стигиец. — Пора перебраться в более приятное местечко.

Торн, вернее его тело, послушное воле Рамона, подхватило тело хозяина на руки и понесло наверх. Наконец оказавшись в тронном зале, стигиец смог использовать магию Сиптаха и перенес их в опочивальню. Там он позволил своему рабу открыть рот.

— Кто ты, смертный? — булькающим голосом произнесло существо, что отныне поселилось в

теле варвара. — Кто осмелился потревожить мой покой? За это ты умрешь!

Рамон огляделся, будто в комнате мог находиться кто-то еще.

— Ах! Так это ты мне? Ну, надо же!

Он наставил на варвара палец, и того скрутила ужасная боль. Но боль была не только телесная, но и душевная. Это заклятие Рамон почерпнул из книг самого Сиптах.

— Я могу сделать боль вечной, — радостно сообщил стигиец.

После нескольких часов Сущность сдалась. И не оттого, что она страшилась боли. Нет! Того, что познал Сиптах в Межреальностных Безднах, хватило бы и на тысячу человек. Просто отныне он был заперт в теле северянина, на которое было наложено заклятие. Оно-то и заставило душу мага сдаться.

Сиптах с ужасом осознал, что ему тут же стало легче. И он понял, что с каждым днем будет становиться все раболепнее и раболепнее.

Дикий вой сотряс комнату, и Рамон улыбнулся.

— Я могу сделать боль вечной, — снова повторил он.

— Меня не волнует боль, — выдавил из себя Сиптах. — Этот замок повидал ее в таких количествах, что ты и представить себе не можешь.

Рамон кивнул.

— Верно. Но ты будешь мне повиноваться. Пока что только повиноваться будет твое новое гело. А затем и ты сам станешь мне покорен. Я заставлю принести тебя обет верности!

Тело северянина затряслось и стало биться в конвульсиях. Сиптах, как мог, сопротивлялся, но магия оказалась сильнее. Это тело, непригодное для поклонения Сету, не могло противостоять южной магии. Вернее, могло, но только при условии, что там обитает гордая варварская душа. А Сиптах не был так силен, как Торн. Он владел магией, но, лишившись ее, колдун стал беспомощен.

— Да, повелитель.

— Нет, нет. Не так. Не «повелитель», а «мой бог». Бог — вот кто я для тебя.

— Да, мой бог, — отозвался Сиптах, но Рамону показалось, будто в его голосе мелькнула насмешка.

Затем бывший всемогущий колдун произнес обет верности, и Рамон, растянувшись на кровати, мечтательно улыбнулся.

— Ну вот. Теперь я — в неприступной цитадели, обладаю сказочным могуществом, а на побегушках у меня — лучший колдун древности. Ну, разве я не велик?

— Господин, могу я спросить, сколько времени вы находитесь здесь? — обратился к нему Сиптах, глядя на материализовавшийся бокал с вином.

— Дней пять, может, шесть. А что такое?

— Просто интересно. Вы так могущественны, что смогли всего за пять дней освоить эти трюки...

— Трюки, говоришь? Да это же самая настоящая магия! Лучше расскажи, что с тобой случи-

лось? И как твоя душа оказалась в таких глубинах ада?

— Чтобы объяснить все, мне понадобится время.

— А я никуда не спешу.

— Как знать, как знать, — тихо прошептал Сиптах.

— Что ты там говоришь, раб? — переспросил Рамон.

— Нет, нет, мой бог. Ничего! Разрешите начать повествование?

— Валяй помаленьку.

— Если вы видели мое тело, то без сомнения, поняли, что во мне течет черная кровь. Причем, не малая толика, а довольно внушительная часть ее.

— Да уж, полюбовался. Зато теперь у тебя есть новое тело. И должен заметить, такое не каждый день дают... Ну да ладно. Продолжай.

— Моя мать была из племени нанг-ан-андаандандо. Ее захватили в плен во время одного из рейдов за рабами. Так она оказалась в Стигии. Женщиной она была красивой, так что не удивительно, что к ней воспылаал страстью некий маг, входящий в ряды Черного Круга.

На самом деле, магом он был довольно посредственным, зато обожал плотские утехы. А в этом деле моей матери не было равных. Она довольно быстро окружила чародея и вскоре понесла от него. Отец, одержимый страстью к ней, признал мальчика своим сыном, а моя мать в итоге стала его женой.

Губы Торна изогнулись в усмешке, и он мерзко захихикал.

— Уж тогда-то она разошлась на славу. День и ночь ее удовлетворяли похотливые самцы, а мамаше все мало. В ход пошли животные, а чуть позже — и демоны. И тогда она снова понесла. И на этот раз на свет появился я!

— Так ты наполовину демон?

— Был, был... Теперь я стал вообще никем. Хотя это и к лучшему. Но вернусь к прошлому. Маг, этот глупец, посчитал, что и я — тоже его сын. Конечно же, он признал и меня, и это стало его роковой ошибкой. В отличие от моего братца, я обладал магией и вскоре был посвящен в жрецы Дамбаллаха. Настал день, когда я принес божеству в жертву этого самого незадачливого мага. Ах! Как он упрашивал меня не делать этого! Как молил!.. Должен признаться, я даже уступил его просьбе. Но на время. Для начала я принес в жертву Сету своего сводного братца. Колдун чуть с ума не сошел, увидев это. А затем настал черед матери.

— Ты убил ее?

— О, нет. Я поступил более изобретательно. Я рассказал этому неумехе обо всех ее похождениях, а затем прямо при нем изнасиловал ее. Изнасиловал? Она не была против. Мать всегда презирала этого человека. Он был просто ее покровителем. А сама она предпочитала получать все мыслимые и немыслимые удовольствия. Она была похотливой сучкой...

В конечном итоге он умер сам.

Замок перешел в мое распоряжение, и я стал оттачивать свое мастерство. В скором времени меня приняли в Кемии и со временем ввели в состав Черного Круга. Но попав туда, я понял, что все эти недоумки жаждут лишь упрочить свое положение.

А меня волновали знания. Я жаждал оттачивать свое искусство, благо у меня имелся немалый талант.

Очень скоро скромного послушника, не желающего играть по общим правилам, отправили искоренять ересь.

О! Это были славные годы. Кровь не успевала высыхать на алтарях Сета. А вскоре меня стали бояться даже в Кемии. Ведь у всех его обитателей водились свои грешки, которые они хранили в тайне от других. Дабы избавиться от столь ревностного проповедника, главы Черного Круга отправили меня домой, снабдив при этом древними фолиантами, кои никто и прочесть-то не мог. Глупцы! Это люди могут забыть язык змеелюдей Валузии, но не демоны...

Мой папаша обучил меня забытому наречию, и я стал свободно говорить и читать на нем.

Мне открылись столь великие тайны, что я и помыслить об этом не мог. Отныне перед замком высились тысячи кольев, на которых медленно умирали люди. Их кровь пропитала землю настолько, что капала прямо в ад. Воины моего замка непрерывно насиловали девушек и женщин, дабы у меня всегда было в достатке живого материала для исследований.

Так мои силы сказочно выросли. И тогда же я понял, что Дамбаллах не так уж и могуч. Он мог дать власть, но не всесилье. А я желал именно этого. Стать богом!

Тогда-то я и обратился к своей второй родине. Шаманы, лесные мудрецы и жрецы давно забытых богов стали стекаться в мой дом.

Я погружался в трансы и оргии; шел путями звезд и трав, обучался нумерологии и хиромантии. Передо мной распахивались все новые и новые горизонты.

Все это, конечно же, не осталось незамеченным в Кемии. В итоге меня отлучили от Черного Круга и лишили мантии жреца Сета. Тысячи воинов и сотни жрецов были отправлены для подавления мятежа, который я якобы затеял. Так что мне пришлось спешно убираться из замка. Быстроходная галера доставила меня на этот остров, а всех, кто был в замке, включая мою мать, убили. То-то она удивилась!

— Ну, ты и подлец! — отозвался внимательно слушающий его Рамон. Конечно же, многие поступки колдуна были ему внутренне близки и понятны, но хотелось хоть как-то унизить эту тварь...

Сиптах пропустил это замечание мимо ушей.

— Так я оказался на острове, что впоследствии назвали моим именем. Это место я выбрал в качестве основной цитадели, планируя в дальнейшем обустроить весь островок. Но судьба распорядилась по-иному. Поначалу я ощутил нехватку рабов для строительства, опытов и жерт-

воприношений, так что мне срочно пришлось искать необходимый материал. В Стигию сунуться я не решился, а потому обратил свой взор на местную флору и фауну.

Конечно, именем Джеббал Сага я мог заставить подчиниться зверей, но это, скорее, похоже на братство тех, кто еще помнит первобога. А мне требовались рабы.

И тогда я обратился к алхимии. Она вкупе с шаманизмом Черных Королевств и указала мне путь. Скрещивая людей с обезьянами, я получил совершенно новый вид существ. Это были идеальные слуги. Они и стали основой моей новой армии. Замок рос на глазах. Так, в отсутствие людей для кровавых обрядов, я перенес свои интересы в область медицины и выведения новых видов. Вскорости весь этот остров заполонили невиданные прежде твари, но мне все равно было этого мало.

И вот тогда-то я впервые узнал, что на этом острове имеются некие силы, мне не подвластные. Они уничтожали новых существ, не позволяя им приблизиться к центру острова.

Я укрылся в цитадели и попытался прощупать это место, но вся моя магия как будто иссякла! Этот источник силы был неправдоподобно могуществен. Целые полчища тварей по моему приказу устремились туда, но ни одна не вернулась назад.

Это была абсолютная сила! Призываемые мною демоны пропадали без следа, и после я уже не мог отыскать их даже в царстве Тьмы!

Рамон насторожился. Он почувствовал, что эта сила была каким-то образом связана с той, которой он владел отныне.

— В конечном итоге, — продолжил Сиптах, — я сам привлек внимание того, кто обитал на острове. В одном из снов ко мне явился *некто*, чья сила ослепила меня. Он велел мне убраться с острова, и как можно скорее.

Я уже почти было решился бежать, но тут в мой сон вторглось другое существо и предложило сделку. Я должен был бросить все силы в центр острова и начать войну с той, первой, силой.

Ужас мой был беспределен, но обещанная награда перекрывала все страхи. Тот, другой, поклялся исполнить любое мое желание. Любое!

— Судя по тому, откуда я тебя вытащил, он этого не сделал, — усмехнулся Рамон.

— О, нет! Он выполнил свое обещание. Но чем это обернулось...

Сиптах немного помолчал.

— В конечном итоге жадность взяла свое, и я отправил всех подвластных мне тварей в центр силы. Кроме них, в бой пошли звери. Имя Джеббал Сага заставило их подчиниться, и все живое, что было на острове, ринулось вперед. Туда же понеслись демоны, коих я извлекал из преисподней Сета.

Тот, кто велел мне убираться отсюда, был вынужден потратить часть сил на уничтожение врагов, и тогда другой, с которым я заключил сделку, вырвался на свободу. Теперь он поменялся местами со своим стражем и заточил его в

свою же собственную темницу. Как выяснилось позже, то было порождение Хаоса. Приняв облик Черного Дракона, он явился ко мне и назвался Уничтожителем Равновесия Миров.

— Чего ты желаешь? — спросил он меня.

— О, великий! Я желаю стать богом. Творить и кроить мир по своему желанию. Получать из ничего золото и драгоценности, — ответил я.

— Пусть будет так, — возвестил он и громко захохотал.

Помня, что боги ревниво относятся к выскочкам, которые замахиваются на их власть, я попросил:

— И пусть эта обитель будет неприступной для иных богов.

— Хорошо, — утробно зарычал Дракон.

— Ха! А как же мы смогли проникнуть сюда? — перебил рассказчика Рамон.

— Так вы же не боги, — напомнил ему Сиптах. — А вот о смертных я совсем забыл. Я наивно полагал, что Дракон отблагодарит меня. Однако любой дар Уничтожителя Равновесия подобен проклятию. Но об этом я узнал значительно позже.

Когда Черный Дракон, покинул нашу Реальность, ко мне явился тот, кого он сковал.

— Глупец, — промолвил он. — Что ты надеялся! Теперь мой брат будет разрушать мир за миром, сея повсюду Хаос, а противостоять ему будет некому.

Помня о том, что отныне эта крепость неприступна для других, я крикнул:

— Пошел прочь, презренный! Я — бог, и никто не смеет указывать мне.

— Ты сеешь зло, и за это будешь наказан. Мои стражи не смогут проникнуть в твой замок; но и ты не сможешь покинуть его.

— Какие стражи? — крикнул я. — Мне не страшны никакие стражи!

— Силой им служит первооснова этого мира, а потому они не исчезнут под гнетом времени. А когда пройдет вечность и твоя цитадель падет вместе с этим миром, они придут за тобой.

Я посмеялся над незадачливым врагом, и тут появились стражи. Словно в насмешку, они были созданы в виде змей.

Питоны принялись рваться в замок, но это оказалось им не под силу. Тогда я снова восторжествовал, надеясь, что со временем найду на них управу. Ведь я стал богом, и впереди у меня была вечность.

Так, наслаждаясь своим могуществом, я стал создавать здесь роскошные залы и сокровищницы. И тут-то я понял, о чем попросить забыл.

— О чем? — спросил Рамон.

— О даре давать жизнь. Я не мог создать ни одного живого существа. Ведь в моем замке больше никого не оставалось. А выйти отсюда я уже не мог.

— Но отчего? — поразился стигиец. — Ведь ты стал богом!

— Да оттого, что Дракон посмеялся надо мною! Все созданное моим именем было на деле иллюзией.

— Что?! — вскрикнул ошарашенный Рамон.

— То, — передразнил его Сиптах. — Я попросил неуязвимую защиту от других богов, и Разрушитель дал ее мне. Но и моя сила не простирается за стены этой башни. А Стражи не позволяли мне высунуть носа за стены.

— Но почему же тогда ты оказался в аду? — удивился Рамон. — Сидел бы себе здесь и сидел... Воду и пищу-то создавать ты мог? Уж они-то не иллюзия!

— Они — нет. Еда настоящая, хотя и появляется только в пределах башни. А почему я оказался в Черной Вселенной, куда меня утащил один из стражей? Все очень просто. Я совсем забыл о пятом элементе этого мира, из которого был создан последний страж. Четверых-то я видел, это были Огонь, Вода, Земля и Воздух. А вот пятым оказался Дух. О нем я позабыл...

Решив разузнать, что творится на острове, я извлек из тела свою душу и пустил ее странствовать. Тут-то я и попался...

Отсюда нет выхода. И теперь мы застряли здесь навеки!..

Стигиец застонал, а потом завыл. Только сейчас он понял, в какую ловушку попался. Быть погребенным заживо в этом каменном мешке!.. Конечно, он мог создать себе роскошные покои, но что в них толку, коли он не сможет больше глотнуть чистого воздуха, узреть солнце и звезды?..

Самый страшный сон Рамона стал явью.

Глава девятая

Ронан пришел в себя от боли. Это была не та привычная боль от похмелья, что случается после веселых пиршеств с друзьями. Но и эта боль была варвару не внове. Слишком часто за свою жизнь он получал по голове. Но от прочих людей его отличало то, что он всегда оправлялся от травм, какими бы тяжелыми они ни были.

Мысленно киммериец ощупал все свое тело и, не обнаружив переломов, открыл глаза. Яркий ослепительный свет резанул по глазам, и Конан тут же смежил веки. Однако вновь впасть в забытие ему не дали.

— Ну что, очухался?

Конан чуть не подпрыгнул от столь пренебрежительного отношения к себе, но тут он узнал голос Гана Риорды.

— А, это ты, — протянул варвар.

— А ты кого ждал? Своего Крома? Так тебе к нему еще пока рановато.

Делать было нечего, и киммериец открыл глаза. Все его чувства говорили о том, что тут ему может грозить опасность, но, пересилив себя, северянин спокойно уселся на полу и стал осматриваться.

Прямо перед ним стоял черный каменный трон, на котором восседала серебряная статуя. Она изображала крепкого, в меру высокого воина с чуть раскосыми глазами. Его хищное лицо ухмылялось, а глаза смотрели на Конана. Варвара поразило столь изящное изображение, и он даже подался вперед, чтобы получше рассмотреть детали.

— Да-а, — протянул он. Конану не раз доводилось лицезреть произведения искусства, но это на самом деле поразило его. Казалось, воин вот-вот оживет и поднимется со своего постаменты.

— Где сейчас остальные? — поинтересовался он у духа Небесной Секиры. — Кто-нибудь выжил?

— Нет. Все мертвы, — спокойно ответил призрак. — А вот ты заинтересовал местного хозяина.

«Началось!» — подумал киммериец, который вечно влипал в разные истории.

— И чем же это я ему глянулся? Рожа ему моя понравилась?

— Вряд ли. Скорее, его заинтересовало то, что в твоих руках оказалась я!

Произнося это, дух даже раздулся от гордости.

— И что же такого в тебе замечательного?

Призрак аж поперхнулся.

— Как ты можешь говорить такое, потомок Гидаллы! Да разве может хоть какое-нибудь оружие сравниться со мной?

Спорить не имело смысла. Небесная Секира и вправду была лучшим, что держал в своих руках Конан. А ведь через его руки прошло много оружия, и магического в том числе.

— Так значит, он любитель подраться, — глубокомысленно произнес Конан. — В противном случае его бы не интересовали секиры...

— Это верно, — отозвался незнакомый металлический голос. — Только вот возможность такая выпадает редко.

Конан посмотрел на трон и выругался. Статуя была живой.

— Чтоб тебя, — пробормотал он, припомнив, как уже однажды встречался со стальным демоном.

Это было в те времена, когда Конан был атаманом козаков, что обитали на реке Запорожка. В тот раз варвар отправил демона в Черную Бездну лишь благодаря кинжалу из небесного металла. Теперь же у него была целая секира...

Уж как-нибудь управлюсь, решил про себя киммериец, разглядывая металлического воина. А вслух поинтересовался:

— И как мне тебя звать-величать?

Серебряный воин усмехнулся:

— Приятная вежливость. Чаще всего те, кто

попадают сюда, заведя меня, бьются в конвульсиях от ужаса.

Не дожидаясь, мысленно пообещал Конан.

— Зови меня *Страж*, — немного подумав, отозвалась статуя. — В этом есть некая насмешка.

— Какая? — осведомился Конан, хотя это ему было неинтересно. Просто он пытался отвлечь хозяина разговором и вывести по возможности его слабые стороны.

Большая часть всех этих ублюдков, называемых магами, именно так и погибали. Вместо того чтобы убить своего противника не раздумывая, они принимались молотить языком, а затем вечно удивлялись, когда их голова вдруг оказывалась на полу. Вот и этот, кто бы он там ни был, тоже может попасться на старую удочку.

Серебряный человек ответил:

— Когда-то тот, кто ныне является узником, тоже был стражем. Но теперь он оказался заперт в собственной темнице.

— Да, забавно, — согласился варвар. — Но кто этот узник и что он сотворил?

Страж был не прочь поговорить, чего Конан и добивался.

— Почему бы и не рассказать о себе? — медленно произнес серебряный человек. — Ведь твоя история доставила мне массу удовольствия!

— Моя история? Но я не рассказывал тебе никаких историй!

Конан догадался, о чем говорит этот незнакомец. Тот наверняка покопался в его голове, пока варвар был без сознания. Так оно и оказалось.

— История твоей жизни. Очень красочно, должен признаться.

«Твоя голова, отделенная от тела, будет выглядеть не менее красочно», — мысленно пообещал Конан.

— Как ты знаешь, — начала статуя, — этот мир — не единственный. Во Вселенной, имеются и другие миры. А также и боги. Но сутью некоторых богов — таких, как ваши, — является эта планета. С ее концом настанет и их копец. Но имеются и другие боги, те, кто живет меж звезд. Некоторые из них стоят на стороне Порядка, другие — на стороне Хаоса, третьи же равнодушно взируют на их вековую борьбу, ничего ни предпринимая.

И вот среди них издревле существовали два брата. Два антипода. Один на стороне Хаоса, другой — Порядка. Но оба они не могут существовать друг без друга. Первый назывался Уничтожитель Равновесия, а второй — его Хранитель.

Эти два брата странствуют по Вселенной, вечно воюя друг с другом. Один сеет зло, другой противоборствует ему. И надо было такому случиться, что именно на этой планете Хранитель смог пересилить своего брата. А так как он не мог уничтожить его, не уничтожив при этом себя и этот мир вместе с собою, то Хранитель пленил своего антипода. Сам он при этом вынужден был стать стражем, дабы его брат не смог вырваться на свободу. Так продолжалось тысячелетия, пока на этот остров не прибыл молодой маг по имени Сиптах.

Уничтожитель посулами уговорил его начать войну с Хранителем, и тот, отдающий все свои силы на сдерживание брата, вынужден был отвлечься.

— Тут-то Уничтожитель и вырвался, — предположил Конан.

— Да. Но при этом он сковал Хранителя Равновесия в его же темнице, а на страже поставил меня. Боги и колдуны не имеют надо мной власти, ибо Уничтожитель позаботился о том, чтобы их власть была бессильной против меня. Но вот все изменилось.

Впервые за все эти тысячелетия в мою обитель явился тот, кто тоже сотворен из звездного металла, как и я, и наделен душой. Только от себе подобного я могу погибнуть. Таково условие моего могущества.

— Как это так? — удивленно спросил Конан. — Ты же неуязвим!

— Неуязвимых не бывает. Таков смысл Равновесия. Если ты воин, то не можешь быть магом, если маг, то не воин. И так далее. Равновесие в том и заключается, что всегда оставляет лазейку для невозможного.

Мой создатель выбрал это условие, надеясь, что никто в этом мире не сможет создать ничего подобного мне.

— А Рорта тебе и не подобна, — отозвался Конан.

— По сути, а не по внешнему виду.

— Так значит теперь, чтобы выбраться отсюда, нам с Рортой придется сразиться с тобой?

— Верно. Только вряд ли это можно будет назвать сражением.

— Почему же? — возмутился варвар.

— Да потому, что мне нет равных в этом мире!

Конан увидел нечеловеческую надменность в стальных глазах.

— Так уж и нет?

Вопрос остался без ответа. Вместо этого Страж поднялся со своего места и взмахнул рукой. По мановению его длани повсюду зажглись огни и высветили помещение круглой формы.

Конан встал с пола и почувствовал, что все его тело саднит от маленьких и незначительных ран. К тому же он чертовски устал после битвы.

— В свое время, — прохрипел над ухом призрак, — ты пробудил меня ото сна и дал силы, не пожалев своей крови. Теперь моя очередь.

Поток небывалой мощи хлынул в тело киммерийца, вымывая при этом всю усталость. Конан почувствовал себя лет на десять моложе. Так-то лучше, подумал он, вставая напротив своего соперника.

Варвар отсалютовал противнику секирой, но тот остался неподвижен. Страж впериł свой взгляд в Конана, и киммериец принял вызов. Двое людей, застыв друг напротив друга, начали свой поединок. Блестящие глаза серебряного воина старались подавить волю варвара, а заодно и его рассудок. Но Конан не привык отступать перед кем бы то ни было. К тому же на его стороне был бессмертный дух Небесной Секиры.

Великий Кузнец не зря вложил в свое творение частичку души. Воля и сила Древнего Бога оказались сильнее творения Дракона Иномирья.

Страж не выдержал и атаковал, выказав тем самым свою слабость. Однако предстояло еще победить его в поединке на мечах.

Один из клинков серебряного воина метнулся вперед в выпаде, а другой обрушился сверху, грозя расколоть пополам череп.

Конан, не ожидавший подобной скорости, не успел даже среагировать. Зато успела Рана Риорда. Она парировала оба удара.

Очнувшийся Конан наконец сделал шаг влево, уходя с линии атаки, и нанес встречный удар. Длинная рукоять Рорты позволяла держать стража на дальней дистанции, где его клинки были бесполезны.

Но серебряный воин и впрямь был отменным бойцом. Он не растерялся, а стал кружить вокруг варвара, ожидая подходящего момента для атаки. И такой момент выдался довольно скоро. Страж, отклонив острие Небесной Секиры, поднырнул в выпаде под ее острие. Отточенная сталь вонзилась Конану в ногу, и киммериец был вынужден отступить на шаг, а затем и еще на один. Зато теперь он снова мог держать противника на расстоянии. Рана обильно кровоточила, и варвар понял, что его противнику надо только запастись терпением. Остальное довершит слабость человека.

— Надо атаковать! — заклекотал призрак.

Конан и сам знал об этом. Но как? Страж дви-

жется неправдоподобно быстро! А киммериец уже еле шевелил поврежденной ногой.

Ответ пришел сам собой. Если это его последний бой, то он просто обязан прихватить эту тварь с собой на Серые Равнины. А раз так, то и нечего себя жалеть!

Конан оперся на ногу, и боль отдалась во всем теле. Он рыкнул и сделал шаг вперед.

Рана Риорда в крепких руках северянина замелькала с такой скоростью, что на этот раз отступать был вынужден Страж. В его надменных глазах мелькнуло недоумение, а затем и страх.

Это было то самое чувство, которое уж если прокрадывается в душу, то вскоре завладевает и телом...

Так оно и случилось. Серебряный человек, во второй раз потеряв выдержку, снова стал атаковать, стараясь поразить соперника нахрапом. Но разве мог он, тысячелетия просидевший тут в одиночестве, сравниться с тем, кто привык рисковать своей жизнью ежесекундно?

Сколько раз, ведомый прихотливыми тропами судьбы, Конан сталкивался с теми, кто был сильнее и могущественнее его. И где все они? Отправились в те преисподние, которые были уготовлены им их богами. И все потому, что тряслись за свою шкуру.

Варвар намеренно открылся, и Страж не упустил подобной возможности. Метнувшись вперед, он уже было воткнул клинок в крепкое тело киммерийца, но тут острый шип вонзился ему в висок.

— Кровь! — завопила Рана Риорда, поглощая жизненные флюиды серебряного человека. А тот стал таять на глазах.

— Ну, вот и все, — произнес Конан. — Теперь можно заняться местными подвалами. Наверняка там найдется немало интересного.

Северянина прервал мощный толчок, от которого он полетел на пол. Боль пронзила ногу, и Конан понял, что она сломана.

— Ядра Ханумана! — выругался он, крепко стискивая зубы. Из колена торчал белесый обломок кости.

— Скорее, потомок Гидаллы, — проскрежета-ла Рана Риорда, наконец насытившись. — Надо убираться отсюда.

— Ну уж, нет. Клянусь кишками Нергала, местные сокровища по праву принадлежат мне!

— Мертвецам сокровища ни к чему!

Конан знал, что призрак прав, но его раздра-ла злость. Столько пройти, чтобы остаться с носом...

— Проклятье, они мои! И ты, поможешь мне, ржавая железяка!

В этот момент с потолка стали падать огромные глыбы гранита, а колонны угрожающе запа-тались.

— Хватайся, потомок Гидаллы! — пророкотала секира, чье древко висело в воздухе прямо перед киммерийцем.

Конан ухватился за топориче обеими руками, и они взмыли вверх. Острые секиры раскалилось докрасна, и из наверхия Рана Риорды вырвалось

пламя. Верхняя часть пирамиды исчезла в огне, и они оказались на свободе.

Конан посмотрел вниз.

— Уф, успели...

А там творилось нечто невообразимое. Остров вместе с пирамидой исчез под водой, а сама она забурлила, будто кипяток.

Стены кратера стали рушиться, и из глубин бездонного озера появилось нечто. Это была огромная чешуйчатая голова, занявшая весь кратер.

— Кром! — выпалил Конан. — Отправили в преисподнюю одну тварь, так другая следом прет!..

Он вскинул вверх Небесную Секиру, намереваясь обрушить ее на чудище, как только то окажется в пределах досягаемости.

— Спасибо вам, храбрые воины, — слышался в голове киммерийца мелодичный голос.

Конан покрутил головой и только потом понял, что это говорит дракон.

— Кто ты? — спросил он.

— Хранитель Равновесия.

Конан всмотрелся получше и понял, что именно так и должен выглядеть тот, кто борется со злом. Сильный, могущественный, вызывающий трепет, но не обезображенный уродством, что присуще расе злобных драконов.

— Что я могу сделать для вас?

Материализовавшийся дух Рана Риорды слегка поклонился, чего было трудно ожидать. Призрак вечно требовал крови и по сути своей был злобен.

— Благодарю тебя, Хранитель. Но все, что мне нужно, у меня уже есть. Свобода от сна и служение роду Южного Ветра — вот моя суть.

— Да, я вижу. Страшен путь твой. Он кровав и долог, но не бесконечен. Однажды ты получишь свободу от оков стали, и тогда сможешь вознестись к звездам. А за тобой потянутся потомки Южного Ветра. Из слуги колена своего ты превратишься в их пастыря...

Призрак улыбнулся:

— Большого мне и не надо.

— А чего желаешь ты, славный воин Киммерии?

Конан ответил, не колеблясь:

— Сокровищ. Много, много сокровищ. И еще, пожалуй, я хочу стать королем!

— Все это у тебя будет. Но действительно ли, ты желаешь получить это от меня? Разве что-то стоящее дается даром?

Варвар задумчиво покачал головой.

— Пожалуй, нет. Я сам могу себе все это добыть. Так даже интереснее. Но золото-то я заслужил!

— Здесь его нет, и никогда не было, — ответил Дракон. — Но ты добыл нечто большее, нежели золото, славный воин Киммерии. Ты дал надежду обитателям тех миров, где бесчинствует мой брат. А сокровища... что ж, я могу отправить тебя туда, где они есть. Закрой глаза.

Конан выполнил это и почувствовал, как мир содрогнулся.

До него донесся тихий голос Хранителя:

— Прощай, Конан. Не держи на меня зла, если я обманул твои ожидания. Зла и так слишком много в этом мире. А все твои желания когда-нибудь сбудутся. Надо только очень-очень захотеть... А теперь ты забудешь обо мне и обо всем, что с тобой произошло. Мир еще не готов к такому знанию.

— Прощай, Хранитель, — прошептал Конан.

...И открыл глаза.

— Кром! Рорта, да нас завалило в этом крысятнике!

* * *

Рамон в бешенстве крушил мозаичный ба-
рельеф секирой Торна.

— Бежать, бежать, бежать отсюда, — лихора-
дочно шипел он.

Но бежать было некуда. Проклятые змеи сто-
рожили их, точно цепные псы.

— Сиптах, — прохрипел стигиец, делая стену
прозрачной. И — о, чудо! Змей во дворе не было.

Рамон тут же бросился к воротам и отворил
их.

— Ступай, посмотри, где они, — велел он Сип-
таху, запертому в новом теле.

Тот был вынужден подчиниться, хотя и не хо-
тел этого делать.

— Их нет! — победоносно закричал колдун и
бросился бежать.

Опомнившись, Рамон ринулся за ним, но в
этот миг увидел летящего дракона. Стигиец ус-

шел остановиться, прежде чем дракон заметил его.

Пускай пропадает, весело подумал Рамон. Он уже понял, что это и есть тот самый Хранитель Равновесия. А раз так, значит, ему нужен Сиптах. Вот пусть и забирает его. А он переждет в безопасности, а уж после покинет цитадель. Рамон помнил о том, что эта башня не подвластна другим богам. А значит, и Хранителю...

* * *

Хранитель выбрался из гигантской пещеры, в которой провел бесконечно долгие годы, и расправил крылья. После стольких лет заточения он с наслаждением оторвался от земли и завис в воздухе. Конечно, он мог в мгновение ока достичь башни мага, но дракон не спешил. Медленно, но тем не менее уверенно набирая скорость, он с наслаждением оглядывался по сторонам. Вот он увидел башню и какого-то человека, который выскочил из нее. Присмотревшись получше, Хранитель узнал мерзкого мага. Только на этот раз он сменил личину. Впрочем, Хранитель и сам менял их довольно часто. Он вспомнил о Стражах, которые исчезли после его освобождения, но тут же подумал, что так даже лучше. Пора им вновь встретится лицом к лицу!

Дракон взмахнул гигантскими крыльями и приземлился прямо перед человеком.

Сиптах пружинящей походкой бежал к морю, ничего не видя от счастья.

Он уже успел оценить добротность своего нового тела, а потому стремился убраться от Рамона как можно дальше. Ведь магия стигийца действовала лишь в пределах замка. А значит, сейчас Сиптах был неподконтролен ему. Правда, Рамон все еще оставался колдуном и мог поймать его в магические сети. Вот потому Сиптах и бежал. Он знал, что стигийцу вовек его не достать, если он уберется на порядочное расстояние...

Порыв ветра сбил «варвара» с ног, и, подняв голову, Сиптах увидел того, кого он боялся больше всего на свете.

Перед ним возвышался Хранитель.

— Ну, вот мы и встретились, — пророкотал Дракон.

От страха Сиптах окаменел. Хоть он и заполучил тело Торна, сущность-то оставалось его собственной. А древний колдун не умел, подобно северянину, броситься на врага очертя голову.

— А-а-а, — застонал он, закрывая голову руками. Взгляд Хранителя пронзил его.

— Вижу, ты совсем не изменился, — прогреготал Дракон.

Внезапно ему открылось будущее Сиптаха, и он решил не убивать его.

..Дракон взмыл вверх и закружил над башней.

Он не мог проникнуть в нее взором — все-таки магия его брата была сильна — но и не хотел оставлять ее вот так, открытой для поругания.

— Именем своим и властью своей, я запечатаю эту башню навеки. Отныне только чистый

духом и помыслами сможет проникнуть в нее и беспрепятственно выйти. Аой!

Дракон издал ужасный рев и стал удаляться. Ткань мироздания разошлась и поглотила Хранителя.

* * *

Рамон провел рукой по лбу, стирая с лица обильную испарину.

— Повезло...

Уверенной походкой он направился к воротам, положив на них руку и молвил:

— Сиптах!

Дверь не шелохнулась.

— Сиптах! Сиптах!

Результат был все тем же. Рамон начал биться о дерево, но лишь сильно ушиб себе плечо.

Он бросился вверх по лестнице и, уставившись в окно, увидел, как Сиптах уверенно спускается к морю. И чем дальше он уходил от своей цитадели, тем меньше магии оставалось в его имени.

Вскорости каменная кладка башни обрела свой естественный цвет, и сделать ее снова прозрачной Рамон уже не смог.

— Будь ты проклят! — закричал он, но только эхо вторило ему, носясь птицей по пустынной башне.

Рамон устало сел в кресло Сиптаха, где раньше обреталась мумия колдуна, и устало закрыл глаза.

* * *

...Через много лет, снова попав на этот остров, Конан снимет амулет Сиптаха с груди совершенно другого человека, к тому времени, уже обратившегося в мумию, но так и не узнает его. Ему и в голову не придет, что это — тот самый стигиец, что украл вместе с галерой и его месть.

* * *

Когда Сиптах раскрыл глаза, Хранителя уже нигде не было. Не веря своему счастью, колдун огляделся, но дракон и правду исчез.

— Идиот! — захохотал бывший волшебник. — Ты и впрямь идиот! — крикнул он в небеса. — Привык всех щадить... А вот я ни за что тебя не пощадил бы.

Он уверенно вскочил на ноги и побежал к морю. Еще никогда в жизни Сиптах не чувствовал такой мощи и уверенности в себе. Это тело действительно было совершенным. Сильное, ловкое, в самом расцвете сил...

Сзади раздался мягкий шелест, и он обернулся. Что-то огромное и тяжелое навалилось на него и перекусило пополам.

— О, нет, — прошептал колдун, теряя сознание.

До чего же нелепо умирать от рук своего же творения! Много-много лет назад Сиптах сам создал Охотника. И теперь один из его потомков, а может, и он сам, нашел себе новую жертву. Соз-

вание покинуло человека, а Охотник, расправив крылья, взлетел на башню.

Отныне он стал ее единоличным хозяином.

* * *

Боль улетучилась так же внезапно, как и появилась. Сиптах раскрыл глаза и обомлел. Перед ним растянулся длинный стол, за которым веселились варвары. Во главе стола восседал хмурый рыжеволосый великан. Это был Имир.

— О, Сет, — простонал колдун, поняв, в какой переплет он попал.

Имир заревел и обрушил кулак на стол:

— Не смей упоминать этого червя в моем доме! В Валгалле живут сыновья Нордхейма! А ты кто такой?

Сиптах задрожал, как осиновый лист. Оказавшись в теле асира, он, естественно, попал и в его загробный мир.

— Ты посмел занять тело одного из моих сынов?! Ты заплатишь за это!

— Платить? Но как?

Имир захохотал.

— Очень просто. — Он положил руку на плечо одного из воинов. — Позабавь нас, Атли.

Гигант поднялся с места, и посмотрев в его глаза, колдун содрогнулся. В них пылал неистовый огонь безумия.

Непонятно как, в руках Атли появилась шипастая булава, и он с быстротой молнии опустил ее на голову мага.

Сиптах даже успел услышать треск расколотой кости, а затем его голову пронзила дикая боль. Он рухнул на пол, чувствуя, как заливает его своей кровью и мозгами. Казалось, боль будет длиться вечно, и когда колдун должен был уже уйти во тьму, началось его возвращение, которое оказалось еще более болезненным.

Срачиваемые кости трещали, то и дело задевая обломками мозг. И как только все закончилось, Сиптах услышал чей-то голос:

— Спорим, я разрублю этого хоряка пополам!

— Ладно, ладно, Сард. Все и так тебе верят. Лучше посади его на кол. Или четвертуй... То-то забавно будет посмотреть, как он поскачет по полу без конечностей... Давно у нас не было такой славной забавы!

* * *

— Кром! Рорта, да нас завалило в этом крысятнике!

Конан посмотрел на казну Файона и фыркнул.

— Стоило ли стараться ради этого? Ну, ладно...

— Стены мне не преграда, потомок Гидаллы, — проскрежетала секира.

— Да уж, видел! — захохотал варвар. Он поднял топор и обрушил его на завал. Расколовшийся каменный блок отлетел в сторону, освобождая проход, и Конан обомлел. Прямо за стеной находилось сокровищница, полная золота.

— Ха! Похоже, что старый сетов выкормыш не знал об этом месте! Кстати, а где он?

— В желудке Шапшума, — хотел ответить призрак, но вспомнил, что Хранитель стер из памяти киммерийца все, что случилось за эту седмицу.

— Ну, и Нергал с ним. Пошли, поторопим жирного ублюдка. Пускай перетащит все наверх.

Выбравшись из завала, варвар громко заревел:

— Шапшум! Тащи сюда свою задницу. Ну, живо!

Алые глаза кутуба с трудом сосредоточили взгляд на Конане.

— Ты... Но как... Ты?

«Вот ведь идиот, — подумал киммериец. — Уже успел меня позабыть!»

— Я, я, — раздраженно ответил он. — Иди таскать золото.

Удивленный кутуб медленно поднялся, но спорить не решился.

— Да смотри, не вырони ни монетки, — приободрил его варвар.

* * *

Ранним утром недалеко от Асгалуна с неба упал огромный человек. Он устало встал на четвереньки, и с его шеи спрыгнул другой.

Спрыгнувший отвязал со спины кутуба, пять здоровенных сундуков.

— Ну-ка, Шапшум, быстро их закопай, — велел он волосатому гиганту.

— Ага, — кивнул тот и принялся за работу.

— Ну, все. Свободен, — произнес северянин, когда людоед закончил.

Кутуб взлетел в небо и пропал.

— Итак, Рорта, — произнес Конан, любовно глядя древко секиры. — Пора и нам в путь. В этом городишке вполне можно набрать неплохую команду. Золота нам хватит на покупку вполне сносного корыта. А затем — в путь по волнам!.. Пора расшевелить этих псов.

И северянин направился в сторону города.

* * *

«Ну уж, нет, — подумал Шапшум, набирая высоту. — Ноги моей больше не будет на этой земле!»

Он миновал руины Файона и быстро полетел дальше.

Мчась в сторону Иранистана, кутуб заметил медленнодвигающийся караван и рухнул вниз. Добыча! О, он любил свежую добычу!..

* * *

Йасаб был доволен. Даже маленькую неудачу с Аммамунм-Пха он умудрился превратить в победу. Теперь назойливого жреца более не существовало в этом мире. И Зебаха, скорее всего, — тоже. Его должен был отравить верный Йасабу человек... которого потом, в свою очередь, тоже убьют.

Шемит довольно улыбнулся, ощущая удо-

вольствие оттого, что он предусмотрел абсолютно все.

Не предусмотрел Иасаб только одного. Кутуба, пролетавшего в небе. Кутуба, который рухнул на их маленький караван и вмиг разметал его охрану...

Шемит даже не успел выхватить свой ятаган, когда рычащее чудовище оторвало ему голову.

СОДЕРЖАНИЕ

СКИПЕТР МАГА

Алан Уоттс

Пролог.....	7
Глава первая.....	17
Глава вторая.....	33
Глава третья.....	57
Глава четвертая.....	76
Глава пятая.....	103
Глава шестая.....	124
Глава седьмая.....	144
Глава восьмая.....	159
Эпилог.....	179

ОСТРОВ КОЛДУНА

Алан Уоттс

Глава первая.....	187
Глава вторая.....	222
Глава третья.....	248
Глава четвертая.....	261
Глава пятая.....	272
Глава шестая.....	290
Глава седьмая.....	313
Глава восьмая.....	332
Глава девятая.....	369

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитал Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын
Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом
Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне».
Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2003 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
третий роман трилогии — «ДОМ КОРИНО»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книжки по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других. "Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невероятные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

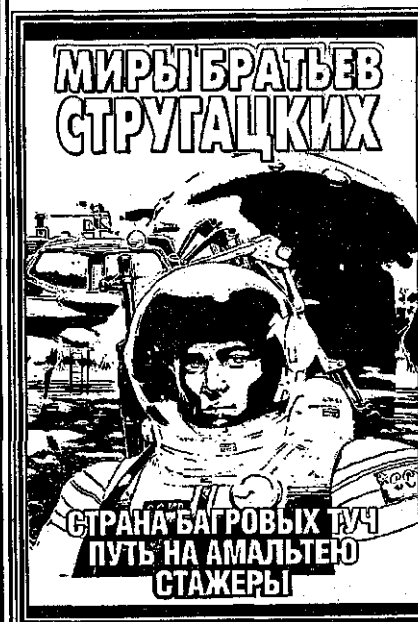
СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ

"МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди — независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие — это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Уоттс Алан

КОНАН И СКИПЕТР МАГА

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*
Обложка: *Владимир Савватеев*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.2002, РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОВИИ ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СТЫЖЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИВАРА 56
КОНАН И СЛАП ХЛОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СЕНТАИШЕ ПЯТКОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОАНИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВОЛАНКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСТОЛИНА 63	КОНАН И САГА ТУМАНА 64
КОНАН И ЛУК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И СВИТЕЛЬ АРАКОУВ 66	КОНАН И НАСЛАДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН И АЛАЛ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕПЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИЕЦ ЗИНГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕРМУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И ОКОРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН И НЕФОРТОВАЯ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУАОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИКИ МОРЕЙ 80
КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81	КОНАН И ВАДАМКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАГЛАД НАЕМНИКА 83	КОНАН И ЛЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕДИИ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДЬМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И ЧЕСТЬ БЕЛА 88
КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИИ 89	КОНАН И ВОДЧЫИ БАШНИ 90	КОНАН И КЛЕТВА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКИПЕТР МАГА 92				

ISBN 5-17-020177-X

9 785170 201778